

Лотар фон Швейниц

ПРИ ДВОРЕ АЛЕКСАНДРА III

ДНЕВНИК
ГЕРМАНСКОГО
ПОСЛА

Les mémoires

DENKWÜRDIGKEITEN
DES BOTSCHAFTERS
GENERAL VON SCHWEINITZ

Berlin: Verlag von Reimar Hobbing
1927

ЛОТАР ФОН ШВЕЙНИЦ

ПРИ ДВОРЕ АЛЕКСАНДРА III
ДНЕВНИК ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(47).081
ББК 62.3(2)522-3
Ш34

Швейниц, Лотар фон.

Ш34 При дворе Александра III. Дневник германского посла / Лотар фон Швейниц ; пер. с нем. Н. А. Власова. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 352 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Les mémoires). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0798-5

Ганс Лотар фон Швейниц (1822–1901) являлся германским послом в Российской империи с 1876 по 1892 год. Таким образом, он оставался на берегах Невы на протяжении практически всего срока царствования Александра III. Он стал свидетелем выбора нового курса во внутренней политике России, драматического ухудшения отношений с Германией и первых шагов к заключению российско-французского союза. В своем дневнике Швейниц не только описывает важные события, непосредственным участником которых он являлся, но и делится своими наблюдениями и размышлениями о настоящем и будущем России.

УДК 94(47).081
ББК 62.3(2)522-3

Электронное издание на основе печатного издания: При дворе Александра III. Дневник германского посла / Лотар фон Швейниц ; пер. с нем. Н. А. Власова. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 352 с. — (Les mémoires). — ISBN 978-5-8071-0613-1. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0798-5

© Власов Н. А., перевод, предисловие, 2023
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2024
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Эпоха Александра III ставит как перед исследователями, так и перед любителями истории два больших комплекса вопросов. Первый из них касается внутренней политики. Был ли верным консервативный курс, взятый новым императором после убийства отца, собиравшегося двигаться по пути реформ? Удалось ли справиться с внутренним кризисом — или лишь временно погасить его внешние проявления, не решив по существу ни одной из острых и масштабных проблем? Позволила ли предпринятая Александром III «заморозка» оздоровить российское государство и общество — или сделала практически неизбежными революционные потрясения начала XX века? Другой комплекс вопросов связан со сферой внешней политики, где именно в царствование Александра III произошли масштабные перемены. Кто несет ответственность за ухудшение российско-германских отношений? Был ли отказ от традиционного сотрудничества с Берлином и поворот в сторону союза с Францией неизбежным? Стал ли отказ преемников Бисмарка от продления «договора перестраховки» с Россией катастрофической ошибкой — или же трезвым признанием свершившихся фактов?

Автор представленного вниманию читателя дневника, Ганс Лотар фон Швейниц, тоже искал ответ на эти вопросы. Им двигало отнюдь не только любопытство — на протяжении

более чем шестнадцать лет, с 1876 по 1892 год, Швейниц являлся германским послом в Российской империи. Он постоянно взаимодействовал с ключевыми государственными деятелями и самим императором, внимательно изучал происходящее в стране, а также непосредственно играл немалую роль в развитии российско-германских отношений. Поэтому дневник Швейница — важный и ценный источник по истории эпохи Александра III, без которого трудно обойтись при ответе на многие ключевые вопросы.

Ганс Лотар фон Швейниц родился в 1822 году; как и многим прусским дворянам, ему была суждена военная карьера. Круг интересов молодого офицера оказался шире, чем у многих его сослуживцев, и к сорока трем годам он успел побывать на разных должностях: от личного адъютанта прусского кронпринца (с которым его всю последующую жизнь связывали дружеские отношения) до военного атташе в Австрии. В 1865 году он был назначен прусским военным уполномоченным в Петербурге — то есть личным представителем прусского короля при российском императоре. На этой должности он оставался на протяжении четырех лет. С Александром II у Швейница сложились очень хорошие отношения, которые можно даже с известными оговорками назвать дружескими. Поэтому в 1876 году, когда на повестку дня встал вопрос о назначении нового германского посла в Петербург, кандидатура генерала фон Швейница была названа практически сразу. Генерал к тому моменту уже имел весьма солидный дипломатический опыт — с 1869 по 1876 годы он представлял свою страну в Вене. Этот опыт оказался совершенно не лишним; перед новым послом с самого начала встали весьма непростые задачи.

Воспоминания и дневниковые записи Швейница, касающиеся его деятельности в России в эпоху Александра II, были опубликованы издательством «Евразия» в 2022 году¹.

¹ *Швейниц Л. фон.* При дворе Александра II. Мемуары германского посла. СПб.: Евразия, 2022.

В настоящее издание вошли дневники германского посла, охватывающие период правления Александра III. Содержание их весьма многогранно. Читатель найдет здесь и подробности российско-германских отношений, и картины жизни императорского двора и высшего света, и размышления о настоящем и будущем России, и весьма яркие характеристики ключевых действующих лиц. Швейниц был не просто внимательным наблюдателем, он пытался осмыслить увиденное, высказывал свои суждения, строил прогнозы. Эти суждения и прогнозы особенно интересны — как взгляд на российскую действительность со стороны, который, как известно, позволяет увидеть определенные вещи в новом свете и по-новому задуматься над ними. Не менее важно также подчеркнуть, что генерал являлся не просто сторонним наблюдателем, а одним из ключевых участников происходящего в российско-германских отношениях. Швейниц вовсе не был послушным исполнителем воли Бисмарка; соблюдая дисциплину и субординацию, он, тем не менее, позволял себе иметь собственное мнение и действовать соответствующим образом.

Безусловно, взгляд автора дневника не полностью объективен. Впрочем, можем ли мы представить себе совершенно объективного очевидца? Любой человек является носителем определенного мировоззрения, через призму которого воспринимает окружающую действительность. Читая дневник Швейница, нужно, во-первых, помнить о его политических симпатиях. По своим убеждениям он являлся последовательным консерватором, выступал за сотрудничество европейских монархий и с подозрением относился к либеральным реформам. Во-вторых, нужно учесть, что Швейниц смотрит на Россию через призму распространенных в его времена национальных стереотипов. Последовательно выступая за сохранение добрых отношений Петербурга и Берлина, генерал вовсе не был русофилом. В-третьих, он был пламенным патриотом своей страны

и судил обо всем происходящем с позиции ее интересов. Более того, став в юности свидетелем визита Николая I в Потсдам, во время которого российский император обходился с прусским королем как с мелким вассалом, Швейниц невольно затаил обиду; с тех пор исключительно важным для него стало подчеркивать принципиальное равенство двух держав, избегать даже тени тех прежних времен, когда Пруссия являлась младшим партнером своей восточной соседки.

Все это, однако, не лишает дневник Швейница большой исторической ценности. Как известно, критический подход нужен к любому источнику, и представленный текст не может быть исключением.

В завершение необходимо сказать несколько слов, касающихся именно этого издания. Во-первых, при переводе текста были допущены незначительные сокращения. В частности, были опущены описания охотничьих приключений (генерал был страстным охотником) и некоторые сюжеты частной жизни, не представляющие для читателя большого интереса. Во-вторых, при комментировании текста большой проблемой стало ограничение объема комментариев. В своем дневнике генерал часто упоминает о сюжетах, которые в свое время занимали умы европейских дипломатов, однако в целом носили второстепенный характер и поэтому практически не нашли отражения в современных обзорных работах. Многим ли читателям знакома, к примеру, история военно-морской блокады Греции великими державами в 1886 году? Дать подробный развернутый комментарий по каждому такому сюжету не представлялось возможным. В связи с этим мы были вынуждены ограничиться лишь минимально необходимыми комментариями в надежде на то, что более подробную информацию читатель при желании найдет в монографиях специалистов. Так, по частным проблемам международных отношений соответствующего периода мы можем рекомендовать работы

Г. А. Нерсесова² (Египетский кризис), М. Ю. Золотухина³ (Болгарский кризис), С. Д. Сказкина⁴ (распад Союза трех императоров) и И. С. Рыбаченок⁵ (формирование русско-французского союза).

Николай Власов
февраль 2023 года

-
- ² *Нерсесов Г. А.* Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 годов. М.: Наука, 1979.
- ³ *Золотухин М. Ю.* Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888). М.: Наука, 1993.
- ⁴ *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М.: Наука, 1974.
- ⁵ *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Ин-т истории СССР, 1993.

1881 ГОД

20 марта. Яркое солнце, тепло, но сильный ветер; без четверти одиннадцать траурная процессия двинулась в путь от Зимнего дворца¹. Император с достойным, мужественным видом шел за гробом; позади него — великие князья. Больше двух часов потребовалось на то, чтобы преодолеть пять верст до крепости². Дипломатический корпус собрался в крепостной церкви. В траурной процессии царил возмутительный беспорядок, полное отсутствие того уважения, которое является обыкновенным даже на похоронах незначительных особ. Были приняты весьма масштабные меры безопасности. Народ проявлял любопытство, но в целом относился к происходящему с тем же тупым равнодушием, какое я наблюдал на протяжении последней недели. Не было никакого следа возмущения в адрес убийц, глубокого горя или громкого плача. Лишь в одном месте — там, где совершилось злодеяние, — с утра до вечера можно видеть несколько сотен человек, в основном любопытствующих, но также плачущих и возлагающих цветы и венки.

21 марта. В 10 часов утра я отправился к Владимиру Александровичу. Этот великий князь прекрасно понимает и ощущает свое сыновнее горе, свой братский долг и ту опасность, которой он подвергается как представитель династии Романовых. В соответствующем духе была вы-

¹ Речь идет о похоронах Александра II.

² Имеется в виду Петропавловская крепость.

держана и его речь, обращенная ко мне — проникновенная и хорошо продуманная.

22 марта. Последние слова, сказанные мне усопшим императором, были: «Увидимся 22 марта!» Человеку, внимательно наблюдавшему за происходившим в последние годы внутри России, потрясенному (хотя и не удивленному) провалом умиротворяющей политики Лорис-Меликова, должна прийти в голову мысль: теперь император отправится в Москву! И действительно, кажется, остался выбор между двумя путями: реформы в европейском духе в Петербурге или самодержавное царствование в Москве. Все газеты северной столицы, за одним-единственным исключением, требуют либеральных реформ и насмеваются над предложением Каткова и Аксакова перенести резиденцию в Кремль. Это предложение имеет смысл, но я не верю, что оно будет исполнено; возникнет слишком много неудобств. Однако весьма любопытен вопрос о том, что было бы лучше для нас: конституционная империя на Неве или самодержавное царство в Кремле?

24 марта. В девять часов утра я встретил кронпринца в Гатчине. Он с похвалой отозвался о моем донесении от 16-го числа, назвал его «классическим» и передал мне весьма лестный отзыв супруги об этом документе. Такая похвала очень обрадовала меня, но одновременно насторожила. Как бы то ни было, я лишь хотел сказать, что, если монарх не может править сам и не находит людей, способных позаботиться о его интересах, он теряет контроль в пользу других.

26 марта. Я пришел к господину Гирсу³; он советовался с бароном Жomini⁴ по неприятному вопросу. Перед

³ Николай Карлович Гирс (1820–1895) — российский дипломат, с 1875 года товарищ министра иностранных дел, в 1882–1895 годах министр иностранных дел. Сторонник тесного сотрудничества России с Германской империей.

⁴ Александр Генрихович Жomini (1814–1888) — российский дипломат, один из ближайших помощников князя А. М. Гор-

ними лежала нота Гренвиля⁵ по поводу Греции⁶; императрица плакала из-за своего брата Георга!⁷ Гирс спросил мое мнение; я ответил, что покойная императрица⁸ помогла начать войну ради славян, остается только желать, чтобы нынешняя не сделала того же ради греков. В случае обострения ситуации следует позаботиться о том, чтобы люди, желающие пользоваться популярностью при дворе, не отправились в Грецию добровольцами. Я мог бы назвать некоторых, у кого явно имелись подобные намерения. Гирс прекрасно понимал ситуацию и действовал в соответствии со своими убеждениями.

27 марта. Около полудня я вместе с Анной отправился на похороны в Петропавловский собор. Церемония была величественной и захватывающей. Большая часть присутствующих думала о минах и бомбах; ждали, что что-нибудь произойдет. Граф Адлерберг⁹ выглядел весьма достойно и вызывал сочувствие; он неподвижно стоял у изголовья человека, которому служил всю свою жизнь. По окончании

чакова, в 1879–1880 годах товарищ министра иностранных дел, с 1882 года занимал пост статс-секретаря.

- 5 Джордж Левесон-Гоуэр, граф Гренвиль (1815–1891) — британский политик, один из лидеров Либеральной партии. В 1880–1885 годах занимал пост министра иностранных дел в кабинете Гладстона.
- 6 Речь идет о греко-турецком конфликте, урегулированием которого занимались в тот момент великие державы.
- 7 Греческий король Георг I (годы правления 1863–1913) являлся родным братом российской императрицы Марии Федоровны.
- 8 Имеется в виду императрица Мария Александровна, супруга Александра II; по мнению Швейница, ее окружение активно способствовало принятию решения о начале в 1877 году войны с Османской империей.
- 9 Граф Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888) являлся одним из ближайших сподвижников Александра II; в 1870–1881 годах занимал пост министра императорского двора и уделов.

церемонии я отправил телеграммы императору и крон-принцессе. Затем в Зимнем дворце у меня была беседа с кронпринцем; он рассказал о своем разговоре с российским императором, прошедшем весьма удовлетворительно и без всяких излишеств. Вечером принц ужинал у нас.

8 апреля. В России уже давно пренебрегают теми формальностями, которые важны в повседневной жизни и необходимы в дипломатическом общении. Традиция хорошего тона утрачена. Примерно через три-четыре дня после ужасного события я на правах дуайена дипломатического корпуса написал статс-секретарю Гирсу, что представители европейских держав хотели бы лично высказать Их Величествам свои соболезнования и добрые пожелания. Прием был наконец назначен на сегодняшний день — накануне запланированного переезда в Гатчину. Императорская чета производила хорошее впечатление, держалась просто и достойно, что позволило забыть о недостатке любезности и учтивости. У дверей, через которые вошли Их Величества, стояли камердинер с воротником весьма сомнительной чистоты и лакей в гамашах и поношенной ливрее без траура. Из боковой комнаты с любопытством выглядывали игравшие там дети; на несколько мгновений в салоне появились мопс и шпиц с умной мордочкой. В приемной я встретил генерала Игнатьева¹⁰ и поздравил его с назначением министром государственных имуществ. Он ответил, что царь хотел сделать его министром образования, а когда Игнатьев наотрез отказался, вынул

¹⁰ Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) — российский дипломат и государственный деятель, в 1864–1877 годах являлся послом в Османской империи, в 1878 году вел переговоры о заключении Сан-Стефанского мира. Одна из самых влиятельных фигур во внутренней и внешней политике России; в 1881–1882 годах занимал пост министра внутренних дел. Швейниц крайне негативно относился к личности и деятельности графа Игнатьева, считая его лжецом и авантюристом, толкающим Россию к серьезному кризису.

принять министерство государственных имуществ. О чем думает голова, в которую могла прийти мысль доверить графу Игнатьеву воспитание молодежи?

12 апреля. Вечером у меня был граф Кальноки¹¹ и рассказал подробности о первом дне, проведенном императорской четой в Гатчине. Распорядитель приготовил обед для Их Величеств и свиты, однако император и слышать об этом ничего не пожелал. Он надел свой китель, скроенный по австрийскому образцу, пообедал в кругу семьи, затем улегся в шезлонг и курил сигареты, никого не принимая и не читая. Впрочем, в его окружении нет никого, с кем он мог бы обсудить серьезные дела.

22 апреля. Я дважды ночевал в лесу¹². Император по-прежнему в Гатчине. Оттуда почти никаких известий, и я смог узнать некоторые курьезные подробности только от принца Альтенбургского¹³, который время от времени навещает меня. Важнее другое: 20 марта в Аничковом дворце заседал совет под председательством императора. Обсуждался вопрос, поднятый непосредственно перед гибелью прежнего монарха: о созыве земских делегаций. Министр внутренних дел неубедительно мотивировал

¹¹ Густав Кальноки (1832–1898) — австро-венгерский дипломат; в описываемое время (с 1879 года) посол в Петербурге. Осенью 1881 года назначен министром иностранных дел Австро-Венгрии, оставался на этом посту до 1895 года.

¹² Во время поездки на охоту.

¹³ Принц Альберт Саксен-Альтенбургский (1843–1902) — представитель одной из ветвей династии Веттинов, российский и прусский военный деятель. Карьера принца была довольно необычной: в 1864 году он участвовал в рядах прусской армии в Датской войне, в следующем году поступил на российскую службу, однако в составе германской армии участвовал во Франко-германской войне 1870–1871 годов; затем вновь вернулся в Россию и участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Дослужившись в российской армии до звания генерал-майора, в 1885 году окончательно вернулся в прусскую армию и достиг звания генерала кавалерии.

свое предложение и не смог защитить его от кратких, но решительных возражений 80-летнего графа Строганова и страстного красноречия обер-прокурора Синода¹⁴. Граф Валуев¹⁵ рассказал мне, что автор предложенного проекта — не Лорис-Меликов¹⁶, а Абаза¹⁷. Последний выступил в защиту своего творения, но, похоже, в этот раз не сумел произвести большого впечатления. Господин Сольский¹⁸ в ответ на резкие возражения графа Строганова и господина Победоносцева против любых уступок попросил их

-
- ¹⁴ Имеется в виду Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), занимавший пост обер-прокурора Синода с 1880 по 1905 год. Одна из ключевых фигур эпохи Александра III, придерживался консервативных взглядов, выступая за сохранение существующей системы. Фактически фигура Победоносцева стала в российском обществе символом реакции и сопротивления любым переменам. Швейниц относился к нему негативно, считая, что он подталкивает Россию к более агрессивной и поэтому опасной внешней политике.
- ¹⁵ Петр Александрович Валуев (1814–1890) — российский государственный деятель, министр внутренних дел в 1861–1868 годах, министр государственных имуществ в 1872–1879 годах, председатель Комитета министров в 1879–1881 годах.
- ¹⁶ Михаил Тариэлович Лорис-Меликов (1824–1888) — российский военный и государственный деятель. В 1880 году стал главой Верховной распорядительной комиссии, основными задачами которой были борьба с революционной угрозой и подготовка внутренних реформ, а также министром внутренних дел. Подготовил проект политической реформы, которая не была реализована в результате убийства Александра II. В 1881 году ушел в отставку.
- ¹⁷ Александр Агеевич Абаза (1821–1895) — российский государственный деятель, министр финансов в 1880–1881 годах.
- ¹⁸ Дмитрий Мартынович Сольский (1833–1910) — российский государственный деятель, в 1878–1889 годах государственный контролер Российской империи. Впоследствии возглавлял ряд департаментов Государственного Совета, а в 1905–1906 годах являлся его председателем.

выступить со своими предложениями. Этого они не смогли, и совет закончился без какого-либо результата.

27 апреля. В Таменгонтском лесничестве. В последние дни я был сильно занят, обсуждая с господином Гирсом текст циркуляра, приглашавшего великие державы отправить своих представителей на конференцию в Брюсселе, призванную изыскать средства для борьбы с международными террористами. Я исправил русский проект, так что из него исчезли выражения «права на убежище» и «выдача»; англичане и французы и без того будут сильно противиться. Их Величества уже 17 дней в Гатчине; император ни на один день не возвращался в столицу. Генерал Трепов¹⁹ отправился к великому князю Владимиру, чтобы попросить его убедить брата показаться войскам; это безусловная необходимость. Вчера стал достоянием общественности в высшей степени примечательный факт: князь Ливен выпросил у покойного монарха в подарок целый лес, а новый император снял его с должности управляющего министерством доменов и вынудил вернуть лес в казну. Первая мера была правильной, вторая — ошибочной. Если, опираясь на данный прецедент, потребуют пересмотра всех императорских земельных пожалований, это станет жуткой расправой с классом, который на протяжении последних двадцати лет не правил, а наслаждался, не трудился, а богател. Такая кара была бы вполне заслуженной, однако нельзя пересматривать решения самодержца, не подрывая основы императорской власти. [...]

28 апреля. Во второй половине дня я отправился к господину Гирсу. Франция не желает принимать приглашение на «полицейскую конференцию», если его отклонит Англия. Князь Бисмарк уже сообщил мне об этом телеграммой; похоже, французы обратились к нему с просьбой

¹⁹ Федор Федорович Трепов (1812–1889) — российский государственный деятель, с 1866 года обер-полицмейстер, в 1873–1878 годах градоначальник Санкт-Петербурга.

подготовить российские власти к такому ответу и постараться смягчить их реакцию. Это настоящее удовольствие — наблюдать, как князь Бисмарк умеет обратить на пользу Германии любое происшествие, как счастливое, так и трагическое. [...]

14 мая. С того дня, как я в последний раз писал в своем дневнике, произошло много политических событий. **5-го** у меня была беседа с Валуевым. Я спросил его, знает ли он что-нибудь о произошедшем на совете, состоявшемся 3 мая. Он ответил отрицательно; из того факта, что его не пригласили, Валуев сделал вывод, что обсуждались изменения, в рамках которых ему больше не будет места. «Я слишком европеец, — заявил он. — Я не считаю, что народы можно русифицировать ударами кулака».

8-го был большой прием у нас, **10-го** — у графа Кальноки. Все, с кем я беседовал, считали принятие программы Лорис-Меликова делом решенным. Работы мне добавили также греко-турецкий конфликт и государственный переворот Александра Болгарского²⁰.

Утром **11-го** Их Величества вернулись из Гатчины. Парад был проведен довольно быстро, а затем император отправился завтракать во дворец тяжело больного герцога Петра Ольденбургского. Оттуда он поехал в Зимний дворец, где раздал мундиры своего отца делегациям полков, шефом которых тот являлся. Далее Их Величества отправились в испускительную часовню на Екатерининском канале²¹. В этот момент началось распространение манифеста,

²⁰ Князь Александр Баттенберг (годы правления 1879–1886) произвел 9 мая 1881 года в Болгарии государственный переворот, отправив в отставку правительство Каравелова, приостановив действие конституции и существенно расширив свои полномочия.

²¹ Речь идет о временной деревянной часовне, построенной весной 1881 года на месте гибели Александра II. Впоследствии часовня была разобрана, а на ее месте возведен собор Воскресения Христова, более известный как Спас на Крови.

в котором император объявлял, что он был и останется самодержцем. Новость ошеломила всех, поскольку слухи о совете, состоявшемся 3 мая в Гатчине, питали совершенно иные ожидания. Манифест составлен в стиле папских посланий Победоносцева; если он останется лишь проповедью, это будет весьма печально, если же он станет программой и основанием для энергичных действий, это можно только приветствовать. В качестве подобных действий я рассматривал бы создание комиссии общей безопасности и формирование единого кабинета министров под руководством консервативного деятеля вроде графа Петра Шувалова²².

18 мая. Вечером 14-го, написав предыдущие строки, я вышел на свежий воздух посмотреть на птиц. Примерно час я наслаждался лесной тишиной, затем гармонию нарушил топот копыт. Он опечалил меня не только потому, что помешал наслаждаться природой и получать удовольствие от охоты; я вспомнил [...], как сидел на вершине Шпильберга, когда туда вскарабкался гонец с телеграммой, в которой граф Дёнхофф сообщал мне, что кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол начинает превращаться в серьезную проблему²³. Но вскоре выяснилось, что ничего страшного не произошло. С юношеским

²² Граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889) — российский государственный деятель, доверенное лицо Александра II. Шеф жандармов и начальник Третьего отделения в 1866–1874 годах, посол в Великобритании в 1874–1879 годах. Являлся одним из наиболее влиятельных российских государственных деятелей, в 1870-е годы считался вероятным преемником Горчакова на посту канцлера. Играл большую роль на Берлинском конгрессе 1878 года, поэтому именно на него возложили ответственность за якобы неудачный для России исход конгресса. В дальнейшем не занимал значимых постов. Швейниц был весьма высокого мнения о графе Петре Шувалове.

²³ Речь идет об остром международном кризисе летом 1870 года, предшествовавшем началу Франко-германской войны.

усердием граф Редерн и майор Лигниц сочли своим долгом сообщить в Берлин, что слух о смене графа Лорис-Меликова на генерала Игнатьева представляется правдивым. Я уже знал об этом, когда отправлялся на охоту, но почитал за лучшее дожидаться свершившихся фактов. Теперь же они прислали секретаря посольства фон Кидерлена, чтобы поставить меня в известность о произошедшем. Мне пришлось отказаться от еще одного спокойного дня на охоте [...], и в начале десятого я уже был в Петербурге.

Царство истины, которое провозгласил Александр III в своем манифесте, началось с того, что министром внутренних дел назначен известнейший лжец. Граф Игнатьев, впрочем, отличился не только на этом поприще государственного псевдоискусства. Он — полный идей, энергичный и весьма ловкий деятель, который умеет обращаться с людьми и ставить себе на службу лучших, чем он. Предмет моих размышлений в настоящий момент таков: если триумvirат московских политиков Победоносцева, Каткова²⁴ и Аксакова²⁵, советам которых император следует во внутренней политике, принесет добрые плоды, то и во внешних делах их голоса приобретут вес. Господин Гирс полностью согласен со мной в этом вопросе.

²⁴ Михаил Николаевич Катков (1818–1887) — российский публицист, издатель влиятельной газеты «Московские ведомости». Придерживался славянофильских и консервативных взглядов. За рубежом его считали одним из лидеров агрессивного панславизма. Пик политического влияния Каткова пришелся на эпоху Александра III.

²⁵ Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) — российский публицист и общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения. В 1872–1874 годах возглавлял Общество любителей российской словесности, в 1875–1878 годах — Славянское благотворительное общество (Славянский комитет). С 1880 года издавал еженедельную газету «Русь», а также занимал ряд выборных постов в Москве.

26 мая. 22-го я отправил массу донесений. **23-го** у господина Гирса, который относится к болгарскому князю и генералу Эрнроту куда менее благосклонно, чем еще недавно. В ответ на мой вопрос Гирс с уверенностью заявил, что донесения генерального консула Хитрово²⁶ вполне надежны. **25-го** мы вновь беседовали, и он оценивал общую ситуацию как удовлетворительную: накануне в Константинополе была подписана конвенция об уступке Фессалии²⁷; в вопросе о выдаче террористов державы идут навстречу, несмотря на то что предложение о созыве конференции отклонено; переговоры с Берлином и Веной²⁸ медленно, но, как полагает Гирс, уверенно движутся к своей цели. От меня, однако, не укрылось, что к этому важному вопросу и в Вене, и здесь относятся спустя рукава. В обеих столицах нет искреннего стремления к обязывающему соглашению, которое к тому же полагают невозможным. И в Вене, и в Петербурге хотят сближения с нами за счет другого. Император Александр пока еще движется курсом, который начертал его отец, однако недавно он уже заявил: «Разве все это не означает, что соглашение с Австрией невозможно в принципе?» Постоянные вредоносные, порой оскорбительные словесные уколы со стороны барона Хаймерле²⁹

²⁶ Михаил Александрович Хитрово (1837–1896) — российский дипломат, в 1881–1883 годах занимал пост дипломатического агента и генерального консула в Болгарии. Изначально входил в число доверенных лиц князя Александра, однако довольно быстро вступил с ним в конфликт. Проводил политику по удержанию Болгарии в сфере российского влияния.

²⁷ Османская империя уступала Фессалию Греции — итог кризиса в отношениях двух упомянутых государств, разрешенного при посредничестве великих держав.

²⁸ Переговоры по поводу возобновления Союза трех императоров и разграничения сфер интересов на Балканах.

²⁹ Барон Генрих Карл фон Хаймерле (1828–1881) — австрийский дипломат, в 1879–1881 годах министр иностранных дел Австро-Венгрии.

наносят большой вред; если он действительно хочет союза, то должен поспешить с его заключением.

2 июня. Вчера у меня была долгая беседа с Гирсом, рассказавшем мне о застое в переговорах, которые ведутся с Веной при посредничестве Бисмарка. Как выразился Гирс, министр Хаймерле слишком осмотрителен, все время хочет что-нибудь поменять, использовать вместо мягких, но точных выражений жесткие, но спорные; император Александр уже смирился с этим. Монарх искренне желает завершить начатый отцом труд — тройственное согласие с центром тяжести в Берлине — и подтверждает все ранее сделанные уступки. Он относится к этому вопросу весьма серьезно, прилежно занимается им, а его слова доказывают, что он прекрасно разобрался в нем и понимает его значение. По словам Гирса, он еще ни разу не видел столь глубокой заинтересованности императора в деловом вопросе. Проблема заключается только в том, что монарх, как и его отец, согласен на превращение оккупации Боснии и Герцеговины в аннексию³⁰, согласен зафиксировать это в документе, однако не хочет идти на такую же уступку применительно к Новопазарскому санджаку³¹. Он понимает, что славянский мир обвинит его в предательстве, и боится официально открывать австрийцам путь в Салоники. Я нахожу это вполне естественным, хотя и не разделяю

³⁰ Австро-Венгрия получила право оккупировать османские провинции Боснию и Герцеговину в соответствии с решениями Берлинского конгресса 1878 года; в Вене эту оккупацию рассматривали как фактическое присоединение упомянутых территорий к своим владениям.

³¹ Новопазарский санджак, который в дипломатической переписке того времени называли просто Санджаком — стратегически важный регион, владение Османской империи, связывавшее Боснию и Герцеговину с Македонией и одновременно разделявшее Сербию и Черногорию. Контроль над Санджаком имел большое значение с точки зрения контроля над Западными Балканами в целом.

опасений по поводу того, что австрийцы через Санджак проникнут в сердце Балканского полуострова. Говорить этого я не стал и лишь выслушал своего собеседника. Гирс, который честно желает заключения договора, хотел поговорить по данному вопросу с Кальноки, но затем отказался от своей идеи и отсоветовал царю писать императору Францу Иосифу. Переговоры с Веной он хочет вести только через Берлин. В свою очередь, я написал в нашу столицу: австрийцам стоит поторопиться и получить от России уступки, которые не получится отменить, иначе легко может оказаться слишком поздно. Если граф Игнатьев добьется внутри страны даже иллюзорного успеха, он почувствует себя достаточно сильным, чтобы разорвать нить, которой, по его словам, пытаются связать руки российскому императору.

3 июня. Вчера был очень милый прием у господина Нигры³² в честь российского посла в Риме; настоящим героем дня был, однако, граф Игнатьев. Присутствовали два десятка дипломатов, и униформа генерал-адъютанта ярко выделялась среди черных фраков. «Генерал, — сказал я, — Вы один вооружены на этом мирном собрании!» — «Это действительно так, — ответил министр внутренних дел, — ибо хотя снаружи все спокойно, внутри приходится бороться». Затем он стал рассказывать направо и налево, что в сегодняшнем «Правительственном вестнике» заявил о большом шаге — созыве экспертов из провинций для обсуждения крестьянских платежей.

Сегодня я был у князя Горчакова, прибывшего вчера из Ниццы; он выглядел утомленным и лежал на своем кожаном шезлонге с французским романом в руке. «Я смертельно поражен, — сказал он мне. — Я не могу пережить ужасное событие».

³² Константино Нигра граф ди Вилла-Кастельнуово (1828–1907) — итальянский дипломат, посол в Российской империи в 1876–1881 годах.

4 июня. Отправил важный секретный доклад.

8 июня. У Гирса, который был очень доволен тем, что я сообщил ему на основании полученной от Бисмарка телеграммы — ответа на мой секретный доклад о ходе «больших переговоров». Затем у графа Кальноки.

12 июня. У князя Горчакова. Старый господин делает вид, что восхищен императором: «Это русский с головы до пят, он пьет только квас!» Окончательного решения относительно канцлера монарх не принял, нет и обычного распоряжения о том, что тот может вновь приступить к своим обязанностям. В итоге все остается по-старому: князь сохраняет за собой 40 тысяч рублей и сотню комнат, ездит за рубеж и читает романы, а Гирс продолжает работать, не имея ни статуса, ни прибавки к жалованью, ни подходящей квартиры.

15 июня. Граф Кальноки прибыл ко мне и сообщил, что «большое соглашение» подписано³³. Гирс подтвердил это с большим удовлетворением; по его словам, император очень обрадовался и сказал: «Вот видите, лучше всего приступать к делу открыто и честно». Я очень рад тому, что мое вмешательство произвело столь быстрый и решительный эффект.

20 июня. У господина Гирса. Император написал на полях доклада о соглашении: «Как был бы доволен батюшка этим счастливым результатом!» Я обратил внимание статс-секретаря на болгарские телеграммы «Голоса» и «Нового времени»: в то время как российское правительство через свои официальные органы поддерживает князя Александра, депеши из Софии призывают русских героев встать на сторону болгарских радикалов. Поскольку цензура графа Игнатьева пропускает эти депеши, люди начинают думать, что он на стороне Цанкова и Каравелова. Гирс согласился со мной и пообещал, что доложит императору. Затем он показал мне проект

³³ Союз трех императоров был заключен 18 июня 1881 года.

циркуляра, приглашающего державы вместе выступить в поддержку князя перед болгарским большим Национальным собранием. Гирс назвал этот проект бледным и расплывчатым — но это, по его словам, необходимо, чтобы Англия тоже присоединилась к нему. Я согласился, но отметил, что рекомендованное в документе «взаимодействие» кажется мне не вполне удачным выражением; князь поставил определенный и совершенно ясный вопрос и не может «взаимодействовать». Гирс согласился со мной, как и присутствовавший при этом Жомини. Они решили удалить это слово из чистовика, предназначенного для доклада императору.

22 июня. Я вновь говорил с господином Гирсом о Болгарии. Император разделяет его взгляды, и вскоре мы увидим, сумеет ли монарх не допустить вмешательства министра внутренних дел в дела иностранные. Вчерашнее «Новое время» опубликовало известие из Софии, что граф Игнатьев направил господину Цанкову телеграмму, опровергающую факт поддержки князя Александра российским правительством. Это — первое робкое начало соперничества двух политических направлений в кабине.

25 июня. Рано утром у Гирса по поводу Болгарии. В «Правительственном вестнике» опубликована исправленная версия корреспонденции между Игнатьевым и Цанковым, которая мало что меняет по существу. Кроме того, одна из русских утренних газет напечатала подозрительную новость о предстоящем отпуске статс-секретаря, так что барон Трауттенберг³⁴ пришел ко мне несколько взволнованным и отправился со мной в министерство. Когда мы уже приближались к последнему, нам навстречу вышел служащий канцелярии Оттенберг и с большой

³⁴ Константин, барон фон Трауттенберг (1841–1914) — австро-венгерский дипломат, в описываемое время поверенный в делах в Петербурге.

важностью сообщил, что господин Гирс приглашен на обед к императору. Эту новость нам подтвердили оба портье внизу, привратник наверху и, наконец, сам добрый Гирс. Если не ошибаюсь, это первый случай, когда новый император приглашает одного из министров разделить с ним трапезу. Я мимоходом упомянул про телеграмму, Гирс ответил уклончиво.

26 июня. Меня посетил новый военный министр Ванновский³⁵. Он сказал: «Трудно быть министром после Милютина». Я согласился и отметил, что ему предстоит многое изменить. Генерал придерживался того же мнения: он начнет экономить, сперва на инженерных войсках и артиллерии; директора соответствующих департаментов и начальник воспитательных учреждений покидают свои посты. «Меня считают весьма строгим, — заявил генерал, — и мне это по душе». В целом он произвел на меня хорошее впечатление; Ванновский выглядит настоящим солдатом, каким Милютин никогда не был³⁶.

27 июня. У господина Гирса, который вновь поблагодарил меня за поддержку при подготовке «большого соглашения»; он считает, что именно благодаря мне удалось быстро подписать договор, и это до известной степени правда. Затем он спросил моего мнения относительно инициативы

³⁵ Петр Семенович Ванновский (1822–1904) — российский государственный и военный деятель, занимал пост военного министра в 1881–1898 годах.

³⁶ Швейниц крайне негативно относился к деятельности Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912), занимавшего в 1861–1881 годах пост военного министра и проводившего на этом посту масштабные преобразования. «Если он осознает последствия того, что непрерывно делал на протяжении восемнадцати лет руководства военным министерством, его следует назвать предателем», — писал германский посол в своем дневнике. По мнению Швейница, реформы Милютина подрывали дух императорской армии и увеличили опасность революционных потрясений.

Сабурова³⁷ — наградить орденами немецких дипломатов, работавших над этим вопросом. Я ответил: «Это значило бы раззвонить на весь свет о том, что мы хотим сохранить в строжайшей тайне».

29 июня. Гирс рассказал мне, что император Александр по собственной инициативе решил вручить князю Александру орден Александра Невского, сопроводив его весьма милостивым посланием, предназначенным для публикации.

30 июня. Анна со всеми детьми уехала в Берлин. Княгиня Долгорукая³⁸ пришла на вокзал с прекрасными цветами и корзиной с завтраком; здесь же присутствовали Нигра и господа из посольства с пышным букетом.

10 июля. Александр III правит уже четыре месяца, но я пока не могу сделать выводов из его действий и бездействия, решений и распоряжений. По сегодняшний день никак не проявляет себя ни его личность, ни система «самодержца», ни устойчивое влияние некоего советника. Возникает искушение поверить, что у нынешнего царствования нет ни характера, ни системы, ни какой-либо направляющей воли. Монарх искренне стремится искоренить плохое и поощрять хорошее, если это возможно сделать без физических и умственных усилий. Превосходный пример его семейной жизни произведет благотворное впечатление на народ. Однако все это будет действовать очень медленно, в то время как ситуация требует быстрого и энергичного проявления самовластия, которое было провозглашено с такой помпой. В итоге общее недовольство растет день ото дня. Сейчас много говорят о личной скромности и порядочности нового властителя, но даже если он

³⁷ Петр Александрович Сабуров (1835–1919) — российский дипломат, в 1879–1884 годах посол в Берлине.

³⁸ Мария Александровна Долгорукая, в девичестве Апраксина (1816–1892) — придворная дама, приближенная к императорской семье.

наряду с неоспоримыми семейными добродетелями действительно обладает скромностью и порядочностью, нам это никакой гарантии не дает. Учитывая его слабое знание людей и обстановки, императора могут в критический момент подтолкнуть к действиям, последствия которых он не в состоянии предвидеть; впоследствии он, возможно, будет о них сожалеть, но уже не сумеет ничего исправить.

12 июля. Многочасовая беседа с господином Гирсом в Петергофе. Он сообщил, что существует — пока в самом общем виде — идея встречи императора Александра с нашим кайзером, если последний окажется неподалеку от российской границы, например во время осенних маневров. Я ответил, что это весьма достойная инициатива, которая произведет у нас благоприятное впечатление, однако наш император в этом году не посетит восточные провинции. Возможно, лучше подойдет Киль, куда император Александр смог бы прибыть на корабле, избежав опасностей, сопряженных с поездкой по железной дороге. Гирс сказал, что, если поездка состоится, он будет сопровождать императора. Я поддержал эту идею и постарался внушить ему, что он должен использовать эту ситуацию, чтобы добиться окончательного утверждения на своем посту. За рубежом, сказал я, не любят иметь дело с временными руководителями внешней политики, а предпочитают министров, назначенных на долгий срок и обладающих достаточной властью, чтобы заставить прислушаться к себе в своей столице. Император наверняка согласится с этим, и, если Вы не хотите обращаться к нему лично, пусть это донесет до него Владимир Александрович³⁹; к моменту прибытия в Германию Вы должны обладать всеми внешними атрибутами Вашего положения.

³⁹ Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) — младший брат императора Александра III; пользовался большим авторитетом при дворе, но по большей части воздерживался от прямого вмешательства в политические дела.

18 июля я прибыл в Карлсбад, где встретил лишь немногих знакомых. Однако они объединились в приятный кружок, душой которого благодаря уму и хорошему настроению был граф Петр Шувалов. Дни проходили в прекрасном однообразии; я мало читал и ничего не писал, кроме ежедневных писем Анне, и желал лишь того, чтобы никакое происшествие не заставило меня вернуться на мой пост. Таким примечательным образом обстоит дело при самовластии одного великого человека⁴⁰: чувство ответственности, желание работать, радость от свершений у его подчиненных сильно уменьшаются, честолюбие и желание похвалы исчезают, потому что похвала за все успехи достается ему одному. Естественно, это не мешает мне верно исполнять свой долг, а временами испытывать настоящее счастье, сознавая, что служишь по-настоящему выдающемуся человеку на благо Отчизне. Но ценность жизни растет, когда ты нужен другим; точно так же и значимость работы убывает, как только начинаешь думать, что не имеет значения, остаешься ли ты на своем посту. Если бы руководство нашей внешней политикой находилось в слабых руках, я бы и помыслить не мог о том, чтобы на месяц лишиться газет и деловой связи с Петербургом и Берлином. Но в нынешней ситуации лишь большое событие, затрагивающее все в целом или мою личную зону ответственности, способно заставить меня вмешаться.

3 сентября [...]. В Рейхенхалле я встретил генерала Тотлебена⁴¹ и провел с ним часть второй половины дня.

⁴⁰ Имеется в виду Бисмарк.

⁴¹ Граф Эдуард Иванович Тотлебен (1818–1884) — российский военный деятель, военный инженер, герой обороны Севастополя в годы Крымской войны. В 1860–1870-е годы фактически руководил военно-инженерным делом в России, в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов отличился, сумев взять Плевну, которую упорно защищала крупная турецкая группировка. Швейниц поддерживал хорошие отношения

В беседе о происходящем в России граф высказал правильную мысль о необходимости административной децентрализации. С его точки зрения, Россия была унифицирована слишком скоро после освобождения от татарского ига. Это замечание Тотлебена заставило меня вспомнить о моем первом большом тексте «Единство Франции»; в 1850 году я хотел с помощью этого сочинения получить стипендию генерального штаба. Я штудировал прекрасные исторические сочинения, которые написаны во Франции по каждой из старых провинций; я сравнил развитие трех частей империи Каролингов после заключения Верденского договора и противопоставил могущественную централизованную Францию как Италии, где господствовали папы и чужестранцы, так и Германии, где под властью бесчисленных князей и рыцарей расцвела многогранная высокая культура. За годы, прошедшие с того времени, Италия и Германия тоже объединились — вторая из них, к счастью, не так основательно и не столь грубыми методами, как первая⁴². В результате я смог дополнить мои прежние теоретические штудии практическим опытом, и это позволяет мне согласиться с моим знаменитым и храбрым другом: было бы лучше, если бы у русских удельных князей имелась еще пара столетий для воспитания своих подданных; правда, необходимые для этого качества у них практически полностью отсутствовали. Как старый солдат, я могу сравнить внезапное явление большого Московского царства перед изумленной Европой с действиями человека, который сформировал полк из рекрутов и сразу отправил их

с Тотлебеном и считал его одним из самых выдающихся российских военачальников.

⁴² Германская империя была создана как союз немецких государств, поэтому отличалась федеративным устройством, большинство немецких монархов сохранили свои троны. Италия в процессе объединения стала унитарным государством.

на учения, в то время как остальные готовили отдельных солдат, унтер-офицеров, лейтенантов, капитанов и майоров, заставили их пройти обучение в ротах и батальонах и лишь затем сформировали полк как целое, полностью контролируя все его части. [...]

28 октября, Варцин⁴³. Вечером **20-го** мы прибыли в Берлин, ближе к ночи нас еще навестил Оскар. На следующее утро — в пятницу — я пошел в министерство, где повидался с графом Гатцфельдом⁴⁴, Бушем, Бухером и Линдау, затем к Сабурову. **22-го** я присутствовал на чаепитии в Новом дворце. Утром **25-го** император вернулся из Бадена; я встречал его на вокзале; он выглядел свежо и приветливо пообщался со многими. Позднее у меня была беседа с Сабуровым, сообщившим, что ожидает скорого назначения Игнатьева министром иностранных дел; об этом он имеет совершенно надежные известия из Петербурга. Однако посол уклонился от ответа на мой вопрос касательно источников этих сведений. В этот момент вошел слуга и доложил о прибытии господина Поггенполя⁴⁵. Последний, видимо, является доверенным лицом, по поручению Игнатьева путешествующим по всей Европе в интересах создаваемого в Петербурге международного телеграфного агентства.

⁴³ Поместье Бисмарка.

⁴⁴ Пауль фон Гатцфельдт (1831–1901) — германский дипломат, один из важнейших сотрудников Бисмарка. В 1878 году назначен послом в Османскую империю, в 1882 году занял пост статс-секретаря ведомства иностранных дел (очевидно, именно о подготовке этого назначения идет речь в данном случае).

⁴⁵ Николай Петрович Поггенполь (1824–1894) — российский публицист, сотрудник министерства иностранных дел. На протяжении многих лет начиная с 1850-х годов занимался формированием положительного образа России в Западной Европе, издавая для этого специальные газеты (наиболее известный пример — «Le Nord») и взаимодействуя с европейской прессой.

Во второй половине дня **26-го** я отправился к императору и провел у него час с четвертью. Он много говорил, рассказывал о Данцигском свидании 9 сентября⁴⁶ и его подготовке, не зная, что именно я предложил морской путь. Мне было особо нечего сказать, поскольку я уже три месяца отсутствовал на своем посту. Однако я подготовил императора к тому, что граф Игнатьев может стать преемником Горчакова; эта кандидатура неприятна Его Величеству, но я сообщил, что считаю ее не слишком опасной в ближайшей перспективе. В ответ он сказал, что фамилия Игнатьева ни разу не упоминалась в его беседах с императором Александром в Данциге; российский монарх знает, что Россия нуждается в нас, а мы в ней нет.

27-го, в день выборов⁴⁷, я отправился в Варцин. В шесть часов вечера княжеский экипаж, забравший меня со станции Хаммермюль, остановился у господского дома. Князь, княгиня и граф Герберт⁴⁸ встретили меня в вестибюле — сердечно, как всегда. Для этого они встали из-за обеденного стола, за которым им составлял компанию тайный советник Роттенбург⁴⁹. Меня заставили, даже не переодевшись, сесть за стол, что я с огромным удовольствием и сделал. Мне подносили плоды здешнего имения: жареного гуся, кабана и рябинника, которых сопровождали бордо, шампанское и портвейн. После трапезы мы отправились в бильярдную, сели у камина и закурили. В этот момент явился главный лесничий и доложил, что почти половина местных избирателей проголосовали за оппозиционного

⁴⁶ Встреча Вильгельма I с Александром III в Данциге.

⁴⁷ Имеются в виду выборы в германский рейхстаг.

⁴⁸ Граф Герберт фон Бисмарк (1894–1904) — старший сын и ближайший помощник Отто фон Бисмарка.

⁴⁹ Франц Иоганн Роттенбург (1845–1907) — прусский дипломат, в 1880-е годы являлся одним из ближайших помощников Бисмарка, в 1881–1891 годах руководитель имперской канцелярии (администрации канцлера).

кандидата-фритредера. Было незаметно, чтобы князя хоть немного волновали выборы; он периодически заговаривал о них, но лишь мимоходом и весьма благодушно. В восемь часов он ушел, в десять мы снова собрались вместе и беседовали до половины двенадцатого. К этому моменту поступила лишь одна депеша, касавшаяся выборов, — она принесла безрадостное известие о том, что в Лауэнбурге победила оппозиция.

Ночью стали приходить тревожные послания. В Берлине выбрали прогрессистов, в Данциге — господина Риккерта и далее в том же духе. И единичный успех — избрание советника Дитце в Барби. Князь, вышедший на завтрак в полдень⁵⁰, воспринял все спокойно и с юмором. Среди прочего он сказал: «Избиратели в городах делают глупости, чтобы их не считали дураками, каковыми полагают всех немцев, которые не поддерживают врагов правительства». В половине второго князь пригласил меня в свой кабинет для разговора о политике. Я передал ему слова Сабурова; его это не удивило, и он одобрил мое намерение благожелательно реагировать на возможное назначение Игнатьева. Канцлер рассказал, что император Александр попытался представить генерала в благоприятном свете — не как лжеца, а как шутника. Вся ситуация обсуждалась очень спокойно, включая возможность войны против Франции и России. Князь рассказал о своих разногласиях с Мольтке⁵¹. Последний хотел, опираясь на Страсбург,

⁵⁰ В 1860–1870-е годы Бисмарк отличал нездоровый режим дня, включавший в себя весьма поздний (за полночь) отход ко сну и позднее пробуждение. В результате глава правительства страдал бессонницей, состояние его здоровья ухудшалось. Только в первой половине 1880-х годов по настоянию доктора Швейнингера он перешел к более здоровому режиму сна и питания, что, возможно, спасло ему жизнь.

⁵¹ Гельмут фон Мольтке (1800–1891) — прусский военный деятель, фельдмаршал, герой «войн за объединение», в 1857–1888 годах шеф прусского Большого генерального штаба.

Мец, Майнц и Кобленц, оставаться в обороне против Франции и наступать в России. Князь же придерживается противоположного мнения, поскольку в России нет объектов, захватом которых можно было бы завершить войну. Затем мы коротко обсудили египетский вопрос⁵², причем канцлер подчеркнул значение русско-австрийской договоренности.

После этого я заявил, что у меня есть личное пожелание. В следующем году мне исполнится шестьдесят; я уже провел в России в общей сложности одиннадцать лет; мои силы стремительно тают, а моей жене приходится еще хуже; для воспитания детей условия в высшей степени

⁵² Египет формально являлся провинцией Османской империи, однако с начала XIX века пользовался практически полной независимостью. В 1870-е годы финансовое положение Египта начало стремительно ухудшаться, он попал в долговую зависимость от европейских держав. В 1878 году над Египтом был установлен международный финансовый контроль. Хедив Исмаил, воспротивившийся назначению европейских чиновников в качестве министров в свое правительство, был в 1879 году вынужден отречься в пользу сына. В рядах египетской элиты зрело недовольство, которое привело с осени 1881 года к обострению политического кризиса. В феврале 1882 года военным министром был назначен Ораби-паша, который возглавил вооруженное сопротивление европейцам. Поскольку действия Ораби-паши угрожали Суэцкому каналу, британский премьер-министр Гладстон принял решение об интервенции. Однако Великобритания не была свободна в своих действиях, поскольку все решения относительно Египта должны были приниматься совместно державами-кредиторами. Летом 1882 года английские войска разгромили армию Ораби-паши и оккупировали Египет, который, однако, формально оставался османской провинцией. Хотя Великобритания установила фактический контроль над Египтом, ей и дальше приходилось при проведении своей политики добиваться согласия других великих держав. Все это привело к тому, что в первой половине 1880-х годов египетский вопрос являлся одним из наиболее актуальных и сложных в европейской дипломатии.

неблагоприятные; я хотел бы, как только представится возможность, сменить пост. «Для посла это сложно, — ответил князь, — Мюнстер и Гогенлоэ⁵³ не уйдут до конца своих дней». Я сказал, что никого не хотел бы вытеснять, просто довожу свое пожелание до его сведения на случай появления вакантного места. «Страсбург»⁵⁴ — с улыбкой предложил князь. «Не соблазняйте меня такой картиной, — ответил я. — Это было бы лучше всего, лучше, чем стать вице-королем Индии». — «Константинополь, — продолжил он, — надо только подождать, как сложится ситуация с Гатцфельдтом». Я ответил, что Константинополь мне бы отлично подошел, но, по моим сведениям, этот пост уже обещан господину фон Радовицу⁵⁵. «Этот удовольствуется Гаагой, — сказал князь, — или отправится в Рим, если я смогу перевести Койделла⁵⁶ в Петербург; было бы здорово,

⁵³ Георг Герберт граф цу Мюнстер (1820–1902) — германский дипломат, в 1873–1885 годах посол в Лондоне; принц Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (1819–1901) — германский политик, дипломат и государственный деятель, в 1874–1885 годах посол в Париже.

⁵⁴ Имеется в виду пост наместника в имперской земле Эльзас-Лотарингия.

⁵⁵ Йозеф Мария фон Радовиц (1839–1913) — германский дипломат. Пользовался доверием Бисмарка, занимал ряд важных должностей, в 1882 году назначен германским послом в Османской империи. Остается открытым вопрос о том, сознательно ли Бисмарк обманывал Швейница в конце 1881 года, обещая отправить его в Константинополь. Во всяком случае, «железный канцлер» тогда и позднее считал крайне желательным, чтобы пользующийся доверием Александра III генерал Швейниц оставался в Петербурге; идею назначить туда Койделла трудно воспринимать всерьез.

⁵⁶ Роберт фон Койделл (1824–1903) — германский дипломат, друг семьи и близкий помощник Бисмарка. В 1873–1887 годах был сначала посланником, затем послом в Италии. В кругах немецких дипломатов к Койделлу относились как к бездарному выскочке, получившему высокий пост только благодаря личной дружбе с канцлером.

если бы тамошним послом стал не генерал; но Койделл недостаточно благороден для императора; было сложно даже отправить его в Рим».

17 ноября, Петербург. С **30 октября** начались ревматические боли, почти лишившие меня способности работать и вынуждавшие либо лежать, либо ходить. Лишь **16-го** я снова смог сесть за рабочий стол. Мне нанесли несколько визитов; часто приходил граф Валуев, которого вынудили подать в отставку. Посетил меня и граф Коцебу⁵⁷; он возглавляет большую военную комиссию, обсуждающую армейскую реформу. Генерал Тотлебен появился и рассказывал много интересного. Меня также навестил граф Игнатьев — он в хорошем настроении, но не строит никаких иллюзий относительно козней нигилистов, по-прежнему опасных. Граф Шувалов сохранил бодрость духа, но не смог рассказать ничего утешительного.

Я много беседовал с господином Гирсом; Игнатьев доставляет ему некоторые неудобства, атакуя его при помощи русских газет и обвиняя в преступной уступчивости и едва ли не в предательстве национального дела. Статс-секретарь не умеет защищаться; его достоинством, но в то же время и слабостью является равнодушие к личным обидам и нежелание вступать в борьбу. Зато он весьма чувствителен к похвалам тех, кого уважает и ценит; с трогательной радостью и справедливой гордостью он показал мне письмо князя Бисмарка и собственноручные пометки российского императора. «Я могу лишь подтвердить то, о чем пишет Бисмарк, — отметил Александр III на полях письма, — я давно испытываю глубокую благодарность за Вашу честную и достойную работу». Прочитав эти строки, я спросил господина Гирса, как подобные похвалы сочетаются с постоянными разговорами о назначении другого лица на место князя Горчакова. Статс-секретарь ответил:

⁵⁷ Павел Евстафьевич Коцебу (1801–1884) — российский военный и государственный деятель.

он ничего не знает о том, чтобы дело назначения министра иностранных дел сдвинулось с мертвой точки. Таким образом, господина Сабурова неверно проинформировали. Несколько дней спустя господин Гирс рассказал мне, что на пути из Гатчины Черевин⁵⁸ — близкий помощник министра внутренних дел — сказал ему: «Заметили, как Игнатьев повесил нос? Назову Вам причину: император через меня сообщил ему, чтобы он не надеялся на министерство иностранных дел». Весьма характерно для нынешнего монарха — он не может никому сказать в лицо неприятные вещи.

5 декабря. Граф Кальноки сегодня покидает Петербург — если не ошибаюсь, с ощущением, что внутреннее положение России безутешно, армия ослаблена снизившейся дисциплиной и плохим управлением, а руководство внешней политикой находится в хороших, но слабых руках. В последнее время он мог убедиться, что Их Величества относятся к статс-секретарю Гирсу с уважением и доверием. Однако от него не могло укрыться, что граф Игнатьев и «московская партия» по-прежнему противостоят политике императора, представителем которой является Гирс. Обезвредить их можно только в том случае, если в министерстве иностранных дел все останется по-прежнему, а министерство внутренних дел как можно скорее передадут в другие руки. В последних беседах с графом Кальноки я отметил, что впечатления, которые приобретает иностранец в сегодняшнем Петербурге, могут легко побудить его к недооценке российской мощи. На деле эта мощь, по моему ощущению, в общем и целом все еще такая же, как прежде; она лишь выглядит ослабевшей ввиду дипло-

⁵⁸ Петр Александрович Черевин (1837–1896) — российский государственный и военный деятель, приближенный Александра III. В 1880–1881 годах занимал должность товарища министра внутренних дел, в начале 1882 года назначен генерал-адъютантом.

матического и военного неискusstва, с которой ее применяют. Здесь все еще достаточно людей, оружия и денег для того, чтобы рискнуть проводить глупую или преступную политику, как только добрая воля нынешнего государя окажется ослаблена или сломлена. Финансовые проблемы не станут препятствием для начала такой политики, в лучшем случае для ее продолжения. Денег хватит на то, чтобы питать беспокойные элементы в славянских странах. Пока внутренняя политика будет диаметрально противоположна внешней, вторую надо поддерживать доверительной взаимностью, но готовиться к возможным проблемам со стороны первой.

Конец декабря. Я с наслаждением читаю историю дипломатии первых лет Фридриха Великого и Марии Терезии, написанную герцогом Брольи, в распоряжении которого находилось множество документов из семейных архивов. Франция в 1740 году стояла перед выбором между честной политикой соблюдения договоров (мир 1735 года и Прагматическая санкция) и союзом с врагами династии Габсбургов, направленным на свержение последней. Борьба с Габсбургами в Германии, Испании, Фландрии и Италии являлась традиционной политикой Бурбонов; следуя этой политике, они сделали Францию независимой и могущественной. Франциск I, Ришелье, Мазарини и Людовик XIV шли к одной и той же цели; теперь она была достигнута, и Людовику XV следовало понять, что труд его великих предшественников завершен. В этом заключалась его задача, а не в том, чтобы продолжать политику антагонизма, ставшую уже бессмысленной.

Как часто слышим мы фразу старого римлянина о том, что государства могут сохраниться, лишь следуя тем принципам, которым они обязаны своим появлением на свет и возвышением! Повторяемые до тошноты в парламентских речах и политических памфлетах, приписываемые то Цицерону, то Тациту (на самом деле это сказал Саллюстий), эти слова превратились в аксиому, которую

принимают без рассуждений. В действительности же такая идея ложна в основе своей. Гете справедливо указывает, что многие люди допускают ошибку, используя в старости те же средства, какие вели их к успехам в молодости. Как глупо было бы сейчас с моей стороны действовать на нынешнем посту теми же методами, благодаря которым я построил карьеру, будучи молодым адъютантом! И уж тем более было бы неправильно для нынешней Пруссии следовать той системе, при помощи которой она возвысилась — зачастую насильственными методами и нарушая исторические права. Когда-то эти средства были хороши, теперь цель достигнута, и, чтобы сохранить приобретенное, нужно действовать иначе.

1882 ГОД

4 января. Десять месяцев, прошедших с момента убийства императора Александра, кажутся десятью годами, если посмотреть, как велики оказались за это время потери монархической власти. Ужасающее равнодушие к смерти прежнего властителя и ворчливая безучастность к судьбе нового показывают, что верность и преданность династии — понятия, неизвестные в России. Кажется, что единственными двигателями здесь служат надежда чего-то достичь и боязнь чего-либо лишиться. Сегодня люди уже не ждут от престола перемен к лучшему. Добродетели нынешнего монарха, его рачительность и нежелание поощрять недостойных, возможно, вредят ему столь же сильно, как и ошибки, которые он допускает, не прилагая достаточных усилий для поиска нужных людей.

Два самых его влиятельных министра являются полной противоположностью друг другу. Один лишен всяких принципов и убеждений, он стремится только к власти, популярности и деньгам, не заботится о благе ближних и государства в целом; при этом он умен, изобретателен, энергичен, неистощим в выдумках и хорошо знает людей. Другой бескорыстен, борется за благое дело, думает больше о вечном, чем о земном; при этом, однако, у него весьма ограниченный ум, не лишенный знаний, но абсолютно не понимающий ни физических, ни нравственных нужд народа. Между этими двумя — Игнатьевым и Победоносцевым, оппортунистом и фанатиком — находится отгородившийся

от мира самодержец. Позади двух министров стоят, используя их в качестве своих орудий, безответственные московские журналисты, которые громко проклинают все существующие государственные учреждения, порочат правительственные органы и чиновников, методически подрывают авторитет государства — короче говоря, по их же собственным словам, пытаются устранить все, что стоит между царем и народом.

Императору, кажется, приятно слышать сентенции журналистов. Ежечасно его жизни угрожают те, кто хочет отомстить ему за грехи его чиновников. В этих условиях утешением ему может стать только вера в любовь своего народа. Народ действительно привязан к царю, в котором видит защиту от притеснений и верит, что государь отберет землю у помещиков и раздаст крестьянам. Однако любовь этой частью инертной, частью жадной народной массы невозможно использовать в целях практической политики, для восстановления государственного порядка, общественной безопасности и финансов. Для достижения таких целей при бессильном дворянстве и скомпрометированной бюрократии необходимо некое новое среднее звено — верное верхам и влиятельное в низах. Однако для создания такого звена здесь не хватает ни ума, ни воли; не исключено, что это и вовсе невозможно.

Постоянно ищутся средства, которые помогут здесь и сейчас. Таковых, однако, не существует. Два года назад энергичные и последовательные репрессии смогли бы обеспечить покой и порядок, дали бы время для проведения консервативных реформ. Поворотный пункт российской истории был пройден в феврале 1880 года, когда Александр II вызвал графа Тотлебена и графа Лорис-Меликова в Зимний дворец, отослал немца прочь и назначил армянина. Сейчас я не вижу пути, которым можно было бы достичь укрепления или даже сохранения нынешней системы; граф Лорис-Меликов, апрельский манифест нынешнего царя и поддерживаемая Игнатьевым московская

агитация нанесли ей куда больший ущерб, чем все атаки революционеров. К этому добавляется факт ослабления армейской дисциплины, в конечном счете решающий: офицерский корпус в большинстве своем враждебен самодержавному правлению.

12 января. Я дважды охотился с Шуваловым на Охте и вел с ним интересные беседы. К нему недавно приезжали двое «больших шишек» из Гатчины. Предметом обсуждения стал вопрос о «гатчинском затворничестве», которое дает двум-трем господам привилегию защищать и развлекать монарха. Шувалов открыто заявил гостям, что, по его мнению, такую систему невозможно дальше сохранять; в ответ они спросили, готов ли Шувалов вслед за Игнатьевым посоветовать императору вернуться в Петербург. Шувалов ответил: «Я бы сказал императору, что он не просто может, а должен вернуться; в России монарх не может уединиться в сельской местности, как английская королева». Думаю, что поставившие этот вопрос хотят заставить думать о ближайшей угрозе других, а самих себя защитить от нее. По-человечески это объяснимо, но ничего героического здесь нет. Если они вообще задумываются о будущем, то, возможно, говорят себе, что в России ни одно движение не имеет протяженности, что периоды пожаров и заговоров быстро заканчивались, и с нигилистами произойдет то же самое. Хочется верить, что в этом они хоть отчасти правы; моя единственная надежда на окончание периода убийств связана с тем, что русские так же непостоянны в плохом, как и в хорошем.

13 января. Русский Новый год. Положение Гирса по-прежнему не изменилось, хотя и порядочность, и государственный интерес требуют, чтобы император именно сейчас открыто поблагодарил человека, который проводит его внешнюю политику вопреки ежедневным нападкам игнатьевской и катковской прессы. Тем самым он показал бы всем внутри страны и за ее пределами, что поддерживает политику Гирса.

15 января. У Игнатьева; он страдает от той же глазной болезни, которая перед войной с Турцией предоставила ему повод для знаменитого турне¹. Как обычно, он был в хорошем настроении и разговорчив. Среди прочего я спросил его, правда ли многие земства собираются подать прошение позволить им направить делегатов. Министр ответил, что это не совсем так, земства заняты ответом на тридцать три вопроса, которые поставил им Лорис-Меликов, и теперь он, Игнатьев, должен страдать от того, что натворил его предшественник. Я спросил о том, что правительство ответит земствам; граф заявил, что все, кто превышает свои полномочия, получают отказ. «Кроме того, — добавил он, — мы сейчас начинаем два больших проекта, крестьянский кредитный банк и закон о регулировании работы на фабриках». Сказанное им о первом проекте звучало достаточно хорошо. Банк мог бы оказать благотворное воздействие, если бы не дефицит элементов, необходимых для освоения сокровища, которым из всех европейских стран обладает одна Россия: неосвоенных земель, обработка которых требует прилежания, порядка и деловых качеств.

16 января. Гирс приехал ко мне, и у нас была долгая доверительная беседа. Я сообщил ему содержание инструкции из Берлина, в которой имелись отрывки из донесений наших полицейских агентов в Лондоне и Париже. Эти люди сообщают, что нигилисты хотят организовать большое покушение на императора Александра и всю его семью, поскольку уверены, что нигилизм, возможный

¹ Речь идет о поездке Н. П. Игнатьева в столицы великих европейских держав в феврале-марте 1877 года с целью обеспечить благоприятную реакцию ключевых игроков на начало предстоявшей русско-турецкой войны. В целом эта задача была выполнена успешно. Результатом миссии Игнатьева стало подписание Лондонского протокола, в котором великие державы требовали от Османской империи проведения внутренних реформ.

только благодаря попустительству образованных классов, погибнет в случае дарования царем конституции. Я сказал господину Гирсу, что лично перепишу для него этот фрагмент, который нужно довести до сведения монарха, и предложил ему показать мое конфиденциальное письмо, как обычно, министру внутренних дел либо лично доложить о нем императору. Гирс выбрал первый вариант. По мнению этого верного и патриотичного человека, император вопреки тревожным новостям со всех сторон должен покинуть свое уединение. Я ответил, что это можно рекомендовать лишь после того, как столица будет очищена серией разумных и последовательных мероприятий, а также сделана настоящая и обоснованная уступка оправданным притязаниям здравомыслящих людей, что позволит дать умам иное направление. Если же по-прежнему будут придерживаться фантастической программы «император и селяне», тогда самодержец должен утвердить свои права, показавшись народу и царству открыто.

Дипломатов начинает занимать египетский вопрос: англичане и французы в идентичных нотах хедиву заявили, что желают защитить его от внутренних и внешних угроз. Граф Кальноки предложил императорским дворам присоединиться к англо-французской инициативе — очевидно, дабы обезвредить ее. Гирс не поддержал такую идею, и я с ним согласился. Теперь Порта заявила протест; Шакир-паша прочел мне хорошо написанную турецкую депешу. Гирс ответил послу: Россия желает сохранения статус-кво, закрепленного европейскими договорами, а также защиты общих интересов в зоне Канала и вассальных отношений². Мы присоединяемся к этой точке зрения, и послы трех императоров выскажутся в соответствующем духе.

² Имеется в виду Суэцкий канал и статус Египта как составной части Османской империи.

25 января. У генерала Трепова. Расследование показало, что стражники и солдаты Петропавловской крепости в полном составе передают письма и посылки преступникам. Генерал Гейнс³ — казанский губернатор, которого я встретил у Трепова, — заявил: «Электрический провод связывает нас всех, генералов и нигилистов, провод общего недовольства». Даже в кругах, где никто не мог бы ожидать подобного, слышны высказывания: «Надо спросить себя, не является ли катастрофа желательной?»

26 января. После ужина у шведского посла я обсудил с Гирсом речь, произнесенную вчера Скобелевым⁴ в честь годовщины штурма Геок-тепе⁵. Храбрый и безоглядно честолюбивый полководец объявил себя сторонником «народа» против «интеллигенции», сказал, что принцип «сила выше права» не может являться исключительной привилегией одной расы, и закончил словами самой пламенной симпатии к герцеговинским повстанцам, сражающимся за веру и отечество⁶. Я заявил господину Гирсу, что гене-

³ Александр Константинович Гейнс (1834–1892) — российский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. Участвовал в Крымской войне, подавлении восстания в Польше в 1863 году, кампаниях в Средней Азии. В 1878–1880 годах одесский градоначальник, в 1880–1882 годах — казанский губернатор.

⁴ Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) — российский военный деятель, генерал от инфантерии. Приобрел большую известность и популярность благодаря своим победам в Средней Азии и в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Симпатизировал панславистам, выступал за союз с Францией против Германии.

⁵ Цитадель Геок-тепе на территории современного Туркменистана была взята российскими войсками под командованием Скобелева в ходе успешного Ахал-текинского похода 1880–1881 годов.

⁶ Речь идет о восстании в Боснии и Герцеговине 1881–1882 годов, поднятом местным населением против австрийской ок-

рал Скобелев более опасен внутри страны, чем за ее пределами. Он понял, что я имею в виду, и ответил, что император не любит генерала. «Тем больше причин считаться с ним», — возразил я. Скобелев очень популярен, в особенности в армейских частях; там растет недовольство глупым стремлением экономить военный бюджет в мелочах, не уменьшая численности армии. Гирс рассказал мне, что позавчера на заседании Государственного совета военный министр Ванновский произнес прекрасную часовую речь о том, что если его и дальше будут ограничивать в необходимых расходах, он не сможет поручиться за армию.

28 января. Я беседовал о генерале Скобелеве с друженственно настроенной дамой, у которой он вчера пробыл три часа. Она сказала ему, что он допустил ошибку, объявив себя врагом «интеллигенции», поскольку о его речи узнают лишь те, кто умеет читать и таким образом относиться к «интеллигенции». Скобелев возразил: «Московские купцы любят слышать такие вещи». Далее он начал утверждать, что только война спасет Россию, и в ответ услышал: «Если Вы примете яд, он станет для России лекарством!» Генерал заявил, что искренне хотел бы, чтобы дипломатия предприняла что-нибудь против него; тогда он выйдет в отставку и отправится на Балканы; недостатка в деньгах и оружии у него не будет. «Вы хотите свергнуть болгарского князя?» — «Нет, я сделаю его могущественным, если он пойдет со мной». Далее Скобелев заявил, что хочет жениться на женщине из народа, чтобы стать ближе к последнему.

30 января. За время правления Гладстона⁷, то есть в течение последних двух лет, британскому владыче-

купации, осуществленной в соответствии с решениями Берлинского конгресса 1878 года.

⁷ Уильям Гладстон (1809–1898) — английский государственный деятель, лидер Либеральной партии. Занимал пост премьер-министра в 1868–1874, 1880–1885, 1886 и 1892–1894 годах. Выступал за сдержанность во внешней политике, против активных колониальных захватов.

ству в Турции, Африке и Азии нанесен гораздо больший ущерб, чем думает публика, читающая газеты, и чем готовы признать безответственные государственные мужи, в этих газетах пишущие. Мне неизвестен лучший знаток Востока, чем господин Гирс. Благодаря долгому пребыванию в Румынии и Персии он приобрел богатый опыт и изучил психологию восточных народов. В этом я уже не раз имел случай убедиться при решении сложных и весьма ответственных вопросов — к примеру, когда он поручился за спокойствие Восточной Румелии без смешанной оккупации. Гирс порадовался, когда Скобелев в своей шовинистической речи не смог не признать заслуг министерства иностранных дел, которое так любят ругать националисты. Миротворитель и экономный руководитель российской дипломатии одержал победу над тогдашними министрами войны и финансов, добившись того, что кампания была обеспечена достаточными средствами. Он решительно протестовал против первых операций в Закаспийском крае, однако после их неудачи настоял на том, чтобы взять реванш, поскольку был убежден, что в противном случае позиция России на Кавказе, в Персии, Центральной и даже Восточной Азии окажется под угрозой. Энергичный удар на Геок-тепе изменил положение вещей; Россия смогла приобрести положение, все значение которого англичане либо не понимают, либо намеренно игнорируют. «Мы обещали не идти на Мерв, но не можем запретить жителям Мерва идти к нам», — заявил мне статс-секретарь с оправданной уверенностью в своих силах.

31 января. Беседа с Гирсом о Черногории, затем у графини Александрины Толстой⁸. Графиня, ранее пламенная славянофилка, высказывалась в миротворительном духе и возмущалась фанатичными статьями Аксакова.

⁸ Александра Андреевна Толстая (1817–1904) — в описываемое время камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны.

6 февраля. У княгини Марии Оболенской. Любительница французов, она также пламенно выступает против Соболева и Аксакова и страстно желает сохранения мира.

7 февраля. У мадам Нелидовой, подруги господина Абазы и сестры шовинистического генерала Анненкова⁹; даже она недовольна яростным воем о войне со стороны Соболева и Аксакова. Мы обедали у великого князя Михаила; вечером фельдъегерь привез кое-что интересное. Сабуров намекнул графу Гатцфельдту¹⁰, что нужно принимать во внимание российскую публику, ничего не знающую о тайных договоренностях; потом он заговорил о сложном положении черногорского князя. Италия искала сближения с Веной; граф Кальноки весьма дружелюбно ответил графу Робиланту, но дал ему понять, что не пойдет на подписание соглашения, поскольку министры конституционной Италии не внушают большого доверия. Египетский вопрос все больше выходит на первый план; националисты вынудили Шериф-пашу уйти в отставку, военным министром стал Ораби-бей. Представители Германии, России, Австрии и Италии выступили в Константинополе с идентичными заявлениями.

8 февраля. У господина Гирса; мы поговорили о Египте и болгарских делах. Я сказал ему, что генеральный консул Хитрово ведет двойную игру и поступает

⁹ Елена Николаевна Нелидова (1837–1904) — хозяйка одного из самых влиятельных петербургских салонов, где собирались государственные деятели либерального толка; Михаил Николаевич Анненков (1835–1899) — российский военный деятель, генерал от инфантерии. В 1870–1880-е годы занимался преимущественно вопросами развития стратегической железнодорожной сети и войсковых перевозок.

¹⁰ Граф Пауль фон Гатцфельд (1831–1901) — немецкий дипломат, один из ближайших сотрудников Бисмарка. В 1878–1882 годах германский посол в Константинополе, в 1882–1885 годах статс-секретарь ведомства иностранных дел, в 1885–1901 годах посол в Лондоне.

нечестно по отношению к нашему представителю, господину фон Брауншвейгу.

12 февраля. В последние дни у меня было несколько бесед с господином Победоносцевым. Давно мне не попался человек со столь твердокаменными убеждениями, а в России этого еще не случалось вообще никогда. Ученый, красноречивый и авторитетный юрист, он рассуждает как анахорет, для которого не существует ни государственного, ни международного права, когда речь идет о культе. Я задумался над тем, какое впечатление произвели на меня его слова, и могу себе представить, как они влияют на императора, которому ежечасно угрожает смерть и который лишь изредка находит советчиков, с бескорыстной преданностью служащих правому делу. В здешней среде, где отсутствуют четкие представления, воля и последовательность, любые твердые убеждения, пусть даже ложные и односторонние, пробивают себе путь. Однако убеждения господина Победоносцева выражаются лишь в критической, а не созидательной форме; он препятствует многим разумным вещам, которые без него могли бы стать реальностью. «Он общается только с херувимами», — сказал мне недавно граф Игнатьев об этом удивительном святом.

22 февраля. 19-го я вернулся с неудавшейся медвежьей охоты и узнал, что генерал Скобелев произнес вторую провокационную панславистскую речь — в Париже перед делегацией молодых сербов¹¹. Вчера, **21-го**, я поехал

¹¹ В своей речи 18 февраля 1882 года Скобелев заявил, что власть в России находится в руках «чужеземцев», борьба между славянами и «тевтонами» неизбежна и спасение славян — в союзе с Францией. Речь вызвала в Европе, и особенно в Германии, сильное волнение, поскольку Скобелев являлся офицером российской армии и его заявления можно было рассматривать как неофициальную позицию Петербурга. Российская дипломатия вынуждена была прилагать большие усилия для того, чтобы дезавуировать генерала и не допустить серьезного ущерба для отношений с Берлином.

на охоту с графом Петром Шуваловым; у него в кармане оказался свежий номер «Нового времени», которому покровительствует граф Игнатьев. Граф Шувалов прочел мне статью, в которой провозглашается, что сто миллионов русских (которых, вообще-то, в лучшем случае шестьдесят миллионов) нападут на Европу и уничтожат ее культуру, зато дадут землю угнетенным. После охоты мы сели в Красном Селе в поезд, идущий из Гатчины, и встретили там господина Гирса, возвращавшегося от императора; статс-секретарь был очень доволен результатами своего доклада. Сегодня Гирс рассказал мне, что князь Орлов¹² по телеграфу доложил о речи Скобелева, сравнил последнего с Гарибальди и высказал свое возмущение нарушением дисциплины. Министр финансов Бунге¹³, испуганный тем эффектом, который эта речь произвела на берлинской бирже, письменно обратился к руководителю министерства иностранных дел. Игнатьев тоже написал Гирсу и попросил встречи с ним; встреча состоялась, и стороны согласовали весьма бледное заявление, появившееся 21-го в «Правительственном вестнике». Граф Игнатьев предложил по неофициальным каналам убедить генерала Скобелева покинуть Париж; Гирс заявил, что такая инициатива должна исходить от императора, и направил монарху телеграмму Орлова с сопроводительным письмом. На следующий день император ответил: «Поведение Скобелева непростительно, поговорите с военным министром». На встрече с Гирсом генерал Ванновский придерживался корректной и деловой точки зрения; 21-го они вместе отправились в Гатчину, где было решено, что Гирс телеграфирует

¹² Князь Николай Алексеевич Орлов (1827–1885) — российский военный деятель и дипломат. В 1871–1884 годах российский посол в Париже, в 1884–1885 годах в Берлине.

¹³ Николай Христианович Бунге (1823–1895) — российский ученый-экономист, министр финансов в 1881–1886 годах, председатель Комитета министров в 1887–1895 годах.

Орлову, чтобы тот от имени военного министра передал генералу приказ вернуться в Петербург. Одновременно Гирс отправил телеграмму послу в Берлине, уполномочив его высказаться в успокоительном для нашего императора ключе.

Князь Бисмарк поддержал мои соображения, высказанные после первой речи; он не ответил на мои донесения, но отправил своего рода инструкцию, которая повторяет то, что я писал две-три недели назад: речи Скобелева угрожают внутреннему положению России больше, чем ее внешним сношениям. В Петербурге все более-менее разумные люди возмущены Скобелевым.

23 февраля. Сегодняшние впечатления заставляют меня почти поверить в то, что выходка Скобелева привела здесь к отрезвлению, практически полной перемене курса.

24 февраля. Генерал Анненков, вернувшийся из Москвы, сообщил мне, что там не одобряют выступлений Скобелева. Богатые торговцы, с которыми он сотрудничал в деле перевозок хлопка по Закаспийской железной дороге, ничего не хотят и слышать о войне и не дадут денег герцеговинским повстанцам. Анненков — офицер генерального штаба, Скобелев плохо обращался с ним во время Текинской кампании и в принципе нажил себе много врагов и завистников в генеральном штабе. Обручев¹⁴ является лидером этой группы, которая наверняка обрадуется, если дела примут для Скобелева неблагоприятный оборот.

27 февраля. Я продолжаю собирать сведения о том впечатлении, которое речь Скобелева произвела на различные слои общества. Славянофилы критикуют ее за несвоевре-

¹⁴ Николай Николаевич Обручев (1830–1904) — российский военный деятель, начальник Главного штаба в 1881–1897 годах. Разрабатывал планы военных действий на западном направлении — против Германии и Австро-Венгрии.

менность — после падения Гамбетты¹⁵ и на фоне африканского вопроса Франция будет проявлять сдержанность. От дружественно настроенных лиц я слышу, что их прислуга в восторге от Скобелева и часто говорит: «Теперь он страдает, потому что выступил против Германии». Крупный британский коммерсант рассказал мне, что русские мелкие торговцы выступают в поддержку «крутого парня». Среди петербургских и московских немцев растёт беспокойство, обоснованность которого я больше не могу отрицать — не столько из-за скобелевских речей, сколько из-за постоянной травли со стороны прессы, находящейся под покровительством министра внутренних дел.

8 марта. 1-го у меня был серьёзный разговор с господином Гирсом. Я сказал ему, что внутренние процессы негативным образом влияют на внешнюю политику и мне было бы приятнее видеть его самого министром внутренних дел, а Игнатьева — на его месте. Будучи министром иностранных дел, генерал оказался бы вынужден следовать приказам монарха и соблюдать взятые им на себя обязательства. Если бы он отклонился от этой линии, его тут же можно было бы поймать за руку, в то время как сейчас он совершенно анонимно, не неся никакой ответственности и оставаясь внешне непричастным, при помощи административной машины создает ситуацию, которая вынудит императора Александра изменить свою внешнюю

¹⁵ Леон Гамбетта (1838–1882) — французский государственный деятель, республиканец, сыграл огромную роль в организации обороны Франции во время Франко-германской войны 1870–1871 годов. После ее окончания являлся одной из ключевых фигур французской политической жизни, возглавлял Радикальную партию, последовательно защищал республику от угрозы монархического переворота. В 1879–1881 годах президент парламента, в 1881–1882 годах премьер-министр и министр иностранных дел Франции. Правительство Гамбетты было вынуждено уйти в отставку из-за провала реформы избирательной системы.

политику. Я добавил, что систематическая травля немцев, которую не только терпят, но и поощряют, позволяет сделать вывод о намерении спровоцировать конфликты, на которые государства, чьи подданные окажутся затронуты происходящим, не смогут взирать равнодушно. Я предположил, что граф Игнатьев, унижая руководство внешней политикой и обвиняя его в измене, возбуждает в обществе эмоции, которые позволят ему после того, как очередной его шаг вынудит зарубежные державы к демонстрациям, представить Россию оскорбленной и атакованной и призвать к священной оборонительной войне. Если министр внутренних дел таким путем спровоцирует международный конфликт, его не удастся урегулировать ни вмешательством миролюбивых монархов, ни государственным искусством кабинетов. Если бы генерал Игнатьев был министром иностранных дел и ему путем интриг вопреки воле императора Александра удалось бы спровоцировать конфликт, оставалась бы возможность в последний момент отвести опасность путем отставки министра, встречи монархов или посредничества нейтральных держав.

Как сообщил мне с благодарностью господин Гирс, у князя Орлова хватило мужества после речи Скобелева в своих докладах призвать императора не проводить двойную политику. Другие послы, похоже, не слишком поддерживают своими донесениями линию министерства и действуют с оглядкой на Игнатьева. Гирс не без успеха пытался найти поддержку у императрицы; эта высокопоставленная особа, на долю которой выпали тяжкие испытания, несмотря на невеликие таланты прекрасно поняла значение работы верного и бескорыстного Гирса и всю ненадежность Игнатьева. Однако император считает, что генерал полезен ему благодаря своей популярности, а назначение лютеранина Гирса будет воспринято без энтузиазма. Кроме того, император пребывает в плену заблуждения, что на протяжении долгого времени сможет контролировать две противоборствующие системы; он хочет, что-

бы популярный и обманывающий общество все новыми иллюзиями Игнатьев обеспечил покой внутри страны, а оскорбляемый генералом Гирс отвечал за внешнеполитическое спокойствие. Гирс, у которого есть достаточно мужества, открыто объявил монарху, что последний заблуждается, думая, что его желания достаточно для сохранения мира. Он сказал: «Я, известный своим миролюбием, уже через два месяца могу оказаться в ситуации, когда мне придется сказать: сир, Вы должны объявить войну! В частной жизни даже самый спокойный человек вынужден драться, получив пощечину; в отношениях народов тоже случаются оскорбления, которые нельзя терпеливо выносить». **2 марта** после обеда у барона Штиглица я вновь убеждал статс-секретаря добиться однозначного одобрения императором его внешнеполитического курса. Гирс был настроен пессимистично; он даже заявил о желании отправить семью на Пасху за рубеж и просить длительного отпуска.

4-го у нас был большой обед; сразу же после этого мы с графом Шуваловым отправились по Московской железной дороге за Остров, а оттуда на запад в уголья, где водилось много волков. Мне удалось подстрелить старого крупного волка; он был необычной величины и красоты и весил 125 русских фунтов. Сегодня в 11 часов утра мы вернулись в столицу. В три часа я отправился к Гирсу, который накануне был в Гатчине и встретил в приемной императора генерала Скобелева. Представ перед монархом, статс-секретарь в своем докладе еще раз подчеркнул политические и финансовые последствия скобелевских речей. После того, как Гирс вышел из императорского кабинета, туда позвали Скобелева, который затем сообщил статс-секретарю: «Император устроил мне ужасную головомойку». Когда я спросил о том, какова теперь будет судьба генерала, господин Гирс ответил, что не знает этого, но полагает, что его включают в состав какой-нибудь комиссии, обсуждающей туркестанские дела; его не хотят отпускать из Петербурга,

чтобы держать в руках. «В руках Игнатьева», — заметил я и потом в полном согласии с Гирсом перешел к обсуждению тех опасностей, которые грозят накликать на Россию бессовестные игры данного деятеля.

Я сказал Гирсу, что его долг — поставить императора перед выбором: утвердить его в качестве министра иностранных дел или отправить в отставку. Гирс сообщил, что граф Воронцов вчера сказал ему то же самое, и возразил, что не может этого сделать, поскольку такой шаг будет выглядеть как стремление к личной выгоде. Я ответил: «Ничего подобного, это выгода миллионов людей; флаг Вашего имени прикрывает контрабанду войны; они пользуются уважением и доверием, которые питают к Вам в Европе, чтобы обмануть ее; император пользуется Вашим благоразумием, чтобы избежать войны, которую он ненавидит, и в то же время использует уловки Игнатьева, чтобы добиться популярности, но нельзя держать вместе козла и капусту». Я убедил его в том, что в день рождения императора (10-го) или в годовщину вступления на престол надо добиться окончательного решения, и попросил заручиться поддержкой графа Орлова, который должен приехать и будет по приглашению императора жить в Гатчине.

13 марта. Утром я прогулялся по улицам; много народу шло к месту, где год назад в этот день убили императора; в церквях тоже было многолюдно. Их Величества приехали в город с обоими сыновьями и без всякого эскорта в открытом экипаже направились в крепостную церковь¹⁶, затем в часовню на месте убийства, потом обратно в Гатчину. Были приняты весьма обширные меры предосторожности. Крепостная церковь была заполнена целиком, а господствовавшее настроение контрастировало с обычным на подобных мероприятиях, свидетельствуя о том, что за последний год осознание несчастья, случившегося с Россией, значительно усилилось.

¹⁶ Имеется в виду Петропавловский собор.

14 марта. В прошлую субботу Государственный совет решил, что при заключении договоров в балтийских провинциях должен использоваться письменно и устно только русский язык. Граф Шувалов с блестящим остроумием разгромил это предложение как противоречащее здравому смыслу; но его поддержали только старый Бреверн¹⁷ и армянин Делянов¹⁸. Генерал Скобелев формулирует следующую теорию: положение императора таково, что он только после победы сможет вернуться в свою столицу и чувствовать себя там в безопасности.

16 марта. В мартовском номере «Вестника Европы» опубликовано письмо старого князя Вяземского, написанное в конце лета 1876 года — именно тогда, когда я проводил много времени с ним и его любезной женой в Хомбурге. Письмо адресовано графу Шереметьеву — супругу его внуки, который в те дни был адъютантом наследника престола, а теперь флигель-адъютант и один из приближенных императора. Автор письма ругает правительство, которого не видно и не слышно и которое допускает отправку в Сербию денег, оружия и добровольцев, а также позволяет генералу Черняеву¹⁹ и его компании определять историю

¹⁷ Иван Христофорович Бреверн (1813–1885) — российский государственный деятель, на протяжении длительного времени занимал высшие административные посты в Лифляндии и Курляндии, в описываемое время сенатор.

¹⁸ Иван Давыдович Делянов (1818–1897) — российский государственный деятель, сделавший карьеру в сфере народного просвещения. С 1874 года член Государственного совета, в 1882–1897 годах министр народного просвещения.

¹⁹ Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) — российский военный и политический деятель, одна из ключевых фигур российской экспансии в Средней Азии в 1860-е годы. Выйдя в 1875 году в отставку, на следующий год отправился в Сербию для помощи славянскому делу, был назначен главнокомандующим сербской армии. В 1877 году вернулся на российскую службу. В 1882–1884 годах занимал пост туркестанского генерал-губернатора.

России и Европы. Князь обличает глупость, жертвующую русским имуществом и кровью ради основания неблагодарных демократических государств. Такое письмо могло бы быть написано сегодня, только с другими именами. Что касается Черняева, то он, по слухам, сказал, что не желает принимать предназначенный для него пост туркестанского генерал-губернатора, а хотел бы оказаться в одной лодке со Скобелевым — она достаточно велика для них обоих. Скобелев же заявил одной даме, которая дружит и с ним, и со мной, что император — хороший человек с национальным образом мысли; ранее он высказывался в совершенно ином ключе. Настроения в здешнем обществе за последние дни изменились: на смену самоуверенности, вызванной хвастовством Скобелева, пришел страх перед немецким ударом. У военного министра вчера состоялось совещание с участием множества высокопоставленных офицеров.

19 и 20 марта. По словам Жомини, барон Трауттенберг сообщил ему содержание телеграммы от графа Кальноки, в которой последний жалуется на постоянные нападки на Австрию со стороны игнатьевской прессы. Гирс поехал сегодня в Гатчину с докладом, намереваясь «припереть императора к стене». Когда статс-секретарь рассказывал мне о реакции царя на его доводы, я услышал в его словах надежду на то, что в один из следующих дней монарх что-нибудь сделает если не для исправления ошибок прошлого, то для спокойствия будущего. Я, однако, не жду слишком многого.

Накануне дня рождения императора²⁰ супруга великого князя Константина устроила прием, на который были приглашены мы, генерал Вердер²¹ и секретари посольства,

²⁰ Имеется в виду германский император Вильгельм I.

²¹ Бернгард фон Вердер (1823–1907) — прусский военный деятель, генерал от инфантерии, близкий друг Швейница; прусский военный уполномоченный в Петербурге в 1869–1886 годах, германский посол в России в 1892–1901 годах.

а также супруги Гирс и некоторые другие господа и дамы. Это был действительно смелый шаг — организовать такую демонстрацию прежде, чем император решит, устраивать ли обычный торжественный прием по случаю упомянутой даты. Похоже, решение далось ему нелегко; лишь в последний момент, когда у гофмаршала²² практически не осталось времени на подготовку, последовал соответствующий приказ. Госпожа Нарышкина рассказывала, что муж разбудил ее в два часа ночи и посадил писать приглашительные карточки, а важнейший реквизит для приема прибыл из Парижа всего за два часа до начала. Мероприятие великой княгини было организовано с видимой любовью и производило очень благоприятное впечатление. Она подняла весьма эмоциональный тост за здоровье императора, свидетельствовавший о ее искреннем уважении к нашему монарху.

22-го в посольство приехало с поздравлениями больше народу, чем когда-либо ранее в этот день. Появились почти все великие князья, граф Игнатьев и генерал Обручев. В 4:15 мы отправились на торжественный прием в Гатчину. Только войдя во дворец, я заметил, какие серьезные улучшения произошли с тех пор, как гофмаршалом стал Эммануил Нарышкин. За столом я сидел справа от императрицы, которая со знанием дела говорила о политике и хвалила господина Гирса. Я воспользовался возможностью сказать ей, что этот верный и бескорыстный слуга императора мог бы ярче проявить свой талант в общении с дипломатами и коллегами, если бы наконец приобрел все внешние атрибуты того непростого поста, на котором столь блистательно действует уже на протяжении шести лет. Когда императрица осуждающе высказалась о речах Скобелева, я промолчал, отметив лишь, что это внутрисосийское дело.

²² Эммануил Дмитриевич Нарышкин (1813–1902) — обер-гофмаршал с 1881 года, обер-камергер с 1884 года.

Император поднялся и повернулся ко мне с тостом: «Я пью за здоровье Его Величества императора Германии, моего лучшего друга и союзника; пусть Господь сохранит его на долгие годы ради счастья его собственной страны и спокойствия Европы!» После трапезы я поблагодарил императора за прекрасные слова; тот ответил, что они идут от самого сердца, и он надеется, что подобные чувства разделяют и у нас. Я заверил его, что дело обстоит именно так. Великая княгиня Ольга и все присутствовавшие великие князья самым сердечным образом высказали свои чувства к нашему императору. Торжество, организованное с необычайной пышностью, произвело на меня благоприятное впечатление.

27 марта. В половине десятого утра я вернулся с охоты в Ораниенбауме и с удовольствием прочел инструкцию Бисмарка, привезенную фельдъегерем вчера вечером. Князь пишет, что инцидент со Скобелевым для нас исчерпан; к сожалению, он произвел глубокое впечатление на народ и армию, однако мы готовы спокойно отнестись и к более грубым выходкам, не теряя терпения. Люди, руководящие Германией, иначе понимают свой долг и сознают свою мощь. В целом князь, похоже, полностью согласен со всем, что я говорил, делал и писал, за исключением одного: он не хочет, чтобы Гирс «припирали императора к стене», к чему я подталкивал статс-секретаря. Я до сих пор считаю, что действовал правильно и успешно: в противном случае император никогда не стал бы столь демонстративно праздновать 22 марта. Я всегда полагал, что пусть лучше Гирс уйдет в отставку, чем мы при сохранении внешне дружественных отношений будем постепенно дрейфовать навстречу разрыву. Но князь Бисмарк хочет, чтобы Гирс не перегибал палку, а оставался на своем посту в «более серьезные моменты».

2 апреля. Господин Гирс приехал ко мне; в целом он доволен происходящим, верит в то, что граф Игнатьев рано или поздно падет, как и клика Каткова с Победоносцевым.

Тем временем эта клика одержала еще одну победу. Министр просвещения барон Николаи заменен господином Деляновым. Последний — армянин по происхождению, богат, уважаем и хорошо образован. У него богатый опыт, поскольку он долгое время являлся инспектором Петербургского учебного округа, а затем товарищем министра просвещения. Его считают приверженцем идей Каткова, сторонником классического образования в стиле Толстого и реформы статуса университетов. Пресса с редким единодушием приветствовала его назначение.

5 апреля. Игнатьев действует против евреев жестоко и местами даже незаконно. Единственным мотивом я считаю желание любой ценой устроить диверсию и направить дурные страсти против чужаков. При оценке действий правительства или поведения различных классов общества нужно отказаться от поиска понятных, продиктованных рациональными соображениями мотивов. Здесь действует принцип: «Будем есть и пить, ведь завтра мы все равно умрем!» Только к «есть и пить» тут надо прибавить «и играть в карты!». Я часто спрашиваю помещиков, чиновников и генералов, приезжающих из провинций, не планируют ли наконец лучшие люди, самые богатые и влиятельные, собраться вместе и возвысить голос — устно и письменно — против того, что угрожает самому их существованию. Ответ неизменно отрицательный, и на мой следующий вопрос о том, чем же они в таком случае занимаются, следует ответ: «Они играют!» Люди не понимают чудовищной серьезности ситуации, не понимают этого и в Гатчине. Там ведут тихую уютную жизнь между Победоносцевым, занятым небесами, Катковым, который гарантирует настроения народа, и Игнатьевым, который приводит в движение Ахерон²³.

²³ Очевидно, это отсылка к образу Ахерона у Данте — река, опоясывающая ад. Швейниц имеет в виду, что деятельность Игнатьева губительна для Российской империи.

9 апреля, пасхальное воскресенье. Вчера вечером я возглавлял заседание благотворительного комитета, а затем, усталый и плохо себя чувствующий, отправился спать. В этот момент в мою спальню постучали с информацией о том, что только что вышел указ о назначении статс-секретаря Гирса министром иностранных дел. Горчаков по собственному желанию уходит в отставку, однако по-прежнему будет именоваться имперским канцлером.

6 мая. На охоте. Устаешь писать о России, но мне кажется, что еще больше устаешь читать тексты, авторы которых не могут назвать ни единой героической силы, которая противостояла бы процессу разложения крупнейшего государства мира. Здесь пара сотен тысяч чиновников угнетает восьмидесятимиллионный народ. Говорить о насилии и грабеже было бы в данном случае перебором, в том числе потому, что это делало бы слишком много чести мужеству и силе чиновников. Они не жестоки, а хитры, с помощью своих полномочий обеспечивают себе незаконные преимущества — частью путем хищений, частью созданием таких условий, при которых приходится давать им взятки за исполнение или неисполнение обязанностей. Массы спокойно воспринимают это, и общество не выражает свой протест хотя бы презрением. Здесь склоняются перед успешными и перед теми, кто может быть опасен. Тех, с кем можно договориться и оплатить услуги, предпочитают таким, которые не делают вообще ничего.

Пока земные дела текут в подобном ключе, с духовными все обстоит не лучше. Ленивое духовенство, невежественное и бедное, лишенное как властолюбия и алчности, так и ревностной набожности, обеспечивает церемониальную сторону. Священники не в состоянии наставить свою паству на истинный путь или вдохновить, воспитывать и карать ее за отсутствием нужного авторитета. Поэтому они сквозь пальцы смотрят на пьянство и лень, жертвами которых часто являются и сами. Со школой все еще хуже, чем с церковью — вторая всего лишь не делает добра, в то вре-

мя как первая сеет зло. Главная ответственность, опять же, ложится на церковь, отказавшуюся от своего святого долга в сфере народного просвещения. Она никогда не стремилась учить; удельные князья не создавали школ, а цари начали строительство сверху, а не снизу. До сих пор не понимают, что в лишенной среднего класса России народным массам нужно давать доступ не более чем в средние школы.

У нас армия была воспитательным институтом в самом благородном смысле этого слова. Гогенцоллерны взяли у Античности физические упражнения, у Средневековья понятия о чести и самоотречении и смогли создать школу тела и духа, школу дисциплины и морали, какой еще не видел мир. Следуя примеру Петра Великого, императоры Петр III, Павел, Александр I и Николай делали слабые попытки подражать нам на этой почве; они оставались небезуспешными, пока немцы составляли большинство на высших армейских должностях. Сейчас разрушается и то небольшое, что уцелело при Милютине.

В последние недели я читал очень хорошую и точную книгу по русской истории, написанную французом Рамбо²⁴. В России всегда — с короткими перерывами — все выглядело так же плохо, как ныне, и даже намного ужаснее. Если это может быть утешением, то изучение русской истории действует успокоительно. Однако сейчас ситуация иная: раньше все страдания и грехи приходились на саму территорию большой страны, и опасаться следовало скорее ее слишком быстрого расцвета, чем упадка. Именно последний становится теперь опасным для нас; в эпоху железных дорог, электричества и динамита проблемы быстрее задевают соседей. В российские бумаги вложено несколько сотен миллионов рублей немецких накоплений, и еще важнее то, что конвульсии нашего бывшего друга

²⁴ Имеется в виду книга французского историка Альфреда Рамбо «История России от истоков до 1877 года», опубликованная в 1878 году.

на востоке могут побудить нашего врага на западе нарушить мир.

Раньше моей программой, которую я неизменно представлял в Берлине, являлось желание и стремление иметь на восточной границе сильную и спокойную державу, с которой нас связывают узы крепкой дружбы. Когда убили Александра II, я заявил, что самодержавная система временно отсутствует, поскольку нет необходимых для нее личностей, институтов и опор. Я задался вопросом о том, что может быть полезнее для нас: самодержавный царизм в Москве или конституционная империя в Петербурге? Я оставил его без ответа; в Берлине хотели сохранения прежней неограниченной монархии; это невозможно, вернее, возможно только за наш счет — в результате победы в войне, которую начал бы сильный император. Мне очевидно, что Россия в нынешних ее пределах может быть только автократией; однако совершенно нет необходимости в том, чтобы эти размеры сохранялись. Волнения в отдельных ее частях не так опасны, как состояние, не оставляющее властителю иного выбора, кроме войны или гибели. Мне кажется, в наших интересах сделать так, чтобы Россия вступила на скользкую почву либеральных уступок, и чем скорее, тем лучше.

17 мая. Прибыл новый австрийский посол граф Волькенштейн²⁵. Генерал-адъютант князь Мирский — генерал-губернатор Харькова — лишился своего поста из-за слабости, проявленной при студенческих волнениях. На его место назначается граф Радецкий, ранее командовавший Гренадерским корпусом в Москве. Корпус, в свою очередь, предложили Скобелеву, который отказался по неизвестным мне причинам. Какое впечатление произвело бы в Германии, если бы генерал, оскорбления со стороны ко-

²⁵ Антон граф Волькенштейн-Тростбург (1832–1913) — австро-венгерский дипломат, в 1882–1894 годах посол в Петербурге, в 1894–1903 годах в Париже.

торого еще предстоит загладить, получил бы под свое начало элитный корпус в центре панславизма! Генерал Альбединский²⁶ очень разозлен вмешательством министров в управление Польшей; его предложения часто остаются без ответа; не сделано ничего из того, что обещал покойный император и поначалу подтвердил нынешний. Не мне, а своему старому близкому другу генерал-губернатор сообщил, что в течение последнего года в Царстве Польском значительно выросла готовность к территориальным переменам²⁷; мой собеседник ответил ему, что в балтийских провинциях происходит то же самое. Что касается действий Игнатьева, то нет смысла сетовать по их поводу, поскольку и его поведение, и самый факт его пребывания на посту министра внутренних дел не согласуются с законами разума. Только в еврейском вопросе председатель комитета министров нашел в себе мужество противостоять Игнатьеву; он имеет все основания поступать так почаше. В центре интересов находится египетский вопрос.

8-го меня посетил князь Болгарии и оставался на протяжении полутора часов. Он производит впечатление человека бодрого, мужественного и энергичного. Мне он сказал, что в его стране все было бы хорошо, если бы не русская агитация, которой занимается главным образом господин Хитрово. По вине последнего военному министру Крылову пришлось уйти в отставку; на его место князь рекомендует назначить генерала Каульбарса. Князь очень доволен тем, как его приняли при дворе; он намерен держаться на своем посту, пусть и не любой ценой. **14-го** мы организовали обед в его честь; он надел прусскую гвардейскую униформу и выглядел великолепно. Относительно агитации мне недавно пришлось довольно серьезно

²⁶ Петр Павлович Альбединский (1826–1883) — российский военный и государственный деятель, генерал от кавалерии, в 1880–1883 годах варшавский генерал-губернатор.

²⁷ То есть к борьбе за независимость.

побеседовать с господином Гирсом. Имя Хитрово я не произносил, поскольку уже знал, что император хочет его отозвать. Тем не менее, господин Гирс попытался защитить его: «Хитрово — поэт, неумный и честолюбивый, однако его интриги не враждебны миру; он следует предписанным курсом; но он не останется, он не останется».

4 июня, Лигово (на даче). Последняя неделя была посвящена Египту. Англо-французское предложение от 2 июня созвать конференцию послов в Константинополе было немедленно принято; Порта уже отправила в Египет своего комиссара Дервиш-пашу. Ни одна из множества идей, порожденных графом Игнатьевым на министерском посту, не воплотилась в жизнь; даже нападки на евреев не имели большого успеха. Поэтому графу нужно что-нибудь новенькое, и он приказывает «Новому времени» написать о Земском соборе. Катков немедленно отвечает на это в самых сильных выражениях. Теперь слово за Победоносцевым; уверен, что он способен объяснить императору, что принципы апрельского манифеста 1881 года допускают созыв Земского собора в том виде, в котором он существовал при старых царях, даже при Иване Грозном. Однако пока что все указывает на то, что Победоносцев выступит за Каткова против Игнатьева и Аксакова. Граф Шувалов сказал мне: не может быть и речи о том, чтобы император согласился на подобное. Но, на мой взгляд, нельзя так резко отбрасывать идею, которая в том или ином виде представляется многим единственным мирным выходом из нынешней сумятицы.

12 июня. Прошлую неделю мы прожили счастливо и спокойно в нашем милом сельском домике; в городе я был только один раз. В египетском кризисе наступила пауза; комиссар Порты Дервиш-паша прибыл в Каир; предложение западных держав о созыве европейской конференции отклонено султаном. Князь Бисмарк отправил мне срочное указание воспрепятствовать упразднению поста российского посланника в Мюнхене, запланированному импера-

тором Александром. Пришло множество гостей; они принесли весть о том, что Игнатьев уходит в отставку. Пусть это окажется правдой!

13 июня. Когда я вернулся с конной прогулки вместе с Вильгельмом, из города прибыл егерь с папкой. В ней лежало официальное извещение о том, что Игнатьев уходит в отставку по состоянию здоровья, и на его место назначается граф Дмитрий Толстой. Бывший министр просвещения — орудие в руках Каткова, при этом он не просто непопулярен, а ненавидим многими. «Отец лжи» был искусен и удачлив; искусен, потому что он после множества фокусов ушел, развернув либеральное знамя под лозунгом Земского собора; удачлив, потому что его место занимает самый непопулярный деятель, на фоне которого уходящий смотрится выигрышно.

14 июня. Нет никаких принципиальных соображений, которые могли бы заставить графа Игнатьева покинуть свой пост. Он мог попросить об отставке лишь исходя из того, что оставаться невозможно, либо уйти выгоднее. Император удовлетворил его прошение; следовательно, чаша была уже переполнена; монарх, который общается лишь с десятком приближенных, наконец понял, что он сам — единственный, кто еще позволял Игнатьеву водить себя за нос. Месяц назад министр внутренних дел представил императору проект о созыве в Москве Земского собора по старомосковскому образцу; коронация должна была пройти на фоне огромного впечатления, которое произведет эта новость. Само по себе такое предложение возражений не вызывает; возможно, это действительно единственный путь к выходу из лабиринта. Но все зависит от состава данного собрания и его полномочий; кажется, представленная Игнатьевым, а на деле сочиненная Аксаковым программа была совершенно фантастической. Император прочел меморандум и обсудил его с несколькими своими советниками — Победоносцевым, Островским и Деляновым. Все они решительно выступили против, на чем дело могло

закончиться. Одним отклоненным проектом больше, одним меньше — графа Игнатьева это мало волнует. Но в аксаковской газете «Русь» появилась статья о Земском соборе, на нее эхом отозвалось игнатьевское «Новое время», и Катков ответил им с разрушительной грубостью. Такая полемика изменила суть дела. Когда император отклоняет предложение министра, известное лишь им обоим, это нормальный порядок вещей; но когда министр заявляет публике, что хотел воплотить в жизнь всеобщую заветную мечту и столкнулся с сопротивлением трона и его советников, дело принимает иной оборот; очевидно, на это и обратили внимание императора. Характерный слух: якобы господин Победоносцев стал упрекать графа Игнатьева в том, что он представил императору проект столь важной меры, как созыв Земского собора, за спиной коллег. Граф в ответ напомнил прокурору Святейшего Синода, что тот сделал ровно то же самое с пресловутым апрельским манифестом.

Два года назад граф Лорис-Меликов в беседе со мной назвал своим самым важным успехом отставку графа Толстого — «проклятую любовь» Каткова. Услышав эту новость, люди на улице обнимались; как на Пасху кричат «Христос воскрес!», так теперь восклицали: «Толстой отставлен!» Эти и подобные сентенции можно прочесть в газетах тех дней. И именно этому деятелю император 11-го вечером телеграммой приказал явиться в Петергоф на следующее утро. Граф был застигнут врасплох; он обратил внимание императора на свою непопулярность и открыто заявил, что никогда не будет стремиться к всеобщей любви. Монарх ответил, что прекрасно знает об этом и не придает никакого значения популярности; сам он держит в руках средство в одно мгновение стать популярным и не пускает его в ход. Граф Толстой представил императору свою программу; она прямо противоположна всему, что происходило в последние десять лет. Он открыто заявил, что не может представить себе императора без дворянства

и не понимает лозунга «царь и народ». Монарх со всем согласился. Нет никакой гарантии, что он через год-другой не одобрит все, что ему предложит Черняев!

С графом Шуваловым у меня состоялась беседа по поводу назначения графа Толстого. Шувалов описал мне ситуацию, вновь продемонстрировав всю полноту своих талантов: глубокая серьезность и искрящийся юмор, патриотическая боль и едкая насмешка, холодная реалистичная оценка почти отчаянного положения дел и бодрость духа сочетаются друг с другом, и это сочетание наверняка бы произвело большое впечатление на Земский собор, состоящий не из одних мужиков. Итог рассуждений графа заключается в том, что назначение Толстого стало в нынешней ситуации лучшим из возможных вариантов, но и оно не сможет помочь. Он напомнил мне о разговоре, который состоялся у нас в том же месте — моем кабинете — в 1878 году; тогда он впервые к моему ужасу заявил, что органы правительства дольше не в состоянии поддерживать порядок в стране. «Теперь это еще более справедливо, чем тогда, — заявил он. — У графа Толстого есть все качества, которые Вы считали необходимыми для министра внутренних дел. Вы верили, что строгость и сила смогут восстановить авторитет, я же уже тогда считал это невозможным. Граф Лорис-Меликов попытался достичь цели одним путем, граф Игнатьев — другим, но оба пришли к одинаковому итогу — предложению о созыве представительства».

18 июня. Вчера мне пришлось признать дипломатическое поражение. Князь Бисмарк хотел, чтобы я не допустил ликвидации российского представительства в Мюнхене. Мы вместе с Гирсом выпускали самые острые стрелы, но все они отскочили, словно от брони. Император говорит: «Бисмарк совершенно прав, он голова! Но я уже решил, что Остен-Сакен уедет из Мюнхена, и это решение не изменится».

21 июня. Умному чиновнику по фамилии Судейкин удалось поймать банду из шестнадцати нигилистов. Как

только операция увенчалась успехом, отставной министр Игнатьев появился на сцене, чтобы заявить, что вся заслуга принадлежит ему; отчасти это может быть правдой. В египетском вопросе некоторое смятение. Когда мы с господином Гирсом обменивались мнениями, принесли телеграмму из Берлина, в которой господин Сабуров сообщает: «Князь Бисмарк считает, что нужно ни на что не обращать внимания и открыть заседания 22-го». «Вот как надо делать политику!» — воскликнул господин Гирс и немедленно написал императору просьбу позволить ему поддержать предложение Бисмарка.

5 июля. Рассказывают, что прежде чем отправиться в Карлсбад, граф Шувалов дал новому министру внутренних дел совет не предпринимать ничего масштабного в ближайшие три-четыре месяца. Граф Толстой согласился с этим, сделав исключение только для евреев и прессы. Остальные меры подождут, пока не соберется Государственный совет. В результате настало некоторое спокойствие, в отличие от времен Игнатьева, когда люди были в постоянном возбуждении и ожидании.

21 июля. 11 июля англичане бомбардировали Александрию. Поскольку трусливая и неверная политика министерства Гладстона привела к отправке британского флота в Александрию без десантных частей, а попытка запугать египтян не удалась, пришлось прибегнуть к этому акту варварской жестокости. Император Александр был очень зол и в первое мгновение хотел приказать покинуть конференцию; господин Гирс успокоил его, однако разместил в «Journal de St. Petersburg» довольно резкую статью с осуждением британских действий. **19-20** министр прочел мне инструкцию, которую отправил господину Ону²⁸.

²⁸ Михаил Константинович Ону (1835–1901) — российский дипломат, в описываемое время работал в посольстве в Константинополе, российский делегат на конференции по египетскому вопросу.

Суть ее заключается в том, что если новое англо-французское предложение — требование к Порте обеспечить безопасность Канала — одобряют восточные державы²⁹, то российский представитель должен к ним примкнуть. Если будет предложено выдать мандат западным державам, он должен поддержать это предложение. Если же встанет вопрос о привлечении иных держав, «запросите совета Вашего правительства».

Короткая телеграмма сообщила мне сегодня, что конференция в Порте собралась и Англия предложила потребовать от турок в 12-часовой срок заявить, собираются ли они взять на себя обеспечение безопасности Канала. Я заметил повышенный интерес здешнего кабинета к этому водному пути. Три корабля Добровольческого флота, находящегося под эгидой набожного прокуратора Святейшего Синода, возвращаются из Восточной Азии; если они не смогут войти в Канал, возникнут серьезные финансовые потери. В результате господин Победоносцев отправился к министру иностранных дел и горячо выступил за защиту Канала. Поскольку отказать этому господину теперь ни в чем невозможно, Гирс пошел ему навстречу и заявил, что у любой державы должно быть право обеспечивать безопасность своих судов в Канале с помощью военных кораблей.

24 июля. Вчера в девять часов утра я отправился вместе с Анной в Петергоф на крестины великой княжны Ольги Александровны. Мой французский коллега³⁰ в течение всей церемонии не смог сдержаться от громких и довольно забавных возгласов, уже обеспечивших ему здесь определенную известность. «Какое варварство!» — воскликнул он, когда ребенка погрузили в воду; младенец вынырнул, как рыба, и даже мне показалось, что она

²⁹ То есть Германия, Австро-Венгрия и Италия.

³⁰ Адмирал Бенжамин Жорес (1823–1889), возглавлявший французское посольство в Петербурге в 1882–1883 годах.

выпрыгнет из купели. Когда наконец долгие манипуляции с миропомазанием и отрезанием предназначенных для дьявола волос завершились и на маленькую великую княжну надели ленту ордена Святой Екатерины, адмирал Жорес сказал: «Она его заслужила!» Поскольку он добродушен и вежлив, ему прощают подобные вещи, и все же немало удивились, когда во время первой аудиенции он озвучил желание быть представленным вдовствующей императрице³¹, а в другой ситуации заявил нескольким русским, что они не найдут покоя, «пока не пойдут путем республики».

Граф Толстой, которого я встретил вчера впервые после его назначения, сказал мне: «Вся моя программа заключена в единственном слове: порядок!» Затем министр заговорил об опасных утопиях, предлагавшихся графом Игнатьевым императору, и добавил, что не потерпит никаких козней и никаких подстрекательств к враждебным действиям. Далее он упомянул о польских усилиях посеять раздор между нами и Россией и назвал полной глупостью идею союза русских и поляков в общей борьбе. Все сказанное министром было исключительно верно, и мне потребовалось добавить к одобрительным замечаниям лишь одно: некоторые чиновники, похоже, до сих пор верят, что гонения на немцев позволят им удостоиться высочайшей благосклонности.

26 июля. Господин Гирс понимает Восток лучше большинства своих коллег и с самого начала правильно оценивал значение египетского кризиса. Он действовал искусно в деталях, честно и грамотно в целом. Участие Порты в конференции, пусть и несколько запоздалое, может оцениваться только как его успех. Поэтому не было никаких

³¹ Имеется в виду морганатическая супруга Александра II Екатерина Долгорукая (княгиня Юрьевская). Учитывая ненависть к ней Александра III, такая просьба была крайне бестактной со стороны французского дипломата.

оснований ожидать немедленного изменения этой политики. И все-таки кое-что из сказанного мне сегодня министром по секрету не совсем согласуется с тем, что он говорил раньше. Вчера, во вторник, император заявил Гирсу во время доклада, что считает несовместимым с достоинством России дальнейшее участие в конференции, занимающейся лишь регистрацией действий других держав. После подписания протокола о бескорыстии и решения о совместных действиях Англия в одиночку разрушила Александрию; теперь она назначает главнокомандующего и отправляет в Египет тридцать тысяч человек, Франция одновременно приводит армию и флот в боевую готовность. Конференция в Терапии не имеет никакого влияния на эти операции.

Господин Гирс сообщил нам с графом Волькенштейном высочайшую точку зрения и полностью поддержал ее; он заявил, что чувства, которые руководили действиями императора с момента получения известия о бомбардировке, совершенно правильны. «Чувства — да, — ответил я, — но суждения — нет». Нельзя в тот самый момент, когда с большим трудом удалось достичь участия Порты в конференции, ставить под вопрос все предприятие, лишать всякого значения собрание, которое представляет Концерт³². Министр ответил, что император желает не роспуска конференции, а лишь приостановки ее заседаний; когда Его Величество через час после доклада получил сведения о намерении Порты вмешаться, он согласился, чтобы его представления о конференции и достоинстве России были сообщены посольствам не с телеграфной краткостью, а во всей полноте. Однако для меня это ничего не меняет в том несомненном и важном факте, что император прислушался к иным советникам.

³² Имеется в виду «Европейский концерт» — неформальное название системы сотрудничества великих держав в решении проблем европейского значения.

Каждый раз, когда российское правительство начинает говорить о своем достоинстве, я невольно жду, что оно совершит какую-нибудь глупость. Там, где есть правильное восприятие интересов, достоинство находится само собой. Господин Гирс прекрасно умеет заботиться о достоинстве России, и это совершенно не в его стиле — заявлять, что достоинство России страдает в результате политики, какую проводим и мы, считая ее для себя достаточно хорошей. Короче говоря, я подозреваю чужое влияние.

27 июля. Сегодня утром мне поступило поручение сообщить господину Гирсу наши воззрения относительно мер по защите Суэцкого канала. Я отправился в Петергоф, где поручение было быстро исполнено; министр заявил, что его взгляды полностью совпадают с нашими. Возвращаясь к нашему вчерашнему разговору, Гирс рассказал, что император в письменном виде отдал ему категоричный приказ телеграммой проинструктировать поверенного в делах в Константинополе не участвовать в заседаниях конференции. Министру не оставалось ничего иного, кроме как повиноваться или уйти в отставку. Указание господину Ону было отправлено. «Вы никогда не любили Милютина, — сказал министр, — но в таких ситуациях его помощь была для меня неоценимой». Вскоре после отправки телеграммы в Константинополь появился Шакир-паша и передал циркуляр, в котором Порты заявила о готовности немедленно выдвинуть предназначенные для интервенции войска. Господин Гирс собирался в письменном виде сообщить об этом императору. Я не мог удержаться от замечания, что перед нами картина необычайной путаницы: сначала Порту заставляли принять участие в конференции; она в конце концов это сделала; от нее требовали вмешательства; она собирается выполнить и это; и теперь Россия хочет покинуть если не Концерт, то конференцию, а Англия заявляет, что турецкое вмешательство запоздало! По крайней мере, именно в таком ключе выразился вчера сэр Эдуард

Торнтон³³. Господин Гирс согласился со мной и весьма серьезно заговорил об опасностях ситуации. Он напомнил мне, что с самого начала наблюдал за египетскими делами с особым вниманием и тревогой и сообщал о своих опасениях другим кабинетам. Теперь же мы стоим перед «кавардаком», который на его памяти не имеет равных в истории дипломатии. Кроме того, тревогу внушают донесения из разных восточных городов, в особенности из Дамаска.

После совершенно доверительной беседы с господином Гирсом я остался при своем мнении: изначальная позиция императора Александра, продемонстрированная при известии об обстреле Александрии, испытала влияние третьей стороны: либо непосредственно господина Победоносцева, либо порекомендованной последним статьи аксаковской газеты. Но если монарх уступит подобному влиянию, невозможно предвидеть, чем это закончится. Ведь речь идет не просто о рациональном курсе, противоположном нынешнему официальному. Скорее следует опасаться, что монарх под влиянием расплывчатых фраз об оскорбленной национальной чести будет часто принимать такие необдуманные решения в стиле императора Павла, как сегодняшнее.

29 июля. У господина Гирса; там я нашел господина Нигру, принесшего предложение относительно защиты Суэцкого канала, идентичное нашему. То же самое сделал граф Волькенштейн, так что четыре державы поддерживают нашу идею «сотрудничества морской полиции». Я не стал говорить, что считаю данный проект невыполнимым. Водный путь длиной двадцать миль и шириной менее ста шагов нельзя защитить кораблями; если ему возникает реальная угроза, устранить ее можно только разгромом противника, а не кораблями конвоя, форпостами, патрулями и укреплениями. Кроме того, станут неизбежными трения

³³ Сэр Эдуард Торнтон (1817–1906) — британский посол в России в 1881–1884 годах.

между нашими «полицейскими» органами и вооруженными силами оккупирующих держав.

Господин Гирс рассказал, что передал мои предложения без комментариев императору в письменном виде, был вызван для устного доклада и сообщил Его Величеству все соображения, высказанные мной по поводу запланированного ухода с конференции. Далее министр сказал, что благодаря нашей инициативе совместной «морской полиции» у конференции появилась практическая задача. Император выслушал все благосклонно и сказал с улыбкой: «С вами, дипломатами, ничего не поделаешь». Он согласился отправить господину Ону указание принять участие в следующем заседании конференции. Господин Гирс сказал мне, что Победоносцев не одобряет решения императора о выходе из конференции, напротив, ошарашен этим решением. Я посоветовал ему напомнить монарху о существовании между тремя императорскими дворами определенных договоренностей, которые делают желательным, чтобы ни один из них не предпринимал важных шагов, не известив о том других.

4 августа. 2-го я был у Гирса; он поблагодарил меня за доверительное, но предназначенное для показа письмо, которое я ему отправил днем раньше в Петергоф. Министр получил его прямо перед докладом и смог умело использовать. Император приказал российскому представителю в Константинополе вновь принимать участие во всех заседаниях конференции; надеюсь, на этом инцидент исчерпан. Совместная морская полиция будет творить чудеса до тех пор, пока перед ней не встанет тактическая задача; Турция присоединилась к ней, а Франция, намеревавшаяся послать восемь тысяч солдат на защиту Канала, одумалась, поскольку в кредитах было отказано и правительство Фрейсине³⁴ пало. Англия находится в сложнейшей ситуа-

³⁴ Шарль Фрейсине (1828–1923) — французский политик, левый республиканец, в январе-августе 1882 года являлся

ции; если она сделает еще несколько ошибок в духе Гладстона, то останется одна не только против Ораби-паши, но и против Турции.

8 августа. Вчера вечером император в привычной манере объехал военный лагерь в Красном Селе, затем состоялась торжественная церемония. Порядок, чистота, вид солдат в новых униформах — все было необычайно хорошо. Представление превосходно организовали генерал Розенбах (начальник штаба великого князя Владимира), граф Павел Шувалов³⁵ (командир Гвардейского корпуса) и его начальник штаба граф Игнатьев. О сегодняшнем параде могу сказать то же самое. Во время прохождения войск император все время держал меня подле себя.

12 августа. Сегодня очень мило отпраздновали день рождения Анны, погода прекрасная. Во второй половине дня мы поехали в Пулково, где господин Струве³⁶ показал нам обсерваторию. Вечером мы вместе с детьми плавали на лодке по озеру, а дом и сад были украшены разноцветными фонариками. Политическая ситуация изменилась: Турция уступила английскому давлению, объявила Ораби мятежником, задержала предназначенные для отправки в Египет войска и предоставила Британии действовать. Англичане ведут себя довольно бесцеремонно по отношению к Европе и конференции, говорят корректно в парламенте, но спесиво в прессе и с громкими словами отправляют

премьер-министром и одновременно министром иностранных дел. Был вынужден подать в отставку после бомбардировки английским флотом Александрии, воспринятой во Франции как угроза национальным интересам.

³⁵ Павел Андреевич Шувалов (1830–1908) — российский военный и государственный деятель, в 1881–1885 годах командовал Гвардейским корпусом, в 1885–1894 годах посол в Германии.

³⁶ Отто Васильевич Струве (1819–1905) — российский астроном, директор Пулковской обсерватории в 1862–1889 годах.

корабли, принцев и войска из Англии, Ирландии, Гибралтара, Мальты, Бомбея и Калькутты к Александрии и Суэцу. В первых боях, однако, они продемонстрировали скорее нерешительность и неспособность. Конференция, судя по всему, будет перенесена на время после военной операции.

15 августа. Вчера я отправился в Петергоф, где подробно беседовал с министром; мы констатировали наше полное единодушие. В телеграммах Сабурова и Гатцфельдта в последнее время неоднократно употреблялось выражение «нейтральные державы». Я полагал, что господин Гирс считает, что речь идет лишь о четырех восточных державах, и счел необходимым заявить: на мой взгляд, нейтральными являются все кабинеты, кроме английского и турецкого, то есть в первую очередь Франция. Кроме того, я телеграфировал в Берлин с просьбой более четко определить указанное понятие, что и было немедленно сделано. Когда 14-го я вновь вернулся к данному вопросу, министр ответил, что и он считает Францию нейтральной, и добавил: «С тех пор как я окончательно принял дела, я все больше убеждаюсь, что традиционная задача российской политики — не допускать слишком тесного сближения Англии и Франции». Я поддержал эту идею, заметив, что Крымская война прекрасное тому доказательство.

18 августа. 15-го я по приглашению императора отправился на маневры в Красном Селе вместе с французским и турецким коллегами. Два года назад, когда я в последний раз присутствовал на учениях при жизни покойного императора, за монаршим столом обычно сидели семь гостей: военный министр Милютин, генерал Непокойчицкий, лорд Дафферин, граф Кальноки, генерал Шанзи, Шакир-паша и я. Император был тогда во власти эмоций, и мои коллеги заботились о том, чтобы беседа оставалась оживленной и веселой. От этой застольной компании остались теперь только мы с турком. Завтрак на маневрах стал

выглядеть совершенно иначе: в тенистом месте ставится длинный стол на два-три десятка гостей. Помимо императорской четы, здесь присутствуют королева Греции³⁷, некоторые придворные дамы, великие князья, послы и высокопоставленные иностранные офицеры. Для других господ организованы отдельные столы. Оба сына императора в матросских костюмчиках неустанно скачут вокруг и радуются, если им разрешают подать напиток солдату, прибегающему с донесением.

Вчера завтрак был на довольно крутой Дудергофской горе. Стол поставили под высокими липами рядом с домиком финского пастора. Оба маленьких великих князя расположились рядом на огромном, треснувшем посередине валуне³⁸. Пестрые униформы всех стран, рассеянные в свите императора, прекрасно смотрятся на зеленом фоне. Конные жандармы в голубых и серебряных мундирах, казаки и кавказцы стоят живописными группами. Им придает еще больше разнообразия смешение пегих и белоснежных лошадей, какие сейчас больше всего нравятся императорской чете. Великий князь Николай смог превзойти всех благодаря своей башкирской лошадке, которая выглядит как зебра. Финские женщины поднесли Их Величествам хлеб-соль, потом появились девочки с корзинками яиц для императрицы. Когда с самой отдаленной части поля маневров прискакал казак с донесением, император разрезал хлеб, положил внутрь две бараньи котлеты, наполнил шерри золотой кубок и через юного «атамана» передал все это казаку. Последний сразу узнал в матросском костюмчике царевича, снял шапку, перекрестился, громко воскликнул: «За здоровье Его Величества Государя Императора и Ее Величества императрицы!», одним глотком опустошил

³⁷ Великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926), с 1867 года супруга греческого короля Георга I.

³⁸ Очевидно, имеется в виду гора Кирхгоф и «Громовой камень» Укко-Киви.

кубок и исчез вместе с котлетами. «Как жаль, — сказал монарх, — что нельзя так покормить все двадцать шесть тысячч!»

Сегодня утром был церковный парад Преображенского полка; на богослужении на открытом воздухе присутствовала все императорская семья. Прекрасная погода позволяла надеть лучшие платья, и ряд придворных дам, стоявших под навесом перед алтарем, представлял собой исключительно красивую картину. Императрица выглядит молодо и свежо как никогда, супруга великого князя Константина, как обычно, импозантна, королева Греции достойна своей матери, а рядом с ней стояла, привлекая все взгляды, наследная великая герцогиня Мекленбург-Шверинская³⁹. Когда император с непокрытой головой в сопровождении двух братьев своего отца, четырех своих братьев и десяти-двенадцати кузенов пошел вдоль фронта вслед за священником, окроплявшим крестящихся солдат святой водой, впервые наблюдавшие этот спектакль иностранные офицеры должны были удивляться, почему отряд атлетически сложенных принцев среди двадцати тысяч богобоязненных солдат нуждается в охране нескольких сот полицейских и жандармов на пути из Красного Села в лагерь. Охрана стоит по обеим сторонам дороги, по которой едет император — цепочка казаков, полицейских сержантов и переодетых полицейских. Если возле дороги есть изгородь или возвышение, то и по другую сторону обязательно стоит кто-нибудь. На полях с местами еще не убранном овсом видны крестьяне, и щитки на их груди свидетельствуют, что они играют роль стражи.

19 августа. На сегодняшних маневрах дело наконец дошло до схватки. Барон Дризен организовал прекрасную атаку на расположенную на возвышенности деревню

³⁹ Великая княжна Анастасия Михайловна (1860–1922), с 1879 года супруга наследного принца, будущего великого герцога Фридриха Франца III Мекленбург-Шверинского.

Никуля, и это стало прекрасным завершением дня. Поблизости от этой деревни у меня в 1879 году был примечательный разговор с покойным императором, в результате которого Бисмарк ускорил переговоры с Австрией в Гаштейне и Вене. После окончания маневров Александр III поприветствовал находящиеся поблизости подразделения, собрал вокруг себя генералов и побеседовал лично со многими из них. По мере того как к месту пребывания двора со всех сторон съезжалось все больше офицеров, начались спонтанные и весьма теплые овации. Невозможно отрицать того впечатления, которое произвела на солдат и офицеров императрица своими изящными, продуманными действиями. Император был очень вежлив и любезен со всеми, кто приближался к нему.

23 августа. Я получил неприятное задание сделать еще одну попытку убедить императора Александра оставить посланника в Мюнхене.

3 сентября. 28 августа я отправил господину Гирсу письмо, предназначенное для доклада императору. Я приложил много усилий, чтобы выбрать нужный тон и доказать, что династические вопросы не должны решаться исходя из сиюминутных соображений. **1 сентября** я отправился в Петергоф к Гирсу; он сказал мне много лестных слов по поводу моего письма, которое зачитал императору. Эффект превзошел все мои ожидания: император уступил, пост в Мюнхене сохранен. Этот маленький успех радует меня — князь Бисмарк придает вопросу большое значение⁴⁰. Господин Гирс уже в который раз повторил мне: император считает безошибочным все, что говорит

⁴⁰ Баварские элиты и общество придавали большое значение своей автономии и особым правам в рамках Германской империи, включавшим поддержание сети дипломатических представительств. Ликвидация российского представительства в Мюнхене становилась чувствительным ударом по престижу Баварии, этого удара Бисмарк хотел не допустить исходя из внутривнутриполитических соображений.

и делает наш канцлер. «Император считает его непогрешимым; когда однажды я заявил, что в одном экономическом вопросе канцлер, возможно, ошибся, Его Величество живо ответил мне: нет, это совсем не так, он совершенно прав».

18 сентября в Берлине я отправился в ведомство иностранных дел, которым руководил младший статс-секретарь Буш, поскольку граф Гатцфельдт находился в отпуске. Как уже на протяжении многих лет, впечатление оказалось безрадостным. Вечное отсутствие шефа, постоянная чехарда статс-секретарей после смерти Бюлова в 1879 году, теневое, но могущественное в кадровых вопросах влияние клики молодых господ, перегруз работой одних и отстранение других высокопоставленных чиновников — все это вызывает дискомфорт. Таковы естественные, но зловещие последствия величия и бесцеремонности Бисмарка: чиновники ведомства иностранных дел стремятся в первую очередь спасти себя, защититься от его громов и молний. Было бы глупо и несправедливо утверждать, что внешняя политика империи из-за этих проблем становится неудачной; напротив, нужно признать, что и теперь в египетском вопросе мудрые указания князя образцово выполняются. Талант этого замечательного человека сочетается с удачей — его противники неизменно допускают именно те ошибки, которые нужны ему для выигрыша. По поводу моих личных дел, а именно поста в Константинополе, я не говорил ни с господином Бушем, ни с господином фон Брауэром. Из-за Анны я очень сильно хочу добиться перевода, но уже понимаю, что это дело безнадежное.

Сентябрь, Дессау. В течение всей недели я до и после обеда ездил с герцогом в открытом экипаже по городам и весям, и все приветствовали его радостно и уважительно. Я не заметил ни одного недовольного или враждебного взгляда. Сложно представить себе лучшую долю, чем та, которая выпала в наше время подобным князьям. Он

лишен всяких претензий, которые могли бы стоить ему затрат и унижений, он освобожден от необходимости спорить с ландтагом по поводу доменов, он пользуется княжеским авторитетом и большим богатством, его любит и почитает зажиточное население, прекрасно понимающее, что подданные герцога Ангальтского платят меньше налогов, чем прусские граждане. У кого на всей Земле более счастливая жизнь? Он делает достаточно для того, чтобы улучшить положение тысяч людей, не испытывая искушения никому навредить, в обществе может чувствовать себя равным самым могущественным государям и в то же время достаточно свободным для того, чтобы общаться с любым человеком без политической необходимости и оков этикета. Эти господа могут наслаждаться своими богатствами с большим спокойствием, уверенностью и удовольствием, чем императоры, короли, английские лорды или набобы финансового мира. И при этом их младшим сыновьям не закрыта дорога участия в общественных делах империи; как только они отбросят некоторые предрассудки, до сих пор мешающие им в полной мере наслаждаться счастливой судьбой, они смогут не ограничиваться службой в армии, а проявить себя на высоких позициях в дипломатии или администрации.

Октябрь-ноябрь, Борнмут. Когда долго знаешь британское государство и народ, но на протяжении многих лет имеешь возможность наблюдать их только в дипломатическом общении и судить только на основании литературы, в особенности газет и журналов, очень полезно и в высшей степени интересно вновь лично приехать сюда и убедиться, насколько прочным и здоровым является этот медленно, непрерывно и восхитительно созревающий плод на дереве человечества — в то время как мы часто склонны верить, что он уже серьезно прогнил. Фривольность высших классов, которые после смерти принца-консорта и эгоистического затворничества безутешной вдовы следуют примеру любезного, но развращенного принца

Уэльского⁴¹; материализм науки, которую толкнули на ложный путь Хаксли, Тиндаль, Дарвин и другие крупные ученые; безумный радикализм Гладстона; угроза собственности в Ирландии; все эти и многие подобные явления легко могут пробудить у стороннего наблюдателя мнение, что в Англии под угрозой находятся самые священные основы человечества. Опасность действительно существует, но и противостоящие ей силы мощны и достойны восхищения; речь идет в первую очередь о большом и зажиточном среднем классе, поддержанном правильным инстинктом масс. Французское влияние на молодежь, следствием которого стали безалаберность и щегольство, имеет противовес в почти избыточном культе атлетических игр. С антихристианскими тенденциями активно борются обычаи и традиции, святость воскресенья, даже старый порок сектантства и теологических диспутов. Здесь неизвестен злейший враг Церкви — безразличие к религии. Пьянство, в невероятных масштабах свирепствовавшее как в низших, так и в более высоких кругах общества, встретило достойного противника в лице движения за трезвость. Весьма опасной агитации против крупного землевладения по-прежнему противостоит аристократическое мышление народа и понимание того, что лучше богатые и независимые люди будут искать политической власти, чем бедные честолюбцы постараются использовать власть для приобретения богатства.

21 ноября, Берлин. Мы приехали **18-го** вечером. Утром **19-го** я отправился в министерство. Вечером прибыл господин Гирс, и я навестил его около девяти часов вечера. Он был очень доволен приемом, который встретил в Варшине; в ходе восьмичасовой беседы с князем удалось обсудить все политические вопросы; канцлер снова и снова возвращался к теме русско-австрийских отношений.

⁴¹ Будущий король Эдуард VII, правивший Великобританией в 1901–1910 годах.

Гирс признал корректность венского правительства, но не стал скрывать, что реальные и еще в большей мере идеалистические, национальные и религиозные интересы России находятся под угрозой из-за польского господства в Цислейтании⁴² и венгерской враждебности к славянам. По поводу египетского вопроса оба государственных мужа сошлись во мнении, что нужно пока выждать результата англо-французских переговоров. Говорилось и о том, что отношения России с Австрией и Германией никак не мешают ни ей, ни этим двум державам действовать в Средиземноморье в соответствии с собственными интересами.

20-го в полдень меня принял император; он выглядел здоровее и бодрее, чем в прошлом году. Его Величество вновь удивил меня феноменальной памятью; разговор зашел о русских полковых праздниках, и я извинился за то, что в майской депеше назвал Измайловский полк Семеновским. «Да, — откликнулся император, — праздник Семеновского полка 3 декабря; я участвовал в нем в 1813 году во Франкфурте-на-Майне; император Александр I принимал парад, во время которого солдаты впервые носили медаль за кампанию 1812 года на синей ленте поверх свернутых шинелей; лошадь генерала Нацмера понесла и сбросила его в снег. Праздник Измайловского полка мы отмечали в конце мая, во время перемирия; император Александр жил в Петервице — прекрасном замке Штольберга, — а мой отец в Нойдорфе, который сейчас принадлежит Вильгельму Перпоншеру. За обедом отец рассказывал императору, что гофмаршал принца Вильгельма граф Гребен отправился добровольцем — но не как офицер, а как вахмистр. Император обратился к сидевшему напротив гофмаршалу

⁴² Цислейтанией называлась австрийская половина империи Габсбургов, значительную часть которой составляли земли бывшей Речи Посполитой; польские элиты играли большую роль в политической жизни Австрии.

Толстому с вопросом: «Вы слышали, что сказал мне король? Гофмаршал его сына записался не офицером, но квартирмейстером. Не хотите ли Вы сделать то же самое?» Толстой, не задумываясь, ответил: «Сир, у Вас бы стало одним плохим квартирмейстером больше и одним хорошим гофмаршалом меньше».

Господина Гирса приняли в час дня; он пришел чуть раньше, и я несколько минут поговорил с ним в адъютантской. На пять часов нас пригласили на обед; император распорядился, чтобы я сидел рядом с Гирсом. После трапезы мне пришлось сразу же отправиться на вокзал, где меня ждал кронпринц, чтобы отправиться со мной в Потсдам. На станции «Дикий парк» мы встретили принца Вильгельма⁴³ с супругой и наследного принца Мейнингенского. Сразу же после этого прибыл скорый поезд, на котором кронпринцесса возвращалась из Англии.

21-го я в час дня отправился в Новый дворец на празднование дня рождения кронпринцессы; кроме меня и ее придворных, других приглашенных не было. Я много общался с принцем Вильгельмом о военных вопросах; он говорил со знанием дела и живым интересом к службе.

23 ноября, Берлин. Я завершил множество дел и нанес самые необходимый визиты. Господина Гирса мне не удалось застать дома; вечером он уезжает. В целом ему уделили немного внимания — частью из-за его скромности, частью потому, что не считают его настоящим выразителем могущества и воли России. А на деле этот бравый муж сочетает массу моральной смелости с политической дальновидностью. Но поскольку он не делает себе рекламы в прессе и низко кланяется каждому, кто к нему приближается, в обществе его недооценивают. Недавно он рассказывал, что во время пребывания в адъютантской комнате императора зашла речь о его шведском происхождении — говорились о том, что словом «Гирс» там называ-

⁴³ Будущего императора Вильгельма II.

ется рыба, которую на немецком зовут «Каульбарс»⁴⁴, и потому его родственники в балтийских провинциях носят именно такую фамилию. На его и на их гербах присутствует ёрш, плывущий против течения, как эта рыба обычно и делает; этот образ очень соответствует деловым привычкам министра.

25 ноября, Варцин. После девяти часов в поезде и часовой поездки по лесным дорогам, испорченным талым снегом, я прибыл сюда немного усталым. Князь здоров, однако из-за седой бороды выглядит немного старше. При нем только княгиня, граф Герберт и тайный советник Роттенбург. Семья князя составила мне компанию за трапезой, мы сидели до девяти, потом поспали до половины одиннадцатого и вновь встретились за чаем. Князь пил только молоко и минеральную воду из Виши и в полночь ушел в спальню. Сегодня за завтраком, как обычно, граф Герберт доложил несколько серьезных вопросов, и князь продиктовал свои вердикты. Речь шла о египетской проблеме, при решении которой он не хочет ни давать советов, ни вмешиваться в действия непосредственно заинтересованных держав. Затем мы пошли гулять в лес; канцлер сразу завел разговор о неудаче запланированной в прошлом году комбинации. Император настоял на том, чтобы Радовиц был назначен послом, раз ему было обещано; послать его в Петербург было нельзя из-за его супруги⁴⁵; Его Величество никогда не согласится назначить на мое место Койделла, который кажется ему недостаточно изысканным. Затем князь весьма интересно рассказал о разных дипломатических постах. Лондонский, римский и парижский не слишком значимы, потому что в этих парламентских, более или менее республиканских державах требуется только

⁴⁴ Kaulbarsch — ёрш.

⁴⁵ Супругой Радовица была Надежда Ивановна Озерова (1839–1912), дочь российского дипломата Ивана Петровича Озерова.

наблюдать и докладывать. Возможности влиять нет, ввиду господства толпы — это столь же безнадежно, как пытаться командовать климатом. Можно сказать, что завтра по всей вероятности будет непогода, но изменить это нельзя. Личность посла имеет большое значение лишь там, где он может воздействовать на правителя или министра, имеющего реальную власть: в Вене, Петербурге или Константинополе. Обед и ужин, как обычно, прошли в самой приятной атмосфере.

4 декабря, Санкт-Петербург. Вечером **30-го** мы прибыли сюда в добром здравии. На следующий день я посетил товарища министра иностранных дел господина Влангали. Вечером после ужина прибыла графиня Клейнмихель с сестрой; она подтвердила слова графа Редерна о том, что здесь ничего не делается «сверху», а движение «снизу» слабо и лишено плана. Вчера приходил граф Петр Шувалов и сказал среди прочего, что кабинет министров лишен всякого единства и руководства; граф Толстой не более чем хороший и благонамеренный начальник департамента, он не умеет объединять и руководить; министры работают без указаний сверху и связи друг с другом; правительство состоит из консервативного чиновника Толстого, фанатика Победоносцева, нескольких радикалов и нескольких идиотов. Мне вспомнилась жестокая шутка, которую год назад произнес в яхт-клубе господин Зубков: Александр III увольняет министра, как только находит на его место еще более бездарного; пока у него не получилось сделать это только с Посьетом⁴⁶ и Набоковым⁴⁷. Сегодня меня навестил генерал Трепов; он очень доволен работой Толстого и хвалит его именно за то, за что ругает граф Шувалов:

⁴⁶ Константин Николаевич Посьет (1819–1899) — адмирал, министр путей сообщения в 1874–1888 годах.

⁴⁷ Дмитрий Николаевич Набоков (1827–1904) — российский государственный деятель, министр юстиции в 1878–1885 годах. Дед писателя В. В. Набокова.

Толстой не хочет быть никем большим, чем министр внутренних дел, и считает своей высшей и единственной задачей восстановление порядка и спокойствия.

11 декабря. Поговорив с множеством государственных мужей, дам и банкиров, я отправил донесение в Берлин. Этот документ я переработал три или четыре раза, удалил все рискованные заявления и пикантные подробности и постарался сделать его максимально беспристрастным. Передо мной стояла задача более трудная, чем когда-либо: поскольку внешне ничего не происходит и сохраняется спокойствие, я не знаю, как доказать мою убежденность в том, что дальше так продолжаться не может.

Граф Волькенштейн недавно зашел ко мне и рассказал: во время долгого отпуска на родине он не раз слышал мнение, что слишком далеко зашел в стремлении развивать хорошие отношения с Россией. Поскольку я всегда придерживался противоположной точки зрения, это меня немало удивило. Мой коллега предполагает, что его донесения, в том числе секретные, стали известны графу Тааффе⁴⁸, а возможно, и господам Дунаевскому и Земляковскому. Очевидно, что последним они не понравились, но у меня вызвали недоумение сказанные строго по секрету слова графа Волькенштейна: император Франц Иосиф тоже считает, что он зашел слишком далеко. Получается, появившееся в конце лета в газетах сообщение о том, что посол не вернется в Петербург, не было абсолютно беспочвенным — хватало желающих дискредитировать его или заставить изменить образ действий. Последнее вряд ли удастся: я считаю его человеком с твердыми убеждениями. В любом случае, полезно знать, что австро-венгерский посол при российском дворе вынужден в своих докладах быть осторожным, чтобы не задеть чувствительность поляков.

⁴⁸ Эдуард граф Тааффе (1833–1895) — австро-венгерский государственный деятель, в 1879–1893 годах глава правительства Цислейтании.

14 декабря. Сегодня я весь день преследовал стаю волков; но окружить ее так не удалось. Поскольку компанию мне составляли братья Петр и Павел Шуваловы, скучать не пришлось. Около полудня мы позавтракали в уютной избе, выпили довольно много шампанского и начали говорить о политике. Граф Павел рассказал, что в 1869 году навещал генерала Флери до того, как тот стал послом в Петербурге, и обедал в Сен-Клу у его тестя и тещи, господина и госпожи Сен-Поль. О войне против Пруссии говорилось как о чем-то само собой разумеющемся; Шувалова спросили, что он думает об исходе подобного столкновения. «Вас победят», — стало ответом, и мадам Сен-Поль возмущенно покинула комнату. Действительно, во время войны братья Шуваловы принадлежали к числу тех немногих русских, которые симпатизировали нам, и я был поражен, когда граф Петр сегодня заявил мне, что победа Франции была бы выгоднее России. «Как Вы можете говорить подобное, — ответил я, — зная, что вам тут же пришлось бы иметь дело с поляками; если бы Россия осталась в Европе один на один с Францией, все пошло бы по той же самой дороге, которая вела от Тильзита через Эрфурт к Москве». Граф остался при своем мнении, что из-за нас пострадал престиж России. «Не из-за нас, — возразил я, — а из-за вас самих». — «Совершенно справедливо», — откликнулся он, а затем весьма лестным образом добавил: «Наше влияние и перспективы московской — не моей — политики уменьшились с тех пор, как Вы, будучи послом в Вене, установили добрые отношения между Австрией и Пруссией; Вы исполняли свой долг, но с ущербом для нас». Если уж граф Шувалов говорит о том, что прогерманская политика Александра II вредила России, то можно представить себе, насколько единодушно в данном отношении общественное мнение. И все же, по-моему, не может быть никаких сомнений в том, что полная победа французов в 1870 году поставила бы монархию Романовых и московитскую идеологию Каткова и Аксакова в неприятное положение.

16 декабря. Вчера был большой прощальный ужин в честь господина Нигры, который, к сожалению, расстаётся с нами, чтобы отправиться в Лондон. Непосредственно перед трапезой граф Валуев прислал мне статью из «Московской газеты», в которой господин Катков самым решительным образом поддерживает политику Гирса, выступает за разумный компромисс с Германией и возлагает на князя Горчакова вину за все «недопонимания», возникшие на Берлинском конгрессе. Заявления Каткова мне очень кстати, и я отправил свой анализ статьи в Берлин, чтобы по возможности затормозить начинающуюся кампанию в прессе, использующую строительство русских крепостей и железных дорог, чтобы добиться от германского парламента аналогичных расходов.

1883 ГОД

6 января. К счастью, моя политическая деятельность нулевая. В Европе бушевал газетный шторм продолжительностью две или три недели. Он зародился в Лейпциге («Гренцботен»), продолжился и усилился в Кёльне и Берлине, породив эхо в Пеште и Вене. Моя телеграмма, о которой я писал 16 декабря, пришла в Берлин как раз вовремя для того, чтобы «Северогерманская» приняла желательное для меня направление — и результатом направленной против России газетной кампании стали прояснившиеся и улучшившиеся отношения между Берлином и Москвой¹. Прекрасные официальные отношения двух кабинетов совершенно не были затронуты и остались настолько позитивными, насколько это вообще возможно. К сожалению, это значит не так много, поскольку даже если бы мы могли по-настоящему доверять нынешнему правительству, невозможно упускать из виду наличие непредсказуемых течений в русском обществе.

У нас весьма суровая зима и прекрасные катки; я несколько раз ездил на охоту, но без особого успеха. **27 декабря** мы устроили большой прием в честь французского посла Жореса. Русские считают, что маленький адмирал недостаточно элегантен; они вообще недовольны Францией, которая слишком прохладно относится к авансам рус-

¹ Так в оригинале; очевидно, в данном случае имеются отношения между германской и российской общественностью.

ской прессы. Последняя продемонстрировала столь масштабный траур в связи со смертью Гамбетты в новогоднюю ночь, что становится ясно, какие большие надежды все еще связывались с этой фигурой.

11 января. Пятого у нас была елка, детям очень понравилось. Присутствовали Вердер, граф Редерн, принц Ратибор, подполковник Лигниц, барон Гертнер и фельдъегерь Фрейтаг. Когда вечером **6-го**, в первый праздничный день, я сидел с Анной, пришли две телеграммы. Первая — от князя Бисмарка — сообщала, что кронпринц желает моего присутствия на его серебряной свадьбе, в связи с чем я могу получить отпуск. Вторая была ответом императора на мои новогодние пожелания и гласила: «Сердечная благодарность за Ваши поздравления с Новым годом; Вы кратко говорите о нашем долгом знакомстве и моем влиянии на Ваш жизненный путь, за которое благодарите меня; на самом же деле Вы всем обязаны лишь себе самому. Тысячу приветов Вашей супруге».

17 января. В русский Новый год большой прием в Зимнем дворце. Бросалось в глаза стремление русских быть любезными с представителями «стареющей Европы и ее загнивающей культуры». Их Величества накануне вечером перебрались из Гатчины в Аничков дворец, который в последний раз покинули 8 апреля 1881 года. Грозящие им опасности с тех пор не уменьшились, лишь настроение стало более спокойным. **14-го** я нанес визит обергофмейстерше, которая сказала, что очень хотела бы выслушать мое мнение о том, могут ли Их Величества оставаться сейчас в столице без большого риска для себя. Я с трудом удержался от того, чтобы не рассмеяться над столь наивным вопросом этой умной женщины по такой серьезной проблеме. «Княгиня, — ответил я, — всем монархам сейчас грозит опасность, нашему не меньше, чем остальным; кардинальное различие состоит в том, что убийца, крадущийся по Унтер-ден-Линден, уверен в том, что его будут проклинать миллионы, а затаившийся в засаде на Невском

перспекте знает о безразличии многих. Это связывает руки первому и подкрепляет второго. Если ваш император хочет уменьшить грозящую ему опасность, он должен сделать что-нибудь такое, что уменьшит недовольство — это вполне в его власти». В своих докладах я говорю о том же. Царь имеет совершенно правильное убеждение, что централизованной православной России подходит лишь самодержавное правление, и отвечает реформаторам словами иезуитского генерала, заявившего папе Ганганелли: «*Situ t est, aut non sit!*»² Он прав, но правы и те, кто в конечном счете приходит к выводу, что лучше поставить под угрозу целостность России, чем наблюдать ее целостную гибель.

31 января. Утром **22-го** по прибытии в «Кайзерхоф» директор сообщил мне о смерти принца Карла³. Вечером у меня состоялась почти двухчасовая беседа с принцем и принцессой, праздник которых теперь омрачен. Они по праву ожидали многого от этого торжества, которое дало бы возможность засвидетельствовать свои чувства не только старым лояльным подданным, но и тем, кто хотел бы использовать наследника престола в своих прогрессистских проектах. Когда Их Высочества сказали, что принц с момента свадьбы доставлял им одни неприятности, я не мог возражать. В то же время я не мог не сказать, что покойный наряду с ошибками и недостатками демонстрировал некоторые высокие и прекрасные черты. Он был королевским принцем в полном смысле слова, он действительно верил в ценность этого ранга — а лишь принцы, обладающие такой верой, могут ожидать ее от масс.

24-го состоялись торжественные похороны в соборе. **25-го**, в день юбилея, мы в десять часов утра отправились поздравлять Их Высочеств; кронпринц и супруга выгля-

² «Пусть будет как есть или не будет никак» (*лат.*)

³ Принц Карл Прусский (1801–1883) — младший брат императора Вильгельма I.

дели прекрасными и счастливыми. Вечером был прием во дворце кронпринца; императорская семья трапезничала у короля, а затем принц и принцесса пришли к нам, и я смог попрощаться с ними. Прямо из дворца кронпринца я отправился к императрице. Несколько минут ожидания в тускло освещенном салоне, примыкавшем к угловой комнате, и я увидел ее на кресле-каталке. Она была одета в белое, расшитое серебром платье и выглядела не как сломленная и терзаемая болью женщина, а как настоящая императрица. Я не мог удержаться от того, чтобы выразить свое радостное удивление. «Ах, — возразила она, — это все потому, что на мне это прекрасное платье; я хорошо знаю, как я выгляжу; у меня больше нет никаких желаний, кроме одного — остаться полезной императору». Ее Величество долго и очень ясно говорила о положении дел в России, о котором была хорошо осведомлена. Она рассказала мне, какие советы дала княгине Кочубей⁴, а я смог сообщить ей, что та успешно действует в соответствии с ними.

26-го я попрощался с императором, который долго беседовал со мной и с полным знанием дела рассуждал о наших отношениях с Россией. Я мог сказать только одно: за шесть недель, прошедших с момента моего возвращения из отпуска, в общественном мнении Петербурга и еще более Москвы произошла благоприятная перемена в отношении Германии. Не переоценивая внезапное обращение Каткова, следует радостно приветствовать его. Необходимые и требующие времени меры предосторожности против России не следует откладывать, однако нужно избегать любого лишнего шума вокруг них в прессе и парламенте. Император был заметно взволнован, отпуская меня; смерть брата наполнила его серьезными размышлениями. В пять часов я отправился на обед к канцлеру; последний выглядел

⁴ Елена Павловна Кочубей, в девичестве Бибикова (1812–1888), — влиятельная придворная дама, обер-гофмейстерша императрицы Марии Федоровны.

больным и сильно изменился с момента моего визита в Варцин, однако был весел и много говорил со своими гостями: генералом Асташевым, графом Мюнстером, графом Бер-Негенданком. Касательно нашей политики я повторил князю то же самое, что и императору; он согласился со мной и на прощание произнес, как и в Варцине, что ему совершенно нечего сказать мне. Это лучшая похвала, какой от него можно ждать.

4 февраля. Долгая беседа с господином Победоносцевым, которая началась с деловых вопросов и закончилась философской дискуссией. Он видит повсюду творения дьявола — телеграф, телефон, железные дороги — и способен, подобно Пию IX, опубликовать «Силлабус»⁵.

7 февраля. Опубликован манифест, назначивший коронацию на май.

8 февраля. Граф Волькенштейн был у меня. По его словам, ни император, ни кто бы то ни было еще не сказал ему ни слова о дружественном приеме, оказанном господину Гирсу в Вене. Посол не скрывает, что, по его мнению, там по этому поводу было слишком много шума.

12 февраля. У графини Пален. Примечательно, что когда я заговорил о мирных и дружественных отношениях наших стран, графиня вставила: немцев ненавидят больше, чем когда-либо. Вечером нас навестила графиня Клейнмихель. По ее словам, высокопоставленный сотрудник полиции недавно заявил: «Число нигилистов растет, но их связи слабеют, их организация разрушается; им теперь сложнее готовить Рысаковых⁶; нужны время, деньги или

⁵ «Список заблуждений» — приложение к папской энциклике 1864 года, изданной Пием IX. В нем осуждались современные светские учение, концепции и направления мысли. «Список» стал в тогдашней Европе символом реакционности католической церкви.

⁶ Николай Иванович Рысаков (1861–1881) — народоволец, один из двух непосредственных исполнителей убийства Александра II.

систематическое влияние значительных личностей, чтобы выдрессировать молодого человека таким образом, что он возьмет с собой бомбу и бросит ее, зная, что либо погибнет при взрыве, либо будет повешен».

13 февраля. Граф Волькенштейн среди прочего сказал мне: «Из заслуживающих доверия источников я слышал, что в высочайших инстанциях положительно восприняли следующие мысли: нельзя теперь мешать австрийцам, следует скорее поощрять их двигаться дальше по пути прославянской политики в Цислейтании; в конечном счете конфликт между немцами и чехами не заставит себя ждать, и в войне с Россией Австрия останется без германской помощи». Вечером я написал доклад, в котором порекомендовал отправить на коронацию прусского принца и подробно обосновал свою точку зрения.

14 февраля. Гирс рассказал мне, что у великого князя Николая была долгая беседа в Берлине с князем Бисмарком, заявившим, что предлагал России союз перед войной, однако князь Горчаков ответил отказом. Император Александр весьма взволнован этим откровением и требует от господина Гирса отыскать в актах министерства информацию об этом предложении. Я в ответ рассказал о событиях, которых касаются слова князя Бисмарка⁷. Затем у нас была еще одна доверительная беседа по поводу самовольно сделанного Сабуровым в Берлине предложения относительно продления известного строго секретного соглашения.

26 февраля. 22-го я получил телеграмму, показавшую мне, что у нас совершенно неверно воспринимают вопрос представительства на коронации в Москве. **23-го** состоялся великолепный бал в Концертном зале Зимнего дворца. Особую привлекательность торжествам этой зимы придает появление императрицы, которая покоряет все сердца

⁷ См. *Швейниц Л. фон.* При дворе Александра II. Мемуары германского посла. СПб., 2022.

и вдохновляет общество своим юным весельем. В самом начале бала у меня состоялась беседа с господином Гирсом — кажется, он опасается, что разногласия между Мюнстером и Моренгеймом⁸ будут иметь негативные последствия. **24-го** вернулся мой фельдъегерь и привез с собой инструкцию по поводу предстоящей коронации, пропитанную плохим настроением и содержащую в себе столь невозможные высказывания, что я решил никак не отвечать⁹. Вердер, которому я показал документ, очень возмутился и требовал, чтобы я в ответном письме указал на заблуждения. **26-го** прибыл новый атташе граф Люксбург и привез мне частное письмо от князя Бисмарка, в котором последний признает справедливость моих аргументов и частично соглашается со мной. Это послание доставило мне много радости.

1 марта. Я написал князю Бисмарку частное письмо со словами благодарности, а в официальном докладе высказал пожелание, чтобы наш император дал торжественный

⁸ Речь идет о конференции в Лондоне по вопросам Дуная, завершившейся подписанием 10 марта 1883 года Лондонского трактата, утвердившего полномочия Европейской Дунайской комиссии и разграничившего права прибрежных государств. На конференции возникли трения между германским делегатом графом Мюнстером и российским А. П. Моренгеймом. Артур Павлович Моренгейм (1824–1906) являлся в 1867–1882 годах российским послом в Дании, в 1882–1884 годах — в Великобритании, в 1884–1897 годах — во Франции. Стронник сближения России с Францией.

⁹ В инструкции от 21 февраля утверждалось, в частности, что «улучшение наших отношений с Россией есть результат не нашей любезности, а скорее нашей твердости»; чем дальше идешь навстречу русским, тем наглее они себя ведут. Канцлер не видит особого смысла в отправке представителя династии Гогенцоллернов; он не будет возражать против отправки кронпринца или принца Вильгельма, однако не считает разумным подвергать их жизнь опасности ввиду возможных террористических актов во время коронации.

обед в честь дня рождения царя. Я писал: «С момента поездки в Данциг, предпринятой Александром III по настоянию господина Гирса, последний успешно побуждал царя придерживаться традиционных форм общения с нашей династией. Если эта линия теперь не встретит взаимности, из этого извлекут пользу люди, стремящиеся направить царя в ином направлении. Разумеется, формы, которым некогда было присуще большое политическое значение, уже безвозвратно лишились своего духа; но если мы станем ими пренебрегать, то тем самым нанесем ущерб министру, которого должны всеми силами поддерживать».

5 марта. Телеграммы из Берлина сообщают, что мои предложения одобрены; на коронацию с родственными поздравлениями отправят принца Альбрехта¹⁰, я же буду коронационным послом. Вечером был бал у адмирала Жореса. Я поговорил с господином Гирсом, объяснил ему, почему в прошлом году наш двор не праздновал день рождения его императора, и добавил, что в этот раз торжество состоится — но не 10-го, поскольку на эту дату приходится день рождения покойной королевы Луизы, а 11-го.

9 марта я снова был у господина Гирса, у нас состоялась долгая доверительная беседа. Он рассказал мне, что получил письма от посла в Берлине, который вновь предлагает продлить соглашение от 18 июня 1881 года. По словам Сабурова, предпринятый им зондаж принес хорошие результаты; посол считает разумным согласовать более длительный срок и более широкий набор вариантов развития ситуации. Однако обсуждать последние господин Гирс не хочет: за рубежом эти варианты могут принять за тайные желания России, что вызовет недовольство и, возможно, ускорит тот разрыв, который он старается предотвратить. Но дело не только в иностранных державах — в беседах со своим монархом министр также хочет

¹⁰ Принц Альбрехт Прусский (1837–1906) — племянник германского императора Вильгельма I.

избежать обсуждения возможных вариантов, что весьма мудро с его стороны. Не стоит позволять господину Сабурову развивать в Берлине мысли относительно раздела Турции; господин Нелидов¹¹ не захочет остаться в стороне. Далее господин Гирс сказал: «Вы знаете, что в обмен на аннексию Боснии и Герцеговины было получено согласие на объединение Болгарии и Восточной Румелии; если Австрия сейчас объявит об аннексии, я лучше заявлю формальный протест, чем совершу упомянутое действие, которое легко может завести нас дальше, чем желательно в настоящий момент, когда у нас так много дел в своем собственном доме».

13 марта я отправился к Валугеву, чтобы узнать подробности самоубийства бывшего министра внутренних дел Макова. Директор почт Персильев несколько дней назад признался графу Толстому в том, что растратил 48 тысяч рублей; министр доложил императору, потребовавшему действовать по закону. Услышав об этом, Маков застрелился; Персильев служил в его министерстве директором канцелярии. Император всерьез стремится к тому, чтобы органы его правительства были чисты, честны и уважаемы, и для монарха весьма неприятно это событие, вновь демонстрирующее, насколько испорченной и лишенной порядка является система управления. Когда я высказал эту мысль, граф возразил: «Это неприятно императору, но можно утешить его тем, что в коммунальных администрациях коррупция еще хуже, чем в государственных». Плохое утешение!

19 марта. Вечером я отправился к графине Клейнмихель, где пели цыгане и где я встретил множество знакомых: Адлербергов, Валугевых, госпожу Нелидову, Абазу. За исключением графа Волькенштейна и меня, не было ни одного иностранного дипломата. После ужина курили не

¹¹ Александр Иванович Нелидов (1835–1910) — российский дипломат, в 1882–1897 годах посол в Константинополе.

только господа, но и дамы. Общество сидело на бархатных диванах и креслах вокруг грязных и шумных цыган. Мне все происходящее напомнило картину Кутюра «Римляне времен упадка», только здесь величие не предшествовало падению. «И хочется им того же», — говорил Сенека, обращаясь к Юпитеру¹², и я думал так же, разглядывая отживших свое мужей и малокровных жен.

20 марта. Несколько дней назад у меня был доверительный разговор с господином Гирсом. Министр пожаловался на неприятные новости из Софии — ссору между епископом Милетусом и Синодом. Последний отправил интеллигентного и проверенного тяжкими испытаниями священника в монастырь. Три болгарских министра подали в отставку из-за того, что министр внутренних дел Соболев принял сторону епископа. Князь Лобанов¹³ из Вены телеграфирует, что граф Кальноки обеспокоен и считает власть князя Александра под угрозой. «Совсем напротив, — заявил министр, — князь слишком властен; мне приходится порой его сдерживать. Он рассчитывает на то, что император симпатизирует ему, и телеграфирует Его Величеству напрямую, когда собирается что-нибудь сделать. Братья императора хорошо к нему относятся и выступают в роли его защитников; порой я полушутя прошу их не баловать князя, иначе он может доставить нам неприятности».

Касательно Сербии господин Гирс заявил, что король Милан, поссорившись с епископом Михаилом, не слишком

¹² Цитата из «Писем к Луцилию» Сенеки. В полном варианте фраза звучит так: «Многим не хватает только благосклонности судьбы, чтобы сравняться и жестокостью, и честолубием, и жадной роскоши с самыми худшими. Дай им силы на все, чего они хотят, и ты узнаешь, что хочется им того же».

¹³ Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896) — российский дипломат, в 1878–1879 годах посол в Константинополе, в 1879–1882 годах — в Лондоне, в 1882–1895 годах — в Вене.

умно повел себя с церковью и восстановил против себя духовенство. Король в принципе ведет себя как рыцарь-разбойник, постоянно нуждается в деньгах и участвует в сомнительных финансовых операциях, является «румыном» в полном смысле слова. Однако в Сербии невозможен никто, кроме Обреновичей — Карагеоргиевичи еще хуже. Пользу из этой ситуации извлекают радикалы, они делают вид, что симпатизируют России и что Россия их поддерживает. Я ответил, что внешне их заявления выглядят похожими на правду. Министр признал, что некоторые русские ведут агитацию в Сербии, но это такие люди, которых он бы сам с удовольствием повесил. Он точно знает, что господин Катков и славянофильская организация не финансируют их. Я напомнил господину Гирсу слова, которые — как он прекрасно знает — много раз говорил покойному императору: западноевропейская латинская революционная партия постарается проникнуть на Балканы и в дунайские земли, чтобы анархистской пропагандой среди южных славян и румын создать угрозу восточным империям. Я сказал, что нужно радоваться, если молодой и энергичный правитель — такой, как Александр Болгарский — прочно утверждает свою власть. Господин Гирс согласился и заверил, что симпатизирует князю, который, однако, действует не всегда умно и стал несколько высокомерным, поскольку рассчитывает на дружбу императора и императорской семьи.

22 марта. День рождения нашего любимого императора отметили здесь как обычно, возможно, даже с возросшей теплотой. Последние из старых друзей — носителей традиции братства по оружию или эпохи Николая и Александры Федоровны — недавно один за другим отошли в иной мир: Мейендорф, Ливен, Суворов, Приттвиц, Врангель и другие. Граф Адлерберг и лейб-медик Карель почти единственные оставшиеся в живых из этой категории. Но и более молодые постепенно привыкают к тому, что празднование дня рождения германского императора является

чем-то постоянным; они надевают орденские ленты и едут в германское посольство. И пусть тост Его Величества на праздничном обеде был короче, чем в прошлом году, но он не стал от этого менее теплым. Похоже, император Александр убежден, что его отношение к нашему повелителю выше любых сомнений, и ему необязательно доказывать свои чувства длинной речью.

27 марта. Ранним утром мы вместе с Петром Шуваловым отправились на тройке в Вартемяги. Я никогда не видел такой массы снега, даже высоко в горах. Когда мы проезжали мимо шуваловского поместья, он сказал: «Как счастлив был я здесь в молодости! Со всех сторон передо мной открывались великолепные перспективы! В моей жизни были прекрасные мгновения, и я не жалею; это даже необходимо, что приходится склониться до того, как сойдешь в могилу. У Вас все наоборот: Вам пришлось преодолеть много сложностей, Вы ели черный хлеб прежде белого, однако затем Вы всегда двигались вверх как в карьере, так и в частной жизни. Семейное счастье, которым другие наслаждаются на двадцать лет раньше, есть теперь и у вас». Я возразил графу, что его карьера еще не завершена, но он ответил: «Я не могу представить себе удовлетворяющую меня сферу деятельности ни во внешней, ни во внутренней политике».

18 апреля. У меня состоялась беседа с господином Зиновьевым¹⁴ — новым директором азиатского департамента — касательно прикаспийских земель, которые привлекают все больше внимания в результате продвижения русских по туркменской степи. Я написал отчет об этом сюжете, где изложил лишь малую часть того, что

¹⁴ Иван Алексеевич Зиновьев (1835–1917) — российский дипломат, имел большой опыт работы на Балканах, в Персии и Средней Азии. В 1883–1891 годах возглавлял Азиатский департамент министерства иностранных дел. Активно участвовал в событиях Болгарского кризиса 1885–1887 годов.

позднее хочу обосновать подробно. Я считаю, что Кавказ предоставляет благоприятные возможности для деловой активности и эмиграции моих земляков. С господином Гирсом у меня состоялись долгие разговоры по поводу коронации и нескольких вопросов, касающихся немцев в России.

11 мая. В лесу у Наума. Еще зимой министр иностранных дел намекал мне, что в дни коронации желательно организовать бал в германском посольстве. Поскольку он возвращался к этой теме снова и снова, я не мог притвориться глухим и 11 апреля написал в Берлин, что не имею возможности следовать опасениям, связанным с тяжелой ответственностью за безопасность императора, а вынужден просить разрешения дать бал. Разрешение было дано; приглашение Их Величествам отправлено и принято. Приглашение французского представителя на коронации господина Ваддингтона¹⁵ было с благодарностью отклонено.

Нельзя отрицать, что господин Гирс смог с искусством и упорством добиться своего. Он сорвал попытки французской миссии польстить русскому двору — и весьма правильно, поскольку следствием стали бы безграничные преувеличения значимости такого события в прессе и обществе. Император поддержал господина Гирса; еще до того, как стал известен мой ответ, он отклонил приглашение господина Нигры, переданное в обход министра через генерала Рихтера, коменданта главной императорской квартиры.

За два года, прошедшие после ошеломляющего события 13 марта, я стремился лишить переход к новому правлению всего резкого, угрожающего и недружелюбного, чего ожидало общественное мнение. Я был убежден, что былого не вернуть и те гарантии, которые нам давал образ мыс-

¹⁵ Уильям Ваддингтон (1826–1894) — французский политик и дипломат, в 1883–1893 годах посол в Лондоне.

лей покойного императора, следует заменить совершенно иными средствами. Тем не менее, я считал необходимым прилагать все усилия для смягчения противоречий, которые Игнатьевы, Аксаковы, Скобелевы, Обручевы — короче говоря, славянофильская партия — стремились создать в отношениях молодого царя с обеими центральноевропейскими державами. В период между вступлением на трон и коронацией Александра III мне кое-что удалось в этом направлении. В полном согласии с министром Гирсом я постарался «обеспечить характер нового царствования» (как он выразился однажды) в духе сохранения традиционной дружбы с древними соседними династиями. Не нужно доказывать, что предстоящая коронация будет иметь в этом смысле большое значение. Именно поэтому я считал своим долгом добиваться приезда прусского принца и эрцгерцога; однако в вопросе организации бала господин Гирс зашел дальше меня.

15 мая. Вместе с Вердером я отправился в Сергиевский, где на монастырском кладбище предали земле тело князя Горчакова. Император присутствовал, но в целом скорбящих было мало — довольно печальное завершение блестящей карьеры.

16 мая. Празднество в Москве приобретает размах, равный которому следует искать во времена римских и византийских императоров. В прошлом современных государств не найдется ничего подобного, надеюсь, что и в будущем тоже. Императорские празднества вроде того, которое Фридрих Барбаросса устроил в долине Рейна, можно назвать блистательными в рыцарские времена, но они чудовищны в эпоху железных дорог и нигилистов. Российское правительство хочет активного участия иностранных держав, чтобы лишить славянофильских шовинистов возможности заявить, что блеск царской короны потускнел. Теперь это же правительство считает, что хорошего получилось едва ли не слишком много. Господин Гирс активно желал приезда прусского и австрийского

принцев. Теперь же, когда ожидается приезд более трехсот иностранцев и более шестидесяти князей, он говорит мне, что чувствует себя подобно погонщику мулов у Сервантеса, который перед тем, как усестись верхом, призвал на помощь сначала Марию и Иосифа, потом всех остальных святых; взявшись за дело слишком энергично, он не удержался в седле и свалился с другой стороны, закричав: «Добрые святые, ну не все же сразу!»

17 мая. Необходимость потратить огромную сумму — возможно, двести тысяч марок — на безделушки угнетает меня так, словно речь идет о моих собственных деньгах. Князь Бисмарк, похоже, угадал мое настроение и прислал сегодня великолепную, полную юмора телеграмму, которая меня очень порадовала. Она гласила: «Доклад получен; надо так надо! Доверяю Вашей рачительности; в случае сомнений прошу задеть здешних критиков, но не тамошнее честолюбие».

21 мая, Москва, в доме Бутурлина. Мы прибыли вчера, я привез с собой 38 человек и 16 лошадей.

23 мая. Вчера в два часа пополудни звон колоколов возвестил, что Их Величества покинули Петровский дворец и приближаются к городу. Через полчаса первые казаки появились под окнами правительственного здания, откуда дипломатический корпус наблюдал за пышным спектаклем. Затем попарно выехали пестрые азиатские всадники, туркмены и хивинцы, бухарцы и киргизы, за ними драгуны, затем вереница золотых карет, в каждую из которых запрягли по шесть-восемь лошадей; в них сидели придворные, государственные советники и министры. Попарно прошествовало более сотни ливрейных лакеев, гонцов и егерей, за ними опять четыре золотых фаэтона, эскадрон кавалергардов и, наконец, император. Он скакал на небольшой белой лошади; сразу же за ним ехали верхом на пони оба сына, справа от него принц Александр Гессенский, слева — герцог Эдинбургский. Далее следовала большая группа принцев, великих князей, генералов

и адъютантов. Волшебным и незабываемым для всех, кому довелось восхищаться этим спектаклем, стало полное изящества появление императрицы. Она ехала в золотой карете в белом платье, радостный блеск ее глаз затмевал бриллианты и жемчуга. Слегка покраснев, она отвечала на восторженные крики народа. Можно было легко угадать все, что происходило в сердце императрицы, супруги и матери; ее дочь Ксения сидела рядом, муж и сыновья скакали впереди. Без каких-либо происшествий и малейших помех длинная процессия преодолела четыре версты и в половине четвертого достигла Кремля. Сотни одетых в золото лошадей и тысячи всадников прошли мимо сотен тысяч зрителей, ничем заметно не сдерживаемых; ни одна лошадь не забеспокоилась, ни один человек не вклинился в процессию. Толпа терпеливо ждала много часов; когда зазвонили колокола, люди начали креститься, сняли шапки, поприветствовали императорскую чету, а затем спокойно разошлись. Я отправился пешком в Кремль, чтобы поздравить княгиню Кочубей и графа Воронцова с прекрасным успехом; мне навстречу попались тысячи людей, но я не услышал ни одного громкого слова. Они расходились по домам тихо, терпеливо и отстраненно. Я не нашел разницы между нынешним поведением масс и теми давними временами, когда стоял с покойным императором на Красной лестнице в Кремле. Возможно, лишь увеличилось число тех, чья внешность выдает в них фабричных рабочих. Вечером меня навестил господин Ваддингтон и намеренно подробно говорил о том, как хорошо встретили его наш император и князь Бисмарк.

27 мая. Собор Успения Богородицы высок; посередине между четырьмя маленькими куполами возвышается один большой. Вчерашние грозы охладили воздух, и теперь есть чем дышать. Императорская чета появилась только к десяти часам. Я стоял невдалеке и все прекрасно видел: помазание, возложение тяжелых одежд из золотой парчи с горностаем, наконец саму коронацию. Солнце пробилось через

облака и освещало своими лучами позолоченные стены и своды, мозаики и драгоценные камни. Прекраснейший момент был, когда Их Величества, стоя на верхней ступени Красной лестницы, трижды поворачивались к народу и приветствовали его. Бриллианты в коронах, на скипетрах и облачениях искрились на полуденном солнце, император и его супруга выглядели превосходно.

30 мая. После обеда, состоявшегося у меня, я долго говорил с господином Моренгеймом. Этот строго католический и не слишком симпатизирующий нам дипломат рассказал, что его больная дочь находится на юге Франции и он часто ездит к ней. Затем он останавливается в больших городах — Гренобле, Дижоне, Лионе — и в сельской местности. Повсюду видна одинаковая усталость, эгоизм, разложение. «Нынешнее поколение годится только на удобрение почвы, — заявил барон, — оно думает только о сохранении своих доходов и имущества; ему безразлична форма правления и имена властителей, от которых оно требует лишь защиты; последнюю они в случае необходимости примут от кого угодно, даже от чужаков». Когда я спросил господина Моренгейма, как вышло, что столь решительное наступление правительства Жюль Ферри¹⁶ на духовенство не встретило сопротивления крестьян, он ответил, что даже крестьянки уже не под влиянием духовенства; всем все безразлично; ни патриотизма, ни религии, ни убеждений — весь народ идет на встречу своей гибели.

31 мая. Анна приехала вместе с Вильгельмом и Бернгардом. Едва ступив на территорию посольства, она начала немедленно отдавать распоряжения, в результате которых за несколько часов помещения приобрели совершенно иной вид.

¹⁶ Жюль Ферри (1832–1893) — французский политик, умеренный республиканец, занимал посты главы правительства и министра иностранных дел в 1883–1885 годах.

2 июня. После беспокойной ночи вчера наступил день, на который был назначен бал. Если, несмотря на принятые мной обширные меры безопасности что-нибудь случится, народ, вероятно, будет отыгрываться на немцах. В доме кипела активность; сорок поваров трудились за привезенными плитами; садовники приносили могучие лавровые деревья, чтобы украсить возведенный для музыкантов помост; под строгой охраной появились сами музыканты со своими инструментами. Дома напротив, садовые изгороди, двор, крыша и окрестные переулки наполнились полицией; каждому прибывающему приходилось предъявлять документы.

Я пошел гулять в сад возле дома; перед этим я немного поспал в комнатке Вердера в Кремле, ища там покой, которого был лишен в шуме приготовлений к балу. Наш младшенький кричал, Анна никак не могла его успокоить и все же вынуждена была одеться к балу; у нее прекрасное платье, золотисто-желтое с розами. В салоне находилось уже более тридцати человек, когда она появилась — такая спокойная и самоуверенная, словно мы даем балы каждую неделю. Я тоже был полностью занят: нервозность, возникающая из-за слишком богатой фантазии, обычно исчезает с началом мероприятия.

Около десяти часов залы наполнились; Анна встречала гостей под ростовым портретом нашего императора, рядом с которым висели портреты российской императорской четы. Рамы были увиты массой цветущих растений. Слева от моей жены на диване лежали прекраснейшие букеты роз для высокородных дам. В самом начале двенадцатого императорский экипаж появился во дворе, превращенном в пальмовый сад и ярко освещенном восемью тысячами огней на фасаде и лампами, установленными в кустах. Персонал посольства собрался в вестибюле; егеря, слуги, кучера и портье в новых ливреях с гербами, а также наемные слуги в более старых ливреях с галунами были выстроены до первого лестничного пролета.

Мы встретили Их Величества у подножия лестницы; императрица взяла под руку меня, император — Анну. Я провел императорскую чету наверх, через комнату с портретами, затем налево через большой салон, где собрались князья и другие высокопоставленные особы, и анфиладу маленьких комнат в новый салон, где был поставлен большой чайный стол для императрицы. Высокопоставленные особы последовали за нами, однако императрица пожелала сразу отправиться в танцевальный зал. Там она остановилась на возвышении, покрытом красной тканью, где стояли позолоченные кресла. Ее Величество приказал музыкантам играть кадрили; она танцевала со мной, император — с Анной. После второй кадрили начались хороводные танцы, в которых императрица не участвовала.

Ровно в двенадцать я доложил Их Величествам, что ужин готов. Танцевальная музыка продолжала играть, чтобы удержать хотя бы молодежь в бальном зале, а я провел императрицу через всю анфиладу до противоположного восточного конца дома. Детскую комнату Безобразовых я при помощи красной драпировки и хороших — арендованных — картин превратил в трапезную. На большом столе с закругленными концами, изготовленном специально по такому случаю, я выставил столовое серебро нашего императора; между приборами моя супруга разложила около тысячи роз, привезенных ею из Петербурга. Император сел между греческой королевой и Анной, императрица — между герцогом Эдинбургским и эрцгерцогом Карлом Людвигом. Дальше сидели великий князь Владимир, принцы из Италии, Испании, Дании, Швеции, черногорский князь, господин Гирс, князь Долгоруков, леди Торнтон, супруга французского посла, княгиня Кочубей, графиня Адлерберг — в общей сложности около двадцати человек. Император был очень любезен, все замечал, о многом спрашивал, в особенности о серебре и о некоторых моих слугах, награжденных Железным крестом. За вторым столом, также уставленным роскошной сереб-

ряной посудой, председательствовала великая княгиня Мария Павловна. Здесь же сидели великий князь Константин, великая княгиня Ольга и почти все послы. За третьим столом председательствовала супруга великого князя Константина. Быстро накрыли еще полтора десятка маленьких столов, и, пока одни продолжали танцевать, другие постепенно садились ужинать — на верхнем этаже около 150, на первом в переоборудованных помещениях около 200 человек.

Только когда я подвел императрицу к столу и прошел по залам, чтобы посмотреть, все ли в порядке, мой взгляд упал на кучу букетов в императорской комнате. Я быстро стал брать их один за другим и относить высокородным дамам. Это произвело неожиданный эффект: гости были счастливы, что их не нагрузили с самого начала тяжелыми букетами, как это обычно происходит, и теперь от всего сердца радовались волшебным розам. После трапезы я вновь сопровождал императрицу в первый салон, а вскоре и в карету, которая должна была доставить ее вместе с супругом в Петровский дворец. Их Величества весьма милостиво общались с нами. Когда экипаж с двумя лейб-казаками императрицы на облучке выехал из ворот, генерал Стюрлер сказал моей жене: «Если бы Вы были православной, Вам бы следовало сейчас перекреститься».

7 июня у меня завтракал князь Болгарии. У нас состоялась политическая беседа, из которой я понял, что дела его плохи. У князя много прекрасных и позитивных черт, он приятен в общении, смел и юношески свеж, но у него отсутствует талант государственного деятеля. Он допустил ошибку, пренебрегая господином Гирсом и его мудрыми советами. А сейчас он умножает окружающие его проблемы из-за мелочной мании раздавать свои ордена правителям и министрам, против чего турки заявляют протест. Князь Бисмарк попросил меня намекнуть ему, что хорошо бы не награждать нашего императора болгарским орденом.

9 июня состоялся большой парад, и около полуночи я уехал. Чиновники императорского двора прекрасно выполнили свою работу; отношение к иностранцам было превосходным. Народ вел себя примерно, и внешний вид войск также заслуживает всяческих похвал. Никогда еще мне не казалась столь неразрешимой загадка, которую представляют собой русский народ, армия и царская власть, как теперь: после двух недель народного ликования, помазания на царство и помпезной коронации, после военного смотра с участием 50 тысяч человек монарх тайно отправляется на небольшую станцию, откуда его поезд быстро мчится в Петербург, постоянно меняясь местами с другими идущими вереницей поездами, а по бокам это дороги протяженностью в шестьсот верст стоят две цепочки постовых.

23 июня, дача князя Дондукова-Корсакова возле Ораниенбаума. **9 июня** я вернулся в Петербург, где нашел семейство в добром здравии. Я был доволен своими действиями в Москве. В то же время мне интуитивно, без конкретных осознанных причин, казалось, что в Берлине что-то идет не так. Коронация приняла столь большой размах и потребовала столь масштабных усилий двора, правительства и народа, что ее можно сравнить с мобилизацией и использовать как мерку при оценке эффективности государственной машины. Результат этой проверки благоприятен для России. В то же время, несмотря на внешний блеск и полный успех, в торжествах не было ровным счетом ничего воодушевляющего, возвышающего и примиряющего. Подобно русской народной поэзии и православному богослужению, все московские торжества отличались жалобной монотонностью, эхо которой продолжало звучать в моих ушах. И я вернулся не торжествующим, а почти опечаленным — несмотря на то, что сыграл в происходящем роль, которая редко выпадает иностранному дипломату.

20 июня я отправился к господину Гирсу, который как раз получил от румынского посланника копию ноты про-

теста, направленной господину Гренвиллу¹⁷. Гирс прямо заявил господину Кречулеску, что румыны не должны рассчитывать на поддержку России в данном вопросе. В ходе дальнейшей беседы, где мы обсудили коронацию и связанные с ней миролюбивые жесты, я заявил: посмотрите на курс рубля, он постоянно падает; некоторые объясняют это общественным мнением Европы, которое ждет исцеления России только путем либеральных реформ, другие ищут причину в сговоре израелитов. Настоящая же причина лежит на поверхности: сразу же после московского праздника мира вы заявляете, что следующий призыв составит 218 тысяч человек — на шесть тысяч больше, чем в прошлом году, в то время как все полагали, что призыв уменьшится за счет фактического продления срока службы ради экономии денег. Ваш военный министр одновременно требует семнадцать с половиной миллионов экстраординарных расходов. Господин Гирс ответил: «Вы знаете, что император един со мной в желании долгих лет полного спокойствия; не могу сказать, почему призыв увеличен (причина — умножение кавалерии); финансовые запросы военного министра подробно обсуждались и сочтены необходимыми; военная реформа австрийцев и их масштабные строительные работы в Перемышле вынуждают нас принять некоторые меры предосторожности». Я прервал его: «Перемышль начали строить уже двадцать лет назад, когда я был военным атташе в Вене; очевидно, что эта крепость необходима для защиты открытых просторов Закарпатья». Министр продолжил: «Мы не собираемся делать ничего сверх того, что необходимо для нашей безопасности в отдаленном будущем. Но я думаю, что большие деньги, затребованные военным министром, будут истрачены в другом направлении — на берегах Уссури». В настоящий момент я

¹⁷ Румыния заявила протест против упомянутого выше трактата о Дунае от 10 марта 1883 года, считая свои права нарушенными.

не могу проверить, действительно ли эти средства хотя бы частично предназначены для Уссури; я знаю только, что Анучин¹⁸, генерал-губернатор Восточной Сибири, в прошлом году провел много времени в Петербурге и добился принятия ряда своих практических предложений по поводу строительства каналов и т. п. Можно только надеяться, что такие люди, как Черняев и Анучин, смогут направить внимание и энергию российского правительства в Азию в большем, чем прежде, объеме. Однако страсти общества и амбиции генерального штаба будут по-прежнему устремлены в долину Вислы, и вслед за ними отправится большая часть чрезвычайных расходов.

7 июля. Уже довольно долгое время внимание русской прессы и правительства привлекает иммиграция немцев в западных провинциях. Я написал по этому поводу доклад, который собираюсь отправить в Берлин. Летом 1865 года, вскоре после назначения на должность военного уполномоченного при российском дворе, я заметил ту тихую и непрерывную работу, которая ведется на нашей тысячекилометровой границе, лишенной естественных преград. Прощупав почву при дворе и поняв, какими эфемерными величинами здесь мыслят, я продолжил наблюдение за обширным пространством, где взаимодействуют друг с другом две соседние нации — одна творит, другая наблюдает — и где это взаимодействие может иметь в будущем большие последствия, практически независимые от воли отдельных людей. Первые результаты своих наблюдений я зафиксировал в докладе, черновика которого у меня не сохранилось; текст его должен лежать в архиве военного кабинета. Насколько я помню, я попытался описать в нем

¹⁸ Дмитрий Гаврилович Анучин (1833–1900) — российский государственный и военный деятель, в 1879–1883 годах генерал-губернатор Восточной Сибири. Был вынужден уйти в отставку под давлением общественного мнения, возмущенного казнью народовольца, давшего ему пощечину.

тот путь, который проделал своим трудом немецкий элемент со времен, когда мои предки были вассалами Пястов при польском дворе в Лигнице, и который привел нас на берега Двины. 1 мая этого года я подготовил еще один отчет о миграции, после чего меня попросили побольше писать об этой теме.

9 июля. В ходе разговора по болгарскому вопросу господин Гирс сказал мне, что желание князя о присылке генерала Эрнота не может быть исполнено; генерал — такой человек, который станет действовать решительно, не запрашивая Петербург; дело может легко дойти до конфликта с господами Каульбарсом и Соболевым, чего хотелось бы избежать. В Софию следует отправить спокойного и миролюбивого человека, и таковым он считает господина Ионина. Мне кажется, что князь поступит правильно, если не станет возражать против данной кандидатуры; из нескольких высказываний господина Гирса следует, что с момента государственного переворота князь позаимствовал из государственной казны около двух миллионов франков на стройки, путешествия и другие цели. «Император ничего об этом не знает, — заявил Гирс. — Он очень строг в денежных вопросах, да и болгары к ним весьма чувствительны».

11 июля. 5-го мне сообщили о докладе принца Рейсса¹⁹: князь Лобанов среди многих других прекрасных вещей сказал, что было бы хорошо устроить свидание императоров Франца Иосифа и Александра; поездка последнего в Варшаву, запланированная на август, предоставит прекрасную возможность. Граф Кальноки приветствовал эту инициативу, заручившись согласием своего монарха. 7-го ко мне на обед прибыли господин Гирс, сэр Эдуард Торнтон и граф Волькенштейн; последовавшая прогулка

¹⁹ Генрих VII, принц Рейсс (1825–1906), — германский дипломат, в 1868–1876 годах посол в Петербурге, в 1877–1878 годах — в Константинополе, в 1878–1892 годах — в Вене.

дала возможность для доверительного разговора. Министр сказал, что получил от князя Лобанова секретный доклад о переговорах с графом Кальноки и направил его императору. Последний написал на полях: «Поговорим об этом». Беседа состоялась, Его Величество разделяет мнение австрийского императора, что встреча будет весьма полезна, но не поедет в Вену, да и в Варшаву этим летом отправляться не планировал. «Тогда разговор окончен, сир» — ответил Гирс.

Когда я спросил, обсуждал ли князь Лобанов этот вопрос с министром заблаговременно, Гирс ответил, что ничего подобного не было. «Но я прочту Вам его письмо», — добавил он. Доклад князя во многом совпадает с сообщением принца Рейсса, однако инициатива приписывается австрийскому министру, который, по словам посла, говорил о больших выгодах от встречи монархов, поскольку она может стать лучшим опровержением слухам о «задних мыслях». Князь Лобанов ответил, что поездка российского императора в Варшаву могла бы стать хорошим поводом; официально о такой поездке ничего не известно, но он слышал, что в Москве Его Величество отпустил польскую делегацию со словами: «До свидания в августе в Варшаве». Господин Гирс похвалил прекрасные намерения и способности князя Лобанова, но подчеркнул, что тот несколько «легок». Министр добавил, что уже после свидания в Данциге был согласен с графом Кальноки касательно необходимости организовать такую же встречу российского и австрийского монархов.

Это дело несколько комично, но обращаться с ним следует аккуратно. Одновременно князю Лобанову поручено прозондировать в Вене почву касательно продления договора, срок которого истекает 18 июня будущего года. Отклик оказался самым благоприятным. Господин Гирс ничего не сказал о том, когда начнутся соответствующие переговоры в Берлине; я не стал спрашивать его, но думаю, что здесь не станут торопиться. Князь Бисмарк не согла-

сился с моим предположением, что в России ждут момента, когда политика Тааффе поссорит немцев и славян; однако я продолжаю придерживаться этой точки зрения и буду ее высказывать.

20 августа. Короткое лето, от которого я ждал столько счастья и покоя, прошло в тяжких трудах. В политическом отношении наступило полное затишье; из Берлина мне пишут намного реже, чем обычно; из газет и небольших знамений в небесах я должен угадывать, куда держит курс мое правительство. Восемь дней назад ко мне зашел граф Волькенштейн, откладывавший свой отпуск до прибытия курьера из Вены. Последний прибыл 10-го и привез два частных письма графа Кальноки, содержание которых посол 13-го сообщил господину Гирсу в Петергофе. Прямо оттуда он отправился ко мне. Лояльность и хорошо известные добрые намерения графа Волькенштейна дают ему право весьма открыто говорить со столь же корректно мыслящим Гирсом. Посол, упомянув о махинациях в Сербии против правящего там дома, сказал, что в случае нарушения спокойствия Австрия вынуждена будет «добиваться его восстановления». Хотя австрийский посол и российский министр не слишком расходятся в оценке сербских дел и ценности тамошних правителей, господин Гирс, похоже, был немного ошарашен решительностью венского кабинета, выраженной очень мягко, неофициально, но в то же время энергично. Тот факт, что это сообщение последовало вскоре после приема графа Кальноки в Гаштейне и встречи монархов в Ишле, лишь повышает его значение. Запланированная встреча Бисмарка с австрийским министром иностранных дел не была тайной.

Переходя от сербских дел к болгарским, граф Волькенштейн сказал, что поведение обоих русских генералов может сделать невыносимым положение князя Александра, и добавил, что во время визита князя в Вену граф Кальноки обратил его внимание на несообразно большие военные расходы болгарского бюджета; организация в Болгарии

надежной армии соответствует желаниям Австрии, но ее избыточное увеличение вызывает возражения. Господин Гирс в ответ взял под свою защиту генералов Каульбарса и Соболева — в беседах со мной он делает это лишь в ограниченном масштабе — однако признал, что они останутся в Софии лишь до тех пор, пока не представится возможность для почетной отставки. В конце концов министр сказал, что ему весьма печально видеть уменьшение прежнего доверия к нему со стороны графа Кальноки. Это посол опроверг с чистой совестью. Граф Волькенштейн пересказал мне беседу, находясь под свежим впечатлением. Я не мог не обратить его внимание на то, что 18 августа на празднество Преображенского полка обычно приглашают представителя австрийского императора; однако граф считал, что не может еще дальше откладывать свой и так отложенный отъезд.

15-го я, как обычно по средам, отправился к господину Гирсу, который по своей инициативе рассказал мне о беседе с графом Волькенштейном. Оба рассказа совпадают практически полностью; я заметил различие только в одном, но существенном пункте. Граф сказал мне: «Если покой в Сербии будет нарушен, Австрия силой восстановит его». Согласно версии господина Гирса, на случай смены режима в Сербии граф Кальноки анонсировал «активную интервенцию». По словам министра, «выражение, которое он использовал, еще сильнее, но я его смягчил». «Император воспринял это спокойно, — продолжил господин Гирс, — он не всегда уделяет „нюансам“ должное внимание. Я также сказал ему, что несостоявшаяся встреча с императором Францем Иосифом могла произвести в Вене неблагоприятное впечатление, и вновь спросил, не собирается ли он в этом году ехать в Варшаву. Однако граф Толстой высказался против такой поездки, поскольку генерал Гурко там совсем недавно и еще не успел освоиться». Переходя к анализу и критике слов Волькенштейна, российский министр сказал мне, что в ответ на заявление

об активной интервенции напомнил послу о существовании известных соглашений, которые, как он надеется, будут продлены и исключают подобного рода действия. Односторонняя интервенция приведет к самым серьезным последствиям; сперва надо посоветоваться втроем. Граф Волькенштейн не отрицал справедливости этого замечания.

Затем господин Гирс прочел мне «секретное письмо», которое с разрешения императора направил поверенному в делах в Вене и — в виде копии — господину Сабурову. На прощание он сказал мне: «Я считаю, что должен был сообщить Вам все подробности, чтобы у Вас имелась точная информация, которую Вы могли бы передать в Берлин; я даже прошу Вас сделать это». Я ответил, что считаю это своим долгом.

17-го состоялся парад в Красном Селе; кирасиры дефилировали в обычных головных уборах, без кирас, с винтовками на спине; пики исчезли. Без пестрого кавказского конвоя, сверкающих шлемов, лат и гренадерских шапок парад выглядел довольно буднично, и император, который никогда не ездит галопом, хорошо вписывался в эту картину. Как обычно, было приказано во время торжественной трапезы, состоявшейся **18-го** в большом павильоне, надеть австрийские ордена. Войдя, император подошел ко мне, подал руку и напомнил, что сегодня также праздник гренадерского полка императора Вильгельма. Далее он продолжил: «Австрийский посол уехал; я думал, он задержится на пару дней, чтобы поприсутствовать сегодня; поверенного в делах тоже нет, хотя я еще вчера отправил ему приглашение». После тоста в честь императора Франца Иосифа император огляделся и осведомился о том, где австрийский военный атташе майор Клепш? Выяснилось, что ему забыли назначить отдельное место; когда его нашли, он подошел к монарху со шляпой в руках, но без бокала шампанского. Его Величество высказал наилучшие пожелания в адрес императора Франца Иосифа и свое сожаление по поводу того, что его представитель отсутствует.

20-го меня посетил барон Жомини; поскольку он редактировал «секретное письмо», я мог поговорить с ним об этом. Когда я высказал мнение, что некоторые выражения кажутся мне слишком резкими, он ответил, что это было неизбежно. Император Николай, возможно, спокойно воспринял бы австрийскую оккупацию Сербии. Возможно, так же поступил бы Александр II; однако нынешний монарх рисковать не может. «Победоносцев бушевал и требовал, чтобы Персиани²⁰ отзывали как предателя; ему предписывали держаться совершенно спокойно. Церковь адресовала епископу Михаилу упреки в том, что он не противостоит угрозе более энергично; епископ уже заявил, что готов сесть в тюрьму, но за этим может последовать восстание, и тогда австрийцы введут войска; в ответ ему посоветовали вести себя спокойно».

Барон Жомини рассказал мне, что господин Гирс получил известие об ухудшении здоровья дочери, находящейся на лечении в Швейцарии, и готовится в любой момент туда отправиться; поэтому я сразу же поехал в Петергоф. Я хотел выразить министру свое сочувствие, без всяких политических бесед; и все же оказалось невозможным не затронуть вопрос о том, кто будет вести дела. Он надеется, что отъезд удастся отложить до того момента, когда из отпуска вернется господин Влангали. Затем мы коснулись происшествия на дне рождения императора Франца Иосифа; отсутствие графа Вельзерсхеймба объясняется просто — поверенный в делах живет летом в Петергофе, а граф Воронцов, который знал об этом, но мог забыть, отправил вечером 17-го телеграмму в Петербург. В итоге только в 11 часов утра 18-го граф Вельзерсхеймб получил приглашение на завтрак к часу дня. Хотя поездов не было, он мог бы проехать 25 верст на тройке и успеть, но его униформа

²⁰ Александр Иванович Персиани (1842–1896) — российский дипломатический представитель в Сербии в 1877–1895 годах.

осталась в Петергофе. Господин Гирс ценит графа и знает, что дело в неблагоприятном стечении обстоятельств, а не дурном умысле. «Но я никогда не смогу переубедить императора, — сказал министр. — Я недавно сообщил ему об отъезде посла и попытался объяснить ситуацию, но, если у него появилась подобная мысль, он твердо держится за нее. И все же нужно сказать, что за эти два года некоторые предрассудки Его Величества смягчились, часть недоверия исчезла». Я подтвердил, что мои личные наблюдения подталкивают меня к тому же выводу. Министр рассказал, что когда недавно в присутствии нескольких высокопоставленных особ зашла речь об отношениях с Германией и нашему кронпринцу стали ложно приписывать определенные взгляды, император воскликнул: «Ему я безусловно доверяю и даю голову на отсечение». Когда я собрался уходить, господин Гирс сказал: «Если меня вызовут к дочери, а это может случиться каждый день, время моего возвращения неизвестно. Если в это время начнется обсуждение несколько преждевременно поднятого Сабуровым важного вопроса о том, что должно случиться в ближайшие шесть-семь месяцев, мне не хотелось бы, чтобы в мое отсутствие принимались какие-либо решения».

1 сентября. Русский поверенный в делах в Вене сообщил телеграммой, что поставил графа Кальноки в известность о содержании «секретного письма». Граф ответил, что он «безутешен» из-за впечатления, произведенного словами Волькенштейна; он хотел не выразить недоверие, а укрепить взаимное доверие, упрочить и продлить нынешние отношения. Господин Гирс очень обрадовался этой депеше и немедленно отправил ее с курьером в Копенгаген. **23–24 августа** меня снова пригласили в лагерь в Красном Селе, где я присутствовал на больших маневрах, искусно организованных генералом Розенбахом. Император очень любезно попрощался со мной и просил передавать приветы кронпринцу и императору Вильгельму. Как всегда в последнее время, он был общительным, веселым

и непринужденным. Первые донесения господина Ионина из Софии поступили как раз вовремя, чтобы господин Гирс мог доложить о них императору на борту яхты. «Император в ярости», — сказал министр. Господин Ионин докладывает, что князь Александр хочет созвать собрание, которое потребует отзыва русских «служащих»²¹. «Он сошел с ума», — прокомментировал Гирс.

9 сентября. Катастрофа в Болгарии пока предотвращена; господин Ионин телеграфирует, что ему удалось добиться компромисса.

После короткой вспышки в Москве корона вновь в затмении. Когда Их Величества жили в Петергофе, их почти не было видно. Раньше близость императора была ощутимой. Появляясь там, где он жил, на плацу, где он проводил инспекцию, или в зале, где он присутствовал на празднике, можно было почувствовать его присутствие — не по наличию охраны, а по реакции всех живых существ. Император был подобен электрическому току, который ощущали все; теперь же повреждены и батарея, и проводка. В интересах династии и мира это тем более достойно сожаления, что император Александр III является добродетельным, справедливым и благонамеренным монархом, который к тому же в вопросах международной политики покинул свою прежнюю, не совсем правильную точку зрения и избрал лучший путь. Но честолюбцы больше не следуют путем,

²¹ Поскольку попытка править Болгарией самодержавно оказалась в конечном счете неудачной, князь Александр 30 августа издал манифест о созыве комиссии из представителей всех партий, которая подготовит и представит Великому народному собранию проект новой конституции. Одновременно велись переговоры с либералами во главе с Цанковым о восстановлении прежней конституции, после которого российских советников предполагалось удалить. 7 сентября был издан новый манифест, провозглашавший восстановление Тырновской конституции при условии изменения некоторых ее статей.

который монарх называет угодным ему и который раньше один только вел к могуществу и богатству; поэтому и правильная в данный момент политика императора не имеет для нас больше такой ценности, как когда-то. Ближайшее окружение монарха думает в общем и целом как он, но думает мало; они честные посредственности. Знание света, ум и такт во всем придворном мире, на мой взгляд, присутствуют в полном составе только у княгини Кочубей. Когда я недавно спросил графа Валучева, используется ли успешная коронация и что происходит после нее, он ответил: «Сейчас сиеста». Это слово хорошо подходит высшему свету, но насчет низших слоев я сомневаюсь. Очевидно, что пресса не дремлет, и потребность в ней растет вместе с числом грамотных. Многочисленные политические газеты конкурируют друг с другом и печатают сенсации, пытаясь польстить господствующей глупости. Я намеренно не говорю «господствующим страстям», поскольку из числа последних присутствуют лишь пьянство и карточные игры. Большая зависть, неудовлетворенность самими собой и положением дел внутри страны, а также неясное, горькое и не воспринимающее никаких разумных аргументов ощущение, что Берлинский договор стал ограблением и унижением России — таковы тайные глубины душ читателей, которые вновь и вновь стараются пробудить редакторы газет.

11 сентября. Господин Гирс прочел мне письмо принца Александра Гессенского на восьми страницах, полученное сегодня. Это письмо взволновало министра, заявившего: «Я хочу, чтобы Вы знали все; уже много лет у меня нет от Вас секретов; Вы должны знать, что за люди были готовы устроить европейский кризис». Затем он прочел мне записку, переданную им князем Болгарии в Москве. Если бы господин Гирс хотел избавиться от князя, писем отца и сына ему было бы вполне достаточно; однако у него нет такого желания. В ходе дальнейшей беседы министр отметил, что господин Сабуров ненадолго задержится в Берлине. Гирс, сегодня особенно дружелюбный, продолжил:

«Император отказался от некоторых заблуждений; он твердо уверен в том, что честная дружба с Германией должна стать основой его политики».

Этот момент показался мне подходящим для того, чтобы сказать Гирсу следующее: «Ни у нашего императора, ни у князя Бисмарка нет ни капельки сомнений в Вашем повелителе или в Вас. Однако все доказательства благих помыслов не имеют значения, пока Ваша кавалерия и конная артиллерия занимают угрожающее положение на нашей границе. В этом все дело; измените это — и все дипломатическое поле изменится». Господин Гирс никогда не претендует на знание военных вопросов, но сейчас возразил, что здесь это развертывание считают необходимой мерой безопасности²². Я ответил: «Поговорите с кем-нибудь из ваших умных генералов, кроме Обручева, хотя бы с Куропаткиным, и он признает, что нынешнее развертывание нам угрожает». Министра, похоже, это глубоко тронуло, и он сказал: «Император ничего об этом не знает, он считает, что всего лишь беспокоится об угрозах нашей безопасности; я обязательно поговорю с ним». Я поддержал его и посоветовал делать это осторожно, чтобы никто не мог сказать, что монарх идет на уступки. Однако нужно использовать момент, когда штаты кавалерии увеличиваются на 50 процентов. О последнем министр иностранных дел вообще не знал. Я продолжил: «Скажите, что сейчас,

²² Российское военное руководство понимало, что сроки мобилизации и сосредоточения германской армии намного меньше, чем российской, в связи с чем в случае войны Германия может нанести удар до завершения развертывания российских войск. Чтобы отчасти компенсировать это, вдоль границы были размещены крупные силы кавалерии, готовые сразу же после начала войны вторгнуться и нарушить ход мобилизации и переброски войск в приграничных районах. В свою очередь, в Берлине эту концентрацию российской кавалерии искренне воспринимали как наступательную и видели в ней доказательство агрессивных намерений Петербурга.

когда в полках вместо четырех делают по шесть эскадронов, подходящее время для сокращения числа развернутых на границе дивизий».

18 сентября, Берлин. С Анной в Потсдаме; от станции «Дикий парк» экипаж кронпринца доставил нас в Новый дворец. Здесь нас встретила графиня Брюль, и меня сразу же позвали к кронпринцессе. Она полчаса говорила о деле, которое очень важно для нее, в то время как кронпринц и императрица против²³. За завтраком я сидел между кронпринцессой и наследной принцессой Мейнингенской. Кроме нас, за столом присутствовали Анна, принцесса Виктория, графиня Хедвиг и граф Зекендорф. Беседа все время перескакивала с одного предмета на другой, за коротким смехом то и дело следовало напряженное молчание. Никто не чувствовал себя в своей тарелке, мысли некоторых были далеко отсюда. Я с глубокими чувствами думал о прошлом, с юмором висельника — о настоящем, с беспокойством — о будущем столь дорогой мне династии. После завтрака пришел правнук императора; ребенок выглядел бледным, но был активным и упрямым и очень заинтересовал меня.

13 октября, Баден-Баден. **11-го** я вместе с Анной отправился из Висбадена во Франкфурт, оттуда вечером в Баден. Вчера император принял меня; он свежее и бодрее, чем прошлой осенью, но слушал не так внимательно и был более разговорчив. Все сказанное им было ясно, логично и полностью соответствовало новым обстоятельствам, о которых мне незадолго до этого рассказал советник Бюлов. У меня не было ни возможности, ни повода много

²³ Речь идет о проекте брака болгарского князя Александра с принцессой Викторией, дочерью германского кронпринца. Эта проблема активно обсуждалась несколько лет. В конечном счете брак был сорван во многом усилиями Бисмарка, считавшего такой альянс недопустимым по политическим соображениям.

говорить; и все же я счел необходимым вставить, что не исключена опасность нашего вовлечения в войну из-за чужих интересов благодаря союзу с Австрией. Чтобы не допустить этого, нужно возобновить тройственное согласие, которое позволяет нам в последний момент улаживать конфликты России и Австрии. Сербские дела, где церковный спор усиливает политические противоречия, могут вылиться в острый кризис в любой удобный России момент. Затем император обсудил со мной вопрос замены Вердера, глубоко затрагивавший меня; при следующем продвижении по службе мой друг станет генерал-аншефом, и в этот момент его надо будет отозвать.

14 октября, Баден. Обед у Их Величеств. Я сидел рядом с императором; императрица появилась до и после трапезы и попросила меня остаться, когда другие разошлись. Я сел рядом с ней и выдержал получасовой экзамен. В ходе беседы император высказал среди многих других следующую примечательную мысль: революционные силы у нас не менее опасны, чем в России, и уже предстоящей зимой следует ждать ожесточенной борьбы вокруг закона о социалистах²⁴. Я возразил по поводу аналогии с Россией; там недовольны все; в Германии наряду с беспримерным благосостоянием господствуют невиданные прежде удовлетворенность и даже единение, так что есть возможность эффективно бороться с социалистическими и другими враждебными элементами, которые, конечно же, весьма многочисленны. Я напомнил о том воодушевлении, которым сопровождалось недавнее открытие Нидервальдского мемориала²⁵, и о многих других проявлениях любви

²⁴ «Закон против общественно-опасных стремлений социал-демократии», или «Исключительный закон», был принят в 1878 году и фактически запрещал деятельность социал-демократических организаций в Германии.

²⁵ Нидервальдский мемориал был возведен в 1877–1883 годах в долине Рейна в память об объединении Германии.

и доверия к монарху. Император, чью мудрость превосходит только его скромность, ответил: «Кто бы мог подумать в 1848 году, что произойдут мартовские события; это может повториться». Я сказал: «Разумеется, если верхи ослабнут». Далее император рассказал, что при продлении союза с Австрией он хотел настоять на соблюдении взаимности — то есть в случае войны с Францией мы были бы спокойны насчет России. Напрасно! Они ни при каких условиях не соглашались, и все осталось по-прежнему; имеется лишь пункт, который освобождает нас от обязанности помогать Австрии, если она сама спровоцирует войну с Россией.

24 октября, Висбаден. Вчера утром кронпринц приказал позвать меня на прогулку. Он говорил со мной о вероятности войны против России; угрозу он видит не только в кознях славянофилов, но и в личных качествах Александра III. О последнем, как мне кажется, он получил негативные отзывы от множества немецких принцев, присутствовавших на коронации или иным образом взаимодействовавших — письменно или устно — с российским монархом. Не стремясь выступить в роли гаранта миролюбия Александра III, я, тем не менее, ответил, что царь слишком слаб для того, чтобы заставить славянофилов замолчать, но слишком ленив, чтобы следовать их советам. Кроме того, я снова заверил принца, что российская императорская чета доверяет ему лично. Кронпринц знает это и готов при необходимости, в качестве крайней меры, написать царю, напомнить об исторической беседе в июне 1880 года и воззвать к здравому смыслу. Затем мы поговорили о назначении преемника Вердера; кандидатом принца является граф Шлиффен, и он был рад услышать, что я придерживаюсь того же мнения. Как это уже часто бывало раньше, принц заявил о своем желании покончить с ненормальным и ненавистным ему институтом военных уполномоченных. Я ответил, что эта система уже отжила свое и могла бы постепенно исчезнуть,

но в свое время она принесла нам большую пользу. Когда в 1866 году перед войной и во время нее все немецкие родственники императора Александра II осаждали его, я на посту военного уполномоченного смог сделать больше в плане воздействия на монарха, чем вся прусская дипломатия. Точно так же в 1870 году Вердер смог выполнить важную миссию²⁶. Поэтому жаловаться на институт военных уполномоченных нам не приходится. Принц согласился со мной.

28 октября я вместе с Анной, Вильгельмом, Элеонорой и Марией отправился в Рюдесхайм, где мы пешком поднялись к памятнику. Дети были беззаботны и веселы, Анна серьезна. Я же почувствовал всю глубину выпавшего на мою долю счастья: после суматошной и полной метаний юности, упадка отчего дома, постоянных денежных забот и унижений моей Отчизны в годы, следовавшие за постыдной мартовской революцией, я могу теперь — здоровый вопреки возрасту, обеспеченный, на высоком посту — привести любимых жену и детей к памятнику, который среди прекрасной природы свидетельствует о величии прусского королевского дома и подвигах нашего народа.

5 ноября во второй половине дня я встретился с кронпринцем; он отпустил своего адъютанта и долго гулял со мной. Мы обсуждали проект поездки в Испанию. Когда кронпринц упомянул, что хочет взять с собой старшего сына, я ответил — возможно, слишком резко и категорично: «Это невозможно». — «Итак, — ответил кронпринц, — сам я достаточно хорош для того, чтобы в меня постреляли, но мой сын должен беречь себя!» Я возразил: нельзя класть все яйца в одну корзину, корабль может затонуть и так далее. В конце концов он согласился с тем, что нельзя

²⁶ Речь идет о сохранении Россией выгодного Пруссии нейтралитета во время Немецкой войны 1866 года и Франко-германской войны 1870–1871 годов.

отправлять в такое путешествие одновременно двух наследников престола.

22 ноября. Ко мне пришел Бото Эйленбург²⁷ и очень интересно рассказывал об имперской земле²⁸ и предстоящих парламентских заседаниях, касающихся оборонительных мер против России. Столь умный и расчетливый человек пришел в большое волнение, заговорив о концентрации русских войск на нашей границе. Это очень заинтересовало меня, поскольку показывает, как думают менее умные и насколько глубоко ожесточение.

28 ноября, Берлин. Утром **26-го** я отправился в министерство, где у меня состоялся вполне удовлетворительный разговор с младшим статс-секретарем Бушем. Затем я навестил графа Августа Эйленбурга и господина Сабурова. Вечером мы пообедали вместе с братом и направились к графине Брюль. Утром **27-го** я был занят чтением бумаг в министерстве; к половине второго я отправился к императору, который был весел и дружелюбен и говорил о многом. Однако он не касался вопроса, так занимавшего его в Бадене: о преемнике Вердера. Наконец я прямо спросил его, как обстоят дела, и император ответил, что долго думал об этой проблеме и решил пока оставить Вердера на своем посту. Я был несколько взволнован этой новостью и не смог полностью скрыть своих чувств; я заявил, что это весьма сурово по отношению к Вердеру. Беседа завершилась не слишком приятным образом; Его Величество назвал Вердера очень хорошо подходящим для командования корпусом в Карлсруэ, «но Оберниц пока что не думает уходить в отставку». Я немедленно написал Вердеру и Анне;

²⁷ Бото, граф цу Эйленбург (1831–1912) — германский государственный деятель, в 1878–1881 годах прусский министр внутренних дел, в 1881–1892 годах обер-президент провинции Гессен-Нассау.

²⁸ Эльзас-Лотарингия, имевшая в Германской империи особый статус.

последняя, несмотря на все участие к моему другу, будет весьма рада тому, что на предстоящую зиму он остается со мной²⁹.

Пообедав в казино, я отправился к князю Долгорукову³⁰, который тем временем побывал у меня и передал, что хотел бы побеседовать. Ничего удовлетворительного эта беседа не принесла; среди всех миролюбивых заверений я слышу главное: никто в России не рискует отвести войска от границы. Я ответил, что при таких обстоятельствах мы будем вынуждены принять соответствующие меры в плане дислокации войск и строительства укреплений, и необходимые средства придется запросить у парламента, постаравшись при этом как можно меньше обеспокоить умы в обеих странах. Как и беседа с императором, этот разговор оставил у меня неприятное впечатление.

28-го я отправился во Фридрихсру. Князь внешне очень изменился, похудел и выглядит сломленным. Однако он неплохо себя чувствует, вовремя отправляется в постель и встает в семь часов утра, мало ест, пьет и курит — короче говоря, ведет весьма разумный образ жизни. За последний год он потерял 50 фунтов веса. К сожалению, и добрая княгиня похудела еще сильнее. После трапезы, за которой князь с супругой составляли мне компанию, мы два часа беседовали о всякой всячине; затем князь отправился в постель. Я ждал, что он, как обычно, после отдыха спустится к чаю, но он пожелал мне доброй ночи. Я был застигнут этим врасплох и попрощался с князем, поскольку на следующее утро должен был присутствовать на завтраке у императора в Берлине. Князь не стал скрывать, что ему это неприятно; он ждал, что я отправлю отказ; однако я не мог

²⁹ Сама Анна фон Швейниц не планировала на предстоящую зиму возвращаться в Петербург.

³⁰ Николай Сергеевич Долгоруков (1840–1913) — российский дипломат, в 1879–1886 годах являлся российским военным уполномоченным при германском императоре.

заставить себя сделать этого — наш старый император имеет право на то, чтобы ради него другие терпели некоторые неудобства. В итоге мы договорились, что в субботу после охоты в Гёрде я вернусь во Фридрихсру. Я еще раз увидел князя в восемь часов утра перед самым отъездом; он был недоволен, и исправить это не удалось. Но я рад, что действовал правильно, пусть даже это будет иметь для меня негативные последствия; у Его Величества я встретил своего брата, которого в последнее время не раз приглашали к императорскому столу и, очевидно, пригласили в этот раз в связи с моим приходом. Императора наверняка обидело бы мое отсутствие, кроме того, после трапезы он и так занемог — хочется верить в скорейшее выздоровление!

2 декабря в десять часов утра я отправился из Гамбурга во Фридрихсру. В поезде я встретил военного министра генерала Бронзарта — удачная возможность переговорить с ним. Князь приветствовал меня в очень дурном настроении. Вскоре началось совещание, в котором приняли участие статс-секретарь внутренних дел и военный министр. Решения князя были совершенно в моем духе: провести мероприятия на железных дорогах и перегруппировку войск таким образом, чтобы не было нужды запрашивать у парламента дополнительные средства. За завтраком князь по-прежнему находился в ужасном настроении и вел себя по отношению ко мне просто вызывающе. Затем он начал ругать немцев, которые, по его мнению, неспособны удержать приобретенное. Свои инвективы он завершил так: «Однажды я сказал, что Германию нужно только посадить в седло, и дальше она поскачет сама; но она неспособна ездить верхом!» — «Зато Пруссия способна!» — воскликнул я, и госпожа Шпитцемберг, весьма милая дама из Швабии, дочь Варнбюлера, совершенно покраснела и заявила, что лошадь может испугаться. Я ответил, что померанский и бранденбургский армейские корпуса это исправят. Тут и господин фон Бёттихер выступил против меня, и я вынужден был констатировать примечательный факт,

что канцлер и председатель бундесрата — два столпа империи — отказывают последней в жизнеспособности³¹.

С меня было довольно, и я отправился в свою комнату, где писал, читал и спал, пока меня не разбудил громкий стук в дверь. Вошел князь с кипой бумаг и дружелюбно произнес: «Вы торопитесь, поэтому я хочу еще кое-что с Вами обсудить». — «Я совершенно не спешу, — ответил я, — и могу оставаться здесь, пока угодно Вашей Светлости, при условии, что смогу успеть на Георгиевский праздник в Петербурге». Начался спокойный деловой разговор, за которым последовал очень приятный обед. Мы оставались вместе до десяти часов вечера и разошлись спать в полной гармонии.

На следующий день, **3 декабря**, у нас состоялась беседа, в которой князь сказал мне несколько жестких, невообразимых вещей: якобы я тираню своих секретарей, никто не хочет служить в Петербурге, я слишком замкнут и отгородился от русских. Я спокойно ответил: «Ваша Светлость в последние четыре года неизменно провожали меня в Варцине и здесь одной и той же инструкцией: быть холодным до самых глубин моего сердца!» Князь напом-

³¹ В дневнике баронессы Шпитцемберг эта сцена описана несколько иначе: Бисмарк заявил: «Этот народ не может скакать! Имущие не работают, прилежны только голодные, и они сожрут нас. Я говорю без горечи и совершенно спокойно: я весьма мрачно смотрю в будущее Германии. Если Форкенбек и Вирхов встанут у руля и получают протекцию сверху, все развалится. Все они мелочные и узкие, никто не работает ради целого, каждый ограничивается своим фракционным матрасом». — «Однако, — возразил Швейниц, — Пруссия всегда сможет скакать, и я рассчитываю на молодежь, выросшую в великой традиции». — «Да, — сказал князь, — однако три четверти молодежи отравлено ядом материализма и жадной удовольствий». — «В любом случае, остаются 2-й и 3-й армейские корпуса», — заметил Швейниц. «Да, но кто их позовет?» — «Старики мне милее всей молодежи!» — в один голос сказали Бёттихер и я.

нил мне о том, что и в Вене я считал, что мне очень рады, в то время как Андраши горько жаловался на мою замкнутость. Я ответил, что двуличие Андраши, которому я оказал столь большие услуги, принадлежит к числу самых горьких разочарований в моей карьере. Причина в том, что я казался ему слишком «русским»; в соответствии с моими инструкциями я всегда говорил ему, что он не должен ставить нас перед выбором между Россией и Австрией. Затем мы поговорили о Болгарии и Румынии. Главное — князь намерен улучшить отношения с Россией. Очевидно, он вернулся к моей точке зрения и хочет даже пойти несколько дальше. Ему очень важно продлить договор от 18 июня 1881 года; я подробно рассказал о русской точке зрения по данному вопросу и добавил, что желательно закончить дело до 1 апреля, когда завершится мандат Алеко-паши. Я указал на то, что в России охотно говорят о черногорских кандидатах на троны малых государств, и эти деятели действительно наиболее способны к управлению. Князь ответил, что Австрия на это не согласится. Затем, несмотря на дождь, я поехал в лес с графом Ранцау³². Княгиня приказала приготовить мне обед и составляла мне компанию, пока канцлер совершал оздоровительную прогулку. Затем я распрощался и уехал в половине пятого.

Хотя в целом я удовлетворен визитом, мне было неприятно, что князь из-за своего затворничества полагается на нашептывания тех немногих, кого он видит. При всем восхищении его гением не могу умолчать о том, что здание нашего величия он возводит из весьма дорогих материалов; если сам он говорит, что мы не найдем в этом здании ни защиты, ни покоя, то расходы на строительство кажутся мне слишком высокими. Удивительные успехи, которых князь добивается во внешней политике, объясняются в первую очередь страхом перед его беспощадной

³² Куно цу Ранцау (1843–1916) — германский дипломат, зять и один из ближайших помощников Бисмарка.

жестокостью; все знают, что он хочет мира, но также всем известно, что он способен в любой момент двинуть вперед всю военную мощь Германии, которую император сохранил в наилучшем виде. Удивительное сочетание осторожности и смелости, отличающее князя Бисмарка, позволяет ему оставаться в политическом и в первую очередь дипломатическом отношении прекрасно подготовленным для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах нанести удар; и именно поэтому ему нет нужды атаковать. Враги знают его демоническое превосходство и продолжают льстить или скрежетать зубами в ожидании, когда он сойдет со сцены.

Санкт-Петербург. 8 декабря в Зимнем дворце отмечался праздник ордена святого Георгия. Помимо георгиевских кавалеров, к числу которых принадлежат генерал Вердер и подполковник Лигниц, я был единственным гостем императорского двора, прибывшего на торжество из Гатчины и сразу же после трапезы отправившегося в обратный путь. Встав из-за стола, царь подошел ко мне, осведомился о здоровье нашего монарха и сказал несколько милостивых слов, касавшихся меня лично. Я передал приветствия моего императора, выразил его чувства по поводу сообщений, привезенных князем Долгоруковым и господином Гирсом. В заключение я сказал, что князь Бисмарк обрадован визитом, который нанес ему Гирс во Фридрихсру, и очень доволен состоявшимся у них разговором. Российский император ответил, что тоже обрадован содержанием отчета, который представил ему господин Гирс касательно переговоров с князем Бисмарком, и надеется, что в последний раз узнает о слухах и беспокойстве, причины которого для него непостижимы. Он ничего не сделал для того, чтобы его вызвать, и даже малейшая мысль о подобных намерениях всегда была далека от него. Более всего его угнетает, что император Вильгельм мог поверить в нечто подобное; с 1877 года дислокация кавалерии не менялась, ее численность не увеличивалась, «и что меня больше всего

огорчает, так это то, что все недоверие направлено против меня!» — «Нет, сир, — возразил я, — не к Вашему Величеству мы испытываем недоверие, а к Вашим врагам».

Наша беседа настроила императора благодущнее; он не привык к подобного рода разговорам — возможно, это вообще первый в его жизни. Он твердо посмотрел мне в глаза, вопреки своей обычной привычке, и выражение лица свидетельствовало об искренности его чувств: он действительно был огорчен тем, что его миролюбивым намерениям не доверяют. Не в силу своей природы, а благодаря полученному опыту Александр III стал недоверчивым и склонен полагать, что его недолюбливают. Поддерживая выбранный им тон беседы, я ответил: невозможно отрицать, что три года назад относительно его образа мыслей распространялись разные слухи, однако сегодня у нас стерты все их следы. Я повторил, что у нас нет никаких дурных чувств к самому императору, и наш разговор завершился дружелюбнее, чем начался. Я не сомневаюсь, что в настоящее время император говорит вполне искренне, и думаю, что нужно продемонстрировать наше доверие к нему лично. Это, разумеется, не исключает мер предосторожности против наших врагов, которые и его враги тоже.

29 декабря. Сегодня утром я вернулся с двухдневной охоты, на которой был вместе с Половцовым³³. Я подстрелил одного волка, который упал на месте, и ранил второго, истекавшего кровью, — вероятно, его еще найдут. Я как раз умывался, когда мне доложили о генерале Трепове; к сожалению, он явился с грустными новостями. «Восемь дней назад ко мне пришел один из моих старых агентов и рассказал, что у него есть надежные сведения о существовании нового заговора в Петербурге; кроме того, в начале

³³ Александр Александрович Половцов (1832–1909) — российский государственный и общественный деятель, промышленник. В 1883–1892 годах занимал пост государственного секретаря.

нового года запланированы покушения во всех европейских столицах. Вскоре после этого я поговорил с полковником Судейкиным — опытным руководителем тайной государственной полиции; я спросил его, как обстоят дела с революционной агитацией. Судейкин ответил, что все прекрасно, мы все держим под контролем, никаких заговоров нет, лишь отдельные фанатики. Я попросил его не предаваться подобным заблуждениям; меня заверили, что заговор в Петербурге существует. А вчера вечером Судейкина застрелили, когда он выходил из экипажа»³⁴.

³⁴ Г. П. Судейкин был убит 16 декабря 1883 года народовольцами В. П. Конашевичем и Н. П. Стародовским на конспиративной квартире.

1884 ГОД

11 января. Я вновь был на волчьей охоте вместе с господином Половцовым, маркизом Кампо-Саградо¹ и Терно-Компаном. В Петербурге по возвращении я обнаружил телеграмму с вызовом фельдъегеря на границу. Господин Влангали, к которому я отправился, подтвердил мне уже написанное Жомини: Гирс отправил мое доверительное письмо императору. Вреда от этого быть не может, ведь я всего лишь откровенно описал то настроение, которое царит в наших восточных провинциях в связи с концентрацией русской кавалерии.

15 января. Фельдъегерь привез мне собственноручное письмо князя Бисмарка, в котором тот среди прочего заявляет, что назначил барона Плессена на место отправленного в отпуск первого секретаря нашего посольства в Вене; поскольку «в посольстве в Петербурге, которое для нас в настоящий момент является важнейшим, рабочая сила должна иметься в полном объеме», он отправляет сюда вместо барона Плессена своего сына. Канцлер продолжает: «Меня к этому побудила также мысль о том, что пребывание моего сына в Лондоне было воспринято в тамошних политических кругах как доказательство моей личной уверенности в продолжительности добрых и приятных отношений двух монархов. Ввиду нынешнего состояния нашей

¹ Хосе Мария Бернальдо де Кирос, маркиз Кампо-Саградо (1840–1911) — испанский посланник в Петербурге в 1881–1892 годах.

политики, мне особенно хотелось бы произвести аналогичное впечатление в Петербурге, и я готов использовать все средства, способные убедить Его Величество императора Александра и российское общество в том, что я лично уверен в мирных и дружественных отношениях двух дворов и даю залог искренности моих устремлений — ведь невозможно поверить в то, что я отправлю своего сына в державу, с которой мы ожидаем или даже планируем ухудшить отношения».

Прочитав это письмо с надлежащим вниманием, я отправился на обед к графу Волькенштейну. После трапезы у меня состоялась беседа с графиней Клейнмихель. Меня заинтересовало суждение этой маленькой умной женщины о господине Сабурове: «Он плохо кончит, он всегда так заканчивает». Я не сказал графине, что его судьба уже решена — он должен уступить место графу Орлову и очень подавлен этим, поскольку считает, что утратил доверие императора.

Новогодний прием в Зимнем дворце был необычайно пышным. Императорская чета побеседовала с руководителями всех дипломатических миссий и с новыми секретарями. Императрица весьма милостиво спросила меня: «У Вас ничего нового?» Я ответил: «Сегодня нет, Ваше величество, но через несколько дней я буду просить позволения представить Вам советника посольства графа Бисмарка». — «О, графа Герберта, — сказала императрица, — я знаю его, он был здесь со своим отцом». При этом в прекрасных глазах Ее Величества скрывались одновременно усмешка и вопрос, словно она хотела сказать: ну и что за чертовщину вы готовите на этот раз? Я ответил на этот немой вопрос: «Это очень хорошо; это показывает, что князь верит в долгие хорошие отношения и придает значение тому, чтобы его сын познакомился с этой страной». Похоже, императрица это не вполне понимала.

16 января. Потрясение от убийства Судейкина было преходящим, оно быстро забылось, как ранее предупре-

ждающие толчки землетрясения в Искья. Российское общество бессознательно приходит к своему обычному убеждению, что политические убийства случаются время от времени, подобно авариям на железных дорогах, но они ничего не изменяют в господствующей системе. Поэтому либеральные государственные деятели вроде господина Абазы стремятся вновь установить контакт с данной системой. Граф Лорис-Меликов лежит с тяжелым воспалением легких; у него все еще есть иллюзии, но его сторонники покидают его; граф Игнатьев становится все спокойнее и миролюбивее.

29 января. Несколько недель назад барон Жomini написал мне о том, что мое письмо Гирсу представлено императору. Во втором письме барон добавил соображения относительно концентрации войск на нашей границе и другие интересные вещи. Герберт Бисмарк, которому я показал эти письма, посоветовал мне их отправить, что я и сделал. Вскоре пришла телеграмма из Фридрихсру, говорившая о том, что такая переписка противоречит инструкциям, и требовавшая прислать черновик моего письма Гирсу. Им я не располагал и вынужден был просить министра сразу же после моего возвращения вернуть мне письмо, чтобы я мог снять с него копию. Это письмо гласило:

«Санкт-Петербург, 8.12.1883.

Дорогой господин Гирс! Я пользуюсь возможностью, полученной благодаря любезности господина Влангали, и сообщаю Вам, что вернулся на свой пост после совершенно удовлетворительных разговоров с моим высочайшим господином и князем Бисмарком. Проезжая через Германию в сентябре, я был обескуражен всеобщим и глубоким беспокойством, господствовавшим от Прегеля до Мозеля. Трудно представить себе степень смущения умов, которое вызвало в Германии известие о теории конного вторжения с целью всеобщего опустошения, открыто

разрабатываемой некоторыми вашими офицерами. Я беседовал с несколькими крупными землевладельцами в Восточной Пруссии, которые боятся за свои стада; они громко вызывают к защите от вооруженных пророков «Нового времени», от конницы, которой им угрожает полковник генерального штаба Сухотин, от питомцев Скобелева, Гурко и Драгомирова.

Ваша поездка оказала великолепное воздействие; умы успокоились, язык нашей прессы стал менее горьким, вашей — менее вызывающим. Император Вильгельм воспользовался первой же возможностью для того, чтобы публично заявить, что его отношения с Россией находятся в наилучшем виде; что касается князя Бисмарка, то впервые с августа 1879 года я смог убедиться, что в нем не осталось недоверия. Это значимое достижение, ведь мне не нужно лишний раз убеждать Вас в том, что он всегда хотел только мира».

Я отправил эту копию и оригинал ответа Гирса во Фридрихсру.

30 января. 22-го вечером я отправился с Асташевым на охоту и подстрелил двух волков. **25-го** я вернулся в Петербург; Гирс прибыл накануне вечером. В четыре часа пополудни я отправился к нему, только что вернувшемуся в мундире из Аничкова дворца. Он был доволен состоявшейся аудиенцией и заверил меня, что настроение императора неизменно. О своей поездке Гирс среди прочего рассказал: император Франц Иосиф упомянул о возобновлении договора и выразил удовлетворение тем, что для оного не существует никаких помех; граф Кальноки согласен с министром в том, что известная фраза, которая неизменно вызывает недовольство императора Александра, могла бы быть удалена без ущерба для главного². Что ка-

² Речь идет о третьей фразе первой статьи договора, которая предусматривала, что обязательство сохранять благожелательный нейтралитет сохраняется для каждой из его участ-

сается срока действия соглашения, то Гирс напомнил графу, что именно Австро-Венгрия настаивала на трех годах; теперь может оказаться сложным побудить императора Александра согласиться на более долгий срок, чем это сделал его покойный отец.

Император сказал Гирсу: «Раз Вы так хорошо ладите с генералом Швейницем, почему бы Вам не обсудить это дело здесь с ним?» Министр ответил, что поговорит со мной. По телеграфу меня уполномочили объявить российскому министру, что князь Бисмарк не настаивает на ведении переговоров в Берлине; Гирс очень обрадовался. Вчера во время доклада министр сообщил об этом императору, который разрешил ему вести переговоры со мной. Гирс ответил, что счастлив получить это доказательство высочайшего доверия, однако просит позволения дождаться прибытия князя Орлова; он не стал скрывать от меня, что не хотел бы начинать переговоры без участия посла. «У императора есть определенные пожелания», — сказал господин Гирс. Ход переговоров он представляет себе следующим образом: договоренность со мной, о которой я должен буду сообщить в Берлин, оттуда это передадут в Вену, там выдадут соответствующие полномочия австро-венгерскому послу, а затем состоится подписание.

1 февраля. По желанию господина Гирса я пришел к нему в 11 часов утра. Инструкция князя Бисмарка позволила мне изложить позицию, которую мы занимаем по поводу внутреннего развития Франции. Гирс без всякого стеснения выразил свою радость, сказав, что это именно то, что ему нужно. Он не стал скрывать от меня:

ниц даже в том случае, если вовлеченная в войну держава получит выходящую за рамки договора помощь со стороны другой его участницы. Александр III опасался, что в результате Россия будет вынуждена пассивно наблюдать за тем, как Германия и Австро-Венгрия совместно наносят поражение Франции.

господин Сабуров неустанно пытается убедить императора, что возобновление соглашения в неизменном виде будет означать оставление Франции на нашу милость и ее уничтожение. Теперь, заявил министр, он в состоянии доказать своему монарху, что князь Бисмарк не собирается агрессивно действовать в отношении какого бы то ни было французского правительства — при условии, что оно будет выступать под знаменем мира. Затем он вновь заговорил о «поползновениях», причиной которых стали не только нашептывания Сабурова. Господин Нелидов рисует состояние Турции в самых мрачных красках. Консул в Каире, господин Хитрово, представляет египетские угрозы как весьма актуальные. В результате императору кажется, что Османская империя быстро приближается к своему распаду. Под впечатлением от подобных новостей Его Величество задал вопрос, не лучше ли было бы продлить соглашение всего на один год. Это ошеломившее меня высказывание я отказался принимать всерьез и предоставил министру возможность трактовать слова императора как безобидную игру мыслей. Затем Гирс сказал, что после зрелого размышления считает правильным подписать обновленное соглашение не здесь, а в Берлине, как в прошлый раз; ведь главное — чтобы здесь велись переговоры. Министр не отрицал, что хочет видеть под текстом документа истинно русскую фамилию князя Орлова и надеется для этой цели ускорить его назначение.

2 февраля в четыре часа пополудни я вновь отправился к господину Гирсу. Он только что был с докладом у императора и находился в хорошем настроении. Он получил разрешение спросить телеграммой у барона Моренгейма, не хочет ли тот отправиться в Париж. Князь Орлов прибыл. «Теперь я двинусь вперед с барабанным боем», — сказал Гирс.

6 февраля я вернулся с охоты, направился к Гирсу и обсудил с ним форму нашего соглашения. Вечером был

бал в концертном зале. **7 февраля** я в четыре часа вновь отправился в министерство и представил суть «большого вопроса» как можно четче, яснее и короче. Затем я пообедал у Гирса вместе с Бернгардом, Бисмарком, Долгоруковым и другими. **8 февраля** меня навестил князь Орлов; он принял берлинский пост «без энтузиазма и без отвращения». Мне кажется, он изменился, устал и мрачен. Вечером приехал фельдъегерь; впервые за девять месяцев он привез нечто удовлетворительное. Письмо канцлера очень обрадовало меня; оно гласило:

«Фридрихсру, 1 февраля 1884 года.

Я от всей души благодарю Ваше Превосходительство за текст Вашей переписки с господином Гирсом, которую я прочел с большим интересом. В свете содержания Вашего письма от 8 декабря прошлого года послание Гирса приобретает куда большее положительное значение, чем я предполагал на основании донесения № 2 от 20-го числа прошлого месяца. На мой взгляд, наиболее позитивный симптом того, что ситуация проясняется, — наша жалоба не произвела на императора Александра дурное впечатление. Я объясняю это в первую очередь тем, что Вы хорошо выбрали тональность послания, и радуюсь достигнутому успеху. Я со своей стороны не решался сделать нечто подобное, считая риск слишком большим; быть может, это оттого, что я хуже знаю характер императора Александра. Учитывая политическую важность Вашей корреспонденции, я приобщил ее копию к секретным документам и возвращаю Вам оригинал послания господина Гирса.

Ваш фон Бисмарк»

Результат переговоров, которые я вел в последние дни с российским министром иностранных дел, следующий. Завтра, в субботу 9-го, господин Гирс в виде исключения получит аудиенцию у императора; там он попросит

разрешения передать мне меморандум, в котором будет сказано:

«Петербургский кабинет желает достичь соглашения с венским и берлинским кабинетами по поводу договора от 18 июня 1881 года, в частности, по следующим трем пунктам: 1) третье предложение статьи 1 исключается; 2) во второй строке статьи 2 вместо слов „европейская Турция“ будет сказано „так называемый Полуостров“³; 3) договор продлевается на три года».

От всех остальных предложенных Гирсом поправок, уменьшающих значение договора, я смог его отговорить. Мне удалось также убедить его не писать в послании, предназначенном для князя Лобанова, о своем согласии с графом Кальноки в стремлении отложить на как можно более длительный срок аннексию Боснии и объединение Румелии и Болгарии.

9 февраля. Обед в английском посольстве, оставивший неприятное впечатление из-за странного состава приглашенных. После трапезы у меня состоялся в курительной комнате в высшей степени интересный разговор с господином Гирсом. Он удивлялся тому, что я ничего не говорю, и спросил, получил ли я его письмо. Когда я ответил отрицательно, он был вне себя; письмо отправлено еще в два часа дня! Выяснилось, что курьер сначала выполнял другие поручения и не успел ко мне до семи часов. Гирс рассказал, что во время доклада сделал вышеупомянутое предложение; император был доволен, даже рад и тотчас же ответил согласием. Министр попросил его зафиксировать это согласие в письменном виде, и император написал «согласен» под текстом документа. Сознавая значение происходящего, министр перекрестился, хотя был лютеранином; в ответ на соответствующий вопрос императора Гирс ответил, что сделал это, поскольку

³ Имеется в виду Балканский полуостров.

верит, что совершил большое и доброе дело. Когда в курительную комнату зашел наш любезный хозяин, он оказался неприятно шокирован известием о том, что барон Иксуль заменит господина Моренгейма в Лондоне. «Но как же госпожа Иксуль?» — спросил он испуганно. Министр постарался его успокоить заверениями, что баронесса будет лишь изредка приезжать в Лондон, чтобы повидаться с ребенком. Однако это, похоже, мало утешило сэра Эдуарда, и я убежден в том, что этот странный обед оставил у него скверные впечатления. Мне же он запомнится в первую очередь приятной пятнадцатиминутной беседой в курительной комнате у камина. Смятение доброго Гирса, когда я не заговорил с ним, его испуг, когда он узнал, что я не получил его письмо, затем яркое описание сцены у царя и, наконец, искренняя радость в связи с успехом всего предприятия. Эту радость я разделяю всем сердцем и благодарю Господа, что мне удалось внести в успех свою лепту.

13 февраля. У господина Гирса, который сильно недоволен тем, что королева Виктория не хочет принимать в качестве посла барона Иксуля, поскольку тот женат на разведенной женщине. Вечером у графа Линдена я играл в вист с сэром Эдуардом; его опечалило голосование в Палате лордов, в результате которого вердикт о порицании был вынесен большинством в сотню голосов⁴. Я не смог сдержать недипломатические слова о том, что нет в Англии столь высокого дерева, на каком следовало бы повесить Гладстона.

14 февраля. Официальная газета сообщает, что Мерв добровольно подчинился белому царю. Вечером состоялся

⁴ Речь идет о заседании 12 февраля, на котором Палата лордов вынесла решение о порицании политики британского правительства в египетском вопросе. К этому моменту британско-египетские войска потерпели ряд поражений в борьбе с махдистами в Судане.

бал у великого князя Михаила. Английский посол не читал русской газеты и только на балу узнал большую новость от господина Гирса. Я играл с сэром Эдуардом в вист, и он неизменно проигрывал.

18 февраля. У господина Гирса, получившего добрые вести из Вены: Лобанов телеграфирует, что граф Кальноки собирается направить Волькенштейну предназначенную для показа инструкцию, в которой значится, что он полностью разделяет высказанное господином Гирсом в Вене желание как можно дольше сохранять статус-кво на Полуострове. «У меня сегодня весьма успешный в политическом отношении день, — заявил министр. — Царю нашептали, что Австрия после возобновления договора немедленно аннексирует Боснию; теперь я сверх всех ожиданий получаю письменную гарантию того, что этого не произойдет».

25 февраля. День рождения моего покойного отца. Граф Бисмарк передал мне пожелание своих родителей, чтобы я отправился в отпуск чуть позже и он смог бы оказаться в Берлине 1 апреля⁵. Я отказал мягко, но решительно; неприятная сцена!

27 февраля. Во второй половине дня я долго пробыл у Гирса; мы говорили о турецко-английских переговорах по поводу Египта и о Вене. Затем после долгих предисловий, просьб о сохранении секретности и уведомления, что он обращается ко мне по поручению Его Величества, министр сообщил: Николай Долгоруков отправил императору Александру письмо, в котором рассказал о своем визите во Фридрихсру и затронул вопросы, относящиеся по высочайшему повелению к исключительной компетенции посла. «Я знаю этого Долгорукова, — сказал Его Величество, — я знаю всех этих Долгоруковых; Орлов обладает моим полным доверием». Я ответил министру, что по своему опыту могу прекрасно представить себе такую

⁵ 1 апреля князь Бисмарк отмечал свой день рождения.

ситуацию; в 1866 году, когда нашим посланником здесь был граф Редерн, не сумевший сориентироваться в новых условиях, мне буквально упала в руки задача вести дипломатические переговоры с покойным императором; когда на следующий год сюда прибыл принц Рейсс, я больше не произносил по собственной инициативе ни одного слова о политике; именно так должен вести себя российский военный уполномоченный в Берлине. Визит Долгорукова во Фридрихсру рассердил императора и вызвал недоверие даже у Гирса; уполномоченный, к сожалению, зашел так далеко, что слишком рано выставил на открытый воздух мой нежно лелеемый цветок — идею охоты князя Бисмарка в Белой Веже — и тем самым погубил его. Одним словом, император Александр считает, что князь Долгоруков хочет ради собственного возвышения сделать отношения с нами слишком нежными.

28 февраля. Господин Катакази⁶ навестил меня и сказал среди прочего следующее: «Назначение Орлова произвело скверное впечатление в некоторых, в особенности московских кругах; повсюду видят руку Бисмарка. Неизбежна реакция, в том числе у императора; он принял нынешнюю программу, как послушный ребенок принимает лекарство, которое считает невкусным. Господин Гирс, вероятно, не вполне осознает опасность, которая заключается в том, что его обвинят в слишком большой уступчивости по отношению к Германии. На ближайшее будущее нам, конечно, не остается другого выбора, чем сохранять с вами как можно лучшие отношения. Но, повторяюсь, наступит реакция, если национальное чувство будет уязвлено с какой-либо стороны и если вы не сделаете для нас ничего реального, а ограничитесь заверениями в дружбе. Я ответил: Вы сами окажетесь в затруднении, если

⁶ Константин Гаврилович Катакази (1828–1890) — российский дипломат, в 1869–1872 годах посланник в США, в 1884–1890 годах советник посольства во Франции.

я попрошу Вас конкретно указать, что именно Германия должна для вас сделать. Ни до, ни после Турецкой войны ваше правительство так и не захотело сказать нам, чего оно, собственно, хочет. Мы уже делаем весьма реальную вещь, давая вам возможность привести в порядок внешние и внутренние дела, не тратясь на вооружения.

В последнее время я много писал о Средней Азии. Невозможно отрицать, что своим жестоким ударом по теке-туркменам генерал Скобелев совершил деяние исторического масштаба. Благодаря игре случая два самых беспокойных ума России — граф Игнатьев и князь Дондуков-Корсаков — одновременно оказывают влияние на среднеазиатские дела, соперничая друг с другом. Первый является президентом туркестанской комиссии, второй — генерал-губернатором Кавказа, которому подчинена и закаспийская область, то есть в том числе Мерв. Граф Игнатьев использует свой пост, чтобы вновь получить прямой доступ к Его Величеству, и я с удовольствием наблюдаю, как он посвящает свою неустанную энергию неинтересному для нас сюжету. Если предоставить ему свободу рук, он может увести Россию далеко от нас. Сначала, конечно, он хочет только порядка и экономии и внешне полностью согласен с программой братьев Гирс, требующей «не политики, но хорошего управления». Два генерала с немецкими фамилиями — Рерберг в Закаспийском крае и Розенбах в Туркестане — должны позаботиться о порядке в управлении и спокойствии в отношениях с соседями. Но я и сейчас думаю так же, как двадцать лет назад, когда, будучи военным уполномоченным, писал, что фраза «*volentem ducit, nolentem trahit*»⁷ прекрасно описывает положение русских в Центральной Азии.

12 марта. После завершения карнавала, во время которого двор танцевал 36 раз, у меня начались спокойные дни. **4-го** я получил инструкцию с заданием передать

⁷ «Желающих ведет, нежелающих тащит» (лат.)

императору Александру прилагаемое собственноручное письмо императора Вильгельма, написанное 2 марта, в годовщину смерти императора Николая. Я попросил господина Гирса выяснить пожелания Его Величества по поводу организации аудиенции и получил ответ, что церемония должна проходить точно так же, как при покойном императоре⁸.

22 марта. В пять часов я отправился в Гатчину, где состоялся парадный обед на пятьдесят персон. Я сидел между императрицей и княгиней Кочубей и отлично провел время. После этого императрица милостиво побеседовала со всеми секретарями. Об этом ее попросил Гирс, полупутя сказав: «Не забывайте, что Вы — императрица всяя Руси и все, что Вы делаете, служит моей политике». Ее Величество прежде всегда несколько прохладно относилась к Герберту Бисмарку. На обратном пути Гирс пришел в мое купе и говорил без перерыва больше часа. Я немного устал, сказать мне было нечего, но я радовался возможности еще раз послушать его оценку общей ситуации. Он попросил меня передать в Берлин, что положение дел весьма удовлетворительное и стабильное. В посольстве я нашел телеграмму, сообщавшую, что господину Гирсу пожалован орден Черного Орла. У нас снова не знают меры и вредят Гирсу, как ранее Шувалову, слишком явно выделяя его в качестве нашего друга. Я немедленно отправился к нему, чтобы сообщить новость. Он был очень испуган, когда ему доложили о прибытии немецкого посла в двенадцатом часу ночи; он подумал, что в Берлине случилось нечто ужасное; узнав о награде, он искренне обрадовался. Я выпил с ним чашку чая и отправился на бал немецких резервных офицеров.

⁸ Аудиенция состоялась 9 марта; Александр III заявил, что ожидает от продления Союза трех императоров большой пользы для российско-германских отношений, однако от обсуждения отношений с Австро-Венгрией уклонился.

23 марта я отправился в Берлин. Из проведенных в поезде 42 часов я проспал не меньше двадцати. Благодаря моим сообщениям, переданным Норманном, Лендорфом и Гербертом, я вскоре после прибытия в «Кайзерхоф» получил известие о том, что император примет меня в половине пятого, кронпринц с супругой — в десять, князь Бисмарк — в час. Сначала я отправился к князю Орлову, передал ему полномочия и личное письмо от господина Гирса; мы расстались, неоднократно обнявшись. Во дворце кронпринца я оставался в течение двух часов; он выглядел великолепно, был в хорошем настроении и весьма интересно рассказывал о своем путешествии⁹. Указание отправиться в Рим застигло его врасплох, когда он уже покинул Мадрид; Бисмарк полагал, что принц не может дважды пересечь итальянскую территорию, не поприветствовав короля Умберто. «С большим удовольствием, — ответил кронпринц, — но тогда я должен навестить и папу». Таким образом, именно он стал инициатором этого важного политически и одновременно благородного шага. Его беседа с умным и любезным папой приобрела интересный оттенок, поскольку Его Святейшество отказывался верить, что принц прибыл без какого-либо делового поручения, из чистой вежливости. Только когда принц после первых уклончивых ответов дал совершенно ясный, первосвященник искусно поддержал тональность беседы, которую кронпринц избрал с самого начала, и они расстались в полной гармонии.

Моя беседа с канцлером получилась не слишком ободряющей. Он не сказал ни слова о том приеме, который встретил у меня его сын; по поводу успешных переговоров о соглашении он тоже не нашел ни слова благодарности. Когда он упомянул о плане встречи императоров в Белой Веже и приписал эту счастливую идею себе и Герберту, я

⁹ Речь идет о визите Фридриха Вильгельма в Испанию в ноябре-декабре 1883 года.

не смог удержаться и объяснил ее истинное происхождение — начиная с головы зубра в моей рабочей комнате — а затем добавил, что из-за слишком поспешных действий после визита Долгорукова во Фридрихсру ее исполнение поставлено под вопрос. Когда я сказал, что для меня приближается момент конфликта между деловыми и семейными обязательствами, князь ответил, что был вынужден часто на годы расставаться со своей семьей. Я не стал поправлять его — речь шла скорее о месяцах, — однако заметил, что есть большая разница между отправкой семьи в собственное поместье и необходимостью мыкаться по гостиницам. Для меня вопрос заключается в том, действительно ли я так необходим, что мои просьбы об отпуске будут удовлетворяться, или эти просьбы будут использованы вместе с другими сюжетами для того, чтобы вытеснить меня. У императора я пробыл три четверти часа; у меня сложилось впечатление, что, несмотря на мелкие и быстро проходящие эпизоды забывчивости, он очень хорошо знает, что происходит, знает свои интересы и свою власть и полон твердой решимости никому ее не уступать. В шесть часов я пообедал у князя Бисмарка и вечером отправился в Висбаден.

18 апреля, Висбаден. Эти дни были неописуемо счастливыми, но прекрасная пора быстро пролетела, и близится ее конец. Уже одного этого хватает, чтобы опечалить меня, но добавляется еще и плохая погода, словно весна заканчивается вместе с моим отпуском. В политическом отношении последние недели оказались весьма спокойными; уже давно Европа во время таяния снегов не была столь мирной, как теперь. Главная причина — наши хорошие отношения с Россией.

6 мая, в охотничьем домике у Наума. Утром **22 апреля** я выехал из Висбадена; Анна проводила меня до вокзала, и наше расставание в этот раз было особенно тяжелым и болезненным. На следующий день в половине одиннадцатого я отправился к князю Бисмарку; он хорошо себя

чувствовал, но беспокоился из-за княгини, которая уже месяц не вставала с постели. Князь жаловался на нехватку рабочих сил в министерстве и планировал перевести своего сына Герберта в центральный аппарат после того, как тот некоторое время побудет посланником. Приближаются кадровые перемены, пост в Карлсруэ свободен, и великий герцог указал на графа Герберта как на наиболее желательного из множества названных ему на выбор кандидатов; однако император считает, что Герберта в данный момент нельзя отозвать из Петербурга. Я ответил, что не разделяю этого мнения; граф Герберт, безусловно, добился множества успехов в российской столице, оказал мне исключительно большую помощь благодаря своему профессионализму и работоспособности, но следует только приветствовать его скорый перевод на более высокую должность. Я совершенно искренне сообщил князю, что у меня еще не было секретаря, который справлялся бы с делами — как рутинными, так и из области высокой политики — с такой серьезностью и усердием, как его старший сын. Князь ответил, что Герберт, как и он сам, принимает дела государственные близко к сердцу; о службе он заботится, как о самом себе. Канцлер заявил, что и он сам полностью отождествил себя с государством и его интересами. Он не говорит, подобно Людовику XIV, «государство — это я», но «я — это государство». При этих словах мне вспомнилось, как я однажды сказал Герберту Бисмарку, что сад за дворцом рейхсканцлера и примыкающий к нему Тиргартен в какой-то степени заменяют его отцу леса Варцина и Фридрихсру. Тот ответил, что парк дворца Радзивиллов действительно большой и красивый, но его отец говорит: «Что мне не принадлежит, то меня не интересует».

Множество авторов, которые в будущем станут писать книги о князе Бисмарке, не должны обходить вниманием эту прекрасно подмеченную здесь особенность: умение полностью соединять эгоизм с патриотизмом. Я вижу

в этом столько же самопожертвования, сколько и себялюбия, но в первую очередь эффективное сосредоточение всех сил, данных этому человеку свыше. Это не сознательный чиновник, оставляющий все служебные заботы в своем бюро, за пределами семейного круга; не блестящий государственный деятель, сверкающий в салонах волшебством своих политических успехов. Князя Бисмарка можно сравнить с теми императорами, которые одинаково заботились и об империи, и о своей личной власти; у него много общего с Гогенцоллернами, например ярко выраженная страсть к приобретениям, радость от обладания и талант господствовать. Если бы у нас не было династии, Бисмарк основал бы ее; если бы в Берлине правили Меровинги, он стал бы Пипином. Но в нынешней счастливой ситуации я в ходе разговора не вполне в шутку заявил, что Герберта называют Питтом-младшим. «Ну да, — ответил князь, — но сын лорда Четема стал премьер-министром уже в 23 года». Я возразил: «В эпоху императора Вильгельма и наших фельдмаршалов представления о возрасте совершенно изменились».

От князя я отправился в бюро и читал документы; ничего особенного за время моего отпуска не произошло. Далее я отправился к графу Гатцфельдту, гулявшему по своему прекрасному саду; он горько жаловался на разделение обязанностей в ведомстве иностранных дел, которое сводит всех в могилу. Младшего статс-секретаря Буша пришлось снова отправить в отпуск, господин фон Бояновски сильно болен, и если он сам еще жив, то только благодаря саду.

Отсюда я поспешил к кронпринцессе; она была очень опечалена смертью своего брата Леопольда. У нее сильное чувство принадлежности к семье, она нежно любит мать и братьев, хотя не всегда встречает взаимность. Ей было больно, что возлагавшиеся на Баттенбергского надежды рухнули; однако в первую очередь она не хотела, чтобы стало известно, как сильно она желала этого союза.

У Бисмарка по этому вопросу состоялся разговор с ней и с кронпринцем, в ходе которого канцлер сказал: выдать за князя Болгарии прусскую принцессу — все равно что бросить маршальский жезл через стену осажденной крепости. Кронпринцесса признавала его правоту. Мы еще быстро поговорили о литературе и других сюжетах, после чего я поспешил к императору. Он был так же бодр и весел, как перед недавней болезнью, и говорил с интересом и юмором о внутренней и внешней политике. Император заявил, что графа Герберта нельзя забирать из Петербурга; я почтительно возразил и добавил, что князь летом не сможет обойтись без своего сына. Я также заявил, что по семейным обстоятельствам вынужден просить о длительном отпуске в июле; император с обычной добротой ответил, что находит это вполне естественным.

Мне осталось совсем немного времени для того, чтобы повидаться с братом, навестить графиню Брюль и решить некоторые вопросы; в шесть я обедал у канцлера. Я обсудил с ним историю «болгарской свадьбы», чтобы понять, как много о ней знают в Петербурге; к счастью, не знают ничего. Там считали, что речь идет о принцессе Беатрисе, и были этим очень испуганы. С восьми до девяти я снова был у кронпринцессы, затем до десяти без четверти — у кронпринца. В одиннадцать я отправился в путь. На вокзале я встретил князя Николая Долгорукова; со мной вместе ехал господин Половцов.

21 мая, Санкт-Петербург. С момента возвращения я вижу безрадостные вещи. Осенью благодаря стремительному вмешательству князя Бисмарка российская внешняя политика приобрела стабильный и позитивный характер. Однако внутри империи не было сделано ничего, чтобы использовать предоставленную нами великолепную возможность и действовать согласно династическим, экономическим и политическим интересам. Генерал Трепов сказал мне, что откровенно заявил императору: монарх обязан показаться армии, необходимо летом от-

правиться в путь, посетить армейские лагеря на западе и юге. Я сомневаюсь, что это было сказано настолько прямо; в любом случае, генерал не сообщил мне монаршего ответа. Примечательно, насколько все боятся что-нибудь сказать императору, который и сам пассивен, и лишает инициативы своих слуг. Между министрами еще меньше сотрудничества, чем обычно. Остается только констатировать, что Мерв аннексирован, а генерал Обручев и адмирал Шестаков¹⁰ продолжают работать в том же направлении, что и до провозглашенного с таким шумом восстановления добрых отношений с нами — которые в действительности ни тогда не были столь плохими, ни сейчас столь прекрасными, как все вокруг уверены. При любой возможности я сообщаю в Берлин, что мы уже достаточно обменялись любезностями, и было бы правильно воздержаться от бесплодных демонстраций, пока Россия не сделает чего-нибудь существенного, то есть не отведет кавалерию от границы.

10 мая я навелstil графа Волькенштейна, сообщившего мне, что ему поручено задать в Петербурге вопрос, уместен ли будет визит высокопоставленного генерала, который передаст наследнику престола по случаю совершеннолетия орден святого Стефана. После доклада императору господин Гирс ответил, что монарх желает избежать всего, что могло бы смутить цесаревича, и ограничить торжества самым минимумом. Короче говоря, дружеское предложение оказалось отклонено. Я отправился к Гирсу, но не стал касаться этого вопроса, а заговорил о Египте, Восточной Румелии, пошлине на нефть, греческих опантах, нарушениях нашей границы и третировании наших импортеров русскими таможенниками. Я также поздравил его с большим успехом — назначением (благодаря нам)

¹⁰ Иван Алексеевич Шестаков (1820–1888) — российский флотоводец, адмирал, в 1882–1888 годах управляющий Морским министерством.

Крестовича преемником Алеко¹¹, и добавил, что считаю трудносовместимыми нашу дружбу в Филиппополе и вражду в Эйдткюнене¹². Он пообещал позаботиться о том, чтобы высокопоставленный чиновник проехал вдоль границы и разъяснил служащим необходимость добрососедских отношений.

12-го утром князь Бисмарк прислал мне телеграмму о том, что приедет принц Вильгельм, чтобы вручить наследнику престола орден Черного Орла и сообщить о его зачислении в списки Александровского полка. Еще накануне вечером я получил инструкцию, поручавшую мне передать награды в тот же день, что и мой австрийский коллега. Раньше, когда я ожидал приезда австрийского генерала, я писал в Берлин, что не считаю аналогичный шаг с нашей стороны уместным. Внезапная перемена в нашей столице должна была произойти вечером 10-го или утром 11-го. Я тут же отправился к Гирсу, который на следующий день пришел ко мне сразу же по возвращении из Гатчины и заявил, что император с радостью примет принца. В Берлине нарушают мои круги¹³, чрезмерной обходительностью подталкивая Россию к опасному заблуждению, что мы готовы пожертвовать Австрией. Граф Волькенштейн навестил меня, чтобы поблагодарить за то, что я немедленно известил его об изменившихся планах по поводу передачи ордена; в Вене об отправке принца узнали только из его телеграммы. Я дал прощальный обед в честь Герберта Бисмарка, все прошло очень весело.

¹¹ Речь идет о назначении Гавриила Крыстевича (1817–1898) османским генерал-губернатором Восточной Румелии.

¹² То есть сотрудничество в болгарском вопросе и таможенные споры.

¹³ Отсылка к знаменитой фразе Архимеда, якобы сказанной им перед смертью римскому солдату: «Не нарушай мои круги», то есть чертежи.

Тем временем прибыл фельдъегерь, который не привез мне ничего, кроме нескольких устаревших докладов из Египта, Афин и Марокко. Граф Герберт получил восьми-страничное собственноручное письмо отца, которое наполнило его гордостью и счастьем. Он сказал: «Я получаю столь длинное отцовское послание впервые с 1870 года, когда лежал раненый в лазарете после Марс-ла-Тура». Граф прочел мне письмо, которое оказалось полностью оправдывающим старания фельдъегеря. Князь мастерски и с большой ясностью рисует сумятицу, созданную историей с помолвкой Баттенбергского; желание лишить болгарского монарха либо невесты, либо трона, либо обоих вместе несокрушимо. Одобрен другой свадебный проект — за наследника престола охотно отдадут принцессу Маргариту. Теперь я понимаю, почему сюда отправляют принца Вильгельма. Герберт Бисмарк ведет себя совершенно лояльно по отношению ко мне, ничего от меня не скрывая. Однако мне неприятно, что князь совершенно обходит меня и, казалось, забывает о том, что именно я создавал и развивал отношения с новым российским режимом, причем зачастую вопреки его взглядам, которые оставались негативными даже во время первой поездки Гирса и коронации. В ином случае поворот, предпринятый канцлером прошлой осенью, стал бы невозможен.

Чтение письма дало повод к интересному разговору, из которого мне стало ясно, что некоторые верят в возможность отказа кронпринца от трона в пользу комфортного существования богатого частного лица. Я воспользовался случаем и рассказал о беседе, состоявшейся у меня с кронпринцем два года назад на охоте в Висбадене; я высказал свое твердое убеждение в том, что королевская власть Божьей милостью не терпит произвольного вмешательства, и только в самом крайнем случае при явной неспособности монарха к правлению можно прибегать к средствам вроде того, которое было использовано в Австрии

в 1848 году¹⁴ — где, возможно, не имелось другого выхода. Интересно, но болезненно наблюдать за тем, как новое поколение вырастает над головами старого¹⁵ — я не могу отрицать, что именно это сейчас и происходит. Однако я принадлежу кронпринцу.

22 мая для принца¹⁶ был организован очень милый обед в Аничковом дворце; я еще не видел царя столь веселым и разговорчивым. Затем мы все поехали на Московский вокзал, и принц отправился домой. Я поблагодарил императора за сердечный прием, оказанный внуку моего государя, а он выразил искреннюю радость по поводу визита. В итоге весьма неприятный для меня эпизод закончился весьма удовлетворительно. В своих посланиях в Берлин я указываю на то, что преувеличенная нежность, которая прошлой осенью пришла на смену нашему прежнему досадному недружелюбию, подталкивает русских к уверенности в том, что они могут демонстрировать австрийцам свое плохое настроение. Национальная агитация славянофилов, ослабленная нашими усилиями, уступила место религиозной, направленной против Австрии. И теперь в России — в меньшей степени в Петербурге, в большей в Москве и провинции — есть много богатых и влиятель-

¹⁴ Речь идет об отречении от престола австрийского императора Фердинанда I, правившего с 1835 по 1848 год. Император страдал от различных заболеваний, практически лишивших его возможности участвовать в публичных церемониях и ограничивавших его способность заниматься государственными делами. В условиях начавшейся в Австрии революции отрекся от престола в пользу своего племянника Франца Иосифа.

¹⁵ Именно в этот период стало очевидным формирование вокруг принца Вильгельма кружка представителей молодого поколения, среди которых большую роль играл Герберт фон Бисмарк. Они делали ставку на приход принца к власти в обозримой перспективе.

¹⁶ Имеется в виду принц Вильгельм, прибывший с визитом в Петербург.

ных людей, которые испытывают отвращение к политическому панславизму из-за его революционного характера, но в вопросах религии готовы к борьбе и уверены в поддержке народных масс. Из них состоит армия господина Победоносцева. С тех пор как отношения России с нами приобрели исключительно позитивный характер, все ярче проявляется ненависть к Австро-Венгрии — как в прессе, так и в агитации среди русинов. Дружественный ответ на нашу предупредительность основывается не столько на кардинальном изменении отношения к нам, сколько на надежде на ослабление уз, связывающих нас с монархией Габсбургов — уз, которые сегодня более необходимы, чем во времена Александра II.

Я попросил графа Бисмарка записать для своего отца содержание разговора, состоявшегося у него с господином Победоносцевым и пришедшим к последнему господином Катковым. Прокурор Святейшего Синода метал громы и молнии в Австро-Венгрию, в особенности напирая на «дьявольские» поползновения иезуитов в Галиции и Боснии. Когда к разговору присоединился господин Катков, он *par nobile fratrum*¹⁷ основательно ругался на католиков, венгров и поляков; после оба моих собеседника сошлись в весьма христианском пожелании, чтобы новое польское восстание дало возможность совершенно задавить католицизм и идентичное с ним полячество. Господину Гирсу внушают, что Россия должна предпринять в Вене шаги в защиту угнетенных угро-русских братьев. Министр заявляет, что это недопустимо, но не сможет долго отстаивать свою точку зрения, если иезуитская пропаганда среди униатов не остановится. Поскольку обе стороны — и католическая, и православная — действуют наступательно при поддержке соответственно поляков и славянофилов, господин Гирс, возможно, не был так уж неправ, сказав мне 21-го: «Это кончится плохо».

¹⁷ Один другого стоит (*лат.*)

25 мая вечером граф Бисмарк пришел, чтобы поговорить со мной перед отъездом. Я сказал ему, что наша избыточная нежность в отношении России опасна для сохранения мира, поскольку здесь воображают, что мы бросим австрийцев и потом присоединим их немецкие провинции. На следующее утро, незадолго до его отъезда, у нас состоялся еще один серьезный разговор. «Постарайтесь сблизиться с кронпринцем, — сказал я, — группировка молодежи вокруг принца Вильгельма представляет угрозу. Я видел, как двор в Кобленце стал оппозицией Фридриху Вильгельму IV, а позднее кронпринц выступал против своего отца. Мы должны предотвратить повторение чего-то подобного или, быть может, нечто еще худшее». После этого граф попрощался со мной самым сердечным образом.

28 мая, сегодня, я был у господина Гирса. Последний сказал мне, что граф Волькенштейн анонсировал приезд делегации полка императора Александра на свадьбу великого князя Сергея; император этого не хотел и собирался отказать. Только после настойчивых уговоров со стороны министра царь уполномочил Гирса предложить послу направить одного офицера. Гирс постарался по возможности подсластить эту пилюлю, направив послу весьма теплое письмо. Однако разлад все ближе.

7 июня. Рано утром я прочел в газете телеграммы из Белграда и Софии, в которых говорилось о сербо-болгарском конфликте. Я отправился к Гирсу, только что приехавшему из Гатчины; тот заявил, что болгары поступили весьма неумно, если они и правда выбили сербский пост из Бреговы. Сербь, в свою очередь, были неправы, оккупировав территорию, которая являлась их частной собственностью, однако находилась в границах Болгарии. Как бы то ни было, правительство князя Александра должно было бы испробовать все дипломатические средства, прежде чем применять силу. Господин Гирс телеграммой проинструктировал российского посла в Вене попросить графа Каль-

ноки призвать Белград к умеренности. Волькенштейн посетил меня и прочел длинную и весьма резкую телеграмму Кальноки по вопросу болгарских капитуляций. Я посоветовал ему не зачитывать текст Гирсу, но он пренебрег моим советом, и в итоге состоялся весьма неприятный диалог касательно епископа Михаила. Я написал в Берлин, что дело этого «мученика» нужно отделить от проблемы подстрекателей к беспорядкам, разделить церковное и революционное. Князь Бисмарк послал мне из Фридрихсру довольно тревожную телеграмму; ему всюду видится теперь рука Англии.

9 июня я отправил господина Годафруа к Гирсу в Гатчину, чтобы узнать, что он слышал и как действовал в сербо-болгарском вопросе. Гирс написал мне: «Я полностью согласен с мнением князя Бисмарка, что три двора должны действовать сообща, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя партиями. Завтра я представлю эту идею императору и уверен, что Его Величество одобрит ее».

11 июня утром я вместе с графом Волькенштейном отправился в министерство. В вопросе южнославянского конфликта все обстоит хорошо. Граф рассказал мне, что, по словам Гирса, император Александр намерен быть в Варшаве во второй половине августа по старому стилю; Лобанову поручено осведомиться в Вене о планах императора Франца Иосифа на осень; вероятно, удастся организовать встречу монархов.

18 июня. Мне поручено спросить господина Гирса, что он думает по поводу англо-французского соглашения¹⁸

¹⁸ 16 июня Великобритания и Франция достигли соглашения, в соответствии с которым полномочия Комиссии египетского долга расширялись, а английские войска должны были быть выведены из Египта до 1888 года. Два дня спустя в Лондоне открылась конференция, на которой стороны, однако, не смогли прийти к окончательной договоренности.

и считает ли он, что можно добиться участия Турции или согласия с ее стороны задним числом. Мне было очень интересно наблюдать за министром, когда я спросил его, считает ли он допустимым игнорировать происходящее. Господин Гирс думает медленно, но верно и стратегически. Сначала он сказал: «Это будет непросто». Затем вспомнил русский флот, вошедший в 1832 году в Босфор, чтобы защитить султана, русские лагеря на высотах Скутари и времена, когда он, будучи русским консулом в Дунайских княжествах, всегда должен был учитывать права державы-сюзерена, даже когда выступал против нее. Он представил масштабную фигуру императора Николая и его политику, которая при всем своем высокомерии все же уважала права даже нехристианского монарха. Опираясь на это, он изобразил последствия, какие будет иметь для России такой насильственный шаг, как отделение Египта от Османской империи. Он четко видел, что тогда окажется невозможно сдерживать силы, которые мы обуздывали с таким трудом, и что славянофильская партия начнет бурно требовать проведения политики, которую император не сможет контролировать, а он, министр, не сможет ни помешать, ни руководить ею. В итоге он заявил мне, что Россия по-прежнему уважает права суверенной державы и существующие договоры. Если Египет будет нейтрализован, как того хочет Англия, то славянофильская партия вновь усилится и потребует Проливы.

20 июня. Я навестил господина Гирса в Гатчине и обедал с его семьей; до этого мы много говорили о политике. Сэр Эдуард Торнтон прислал министру ноты касательно Египта, которыми обменялись лорд Гренвилл и господин Ваддингтон; Гирс не хочет отвечать, пока не узнает нашу позицию. Я повторил министру, что мы не считаем участие Турции в конференции обязательным, однако желательным. Добиться ее согласия задним числом, к примеру с помощью повторной «демонстрации в Дуль-

синьо»¹⁹, — не наше дело. Князь Бисмарк сказал: «Это не наша задача — заботиться о соблюдении договоров другими державами, но сами мы не собираемся их нарушать». Разве это не то же самое, что сделал лорд Дерби в 1867 году, когда Англия гарантировала нейтралитет Люксембурга с циничным уточнением: она ничего не станет предпринимать, если другие не будут уважать этот нейтралитет? Тогда еще удивлялись, что государственный деятель, уважающий себя и свою страну, мог сказать нечто подобное. Теперь высказывание Бисмарка каждый сочтет совершенно естественным; мы прошли долгий путь с 1867 года! В сербо-болгарском конфликте Гирс по совету господ Жомини и Зиновьева кое-что удалил из программы, которую мы сформулировали 16-го. Теперь он об этом жалеет, потому что дело стало в результате более запутанным и затяжным. Он хочет вернуться к простому принципу: успокоение двух малых, принятие решений тремя большими.

22 июня. В Петрикирхе, где пели любимый псалом моего покойного брата Бодо: «Душа, зачем утомляешь себя ты делами земными?» Длинная телеграмма из Берлина предписывает дальнейший образ действий: наши представители в Софии и Нише пишут реляции — идентичные в том, в чем они согласны, различающиеся в том, по поводу чего они не договорятся. Этот материал будет представлен некой квазиконференции, которая пройдет, например, в Берлине и по итогам которой три двора сообщат свои настоятельные рекомендации обеим заинтересованным сторонам. Я навестил графа Валучева и пообедал с мадам Нелидовой у графини Клейнмихель.

25 июня у меня состоялся весьма серьезный разговор с господином Гирсом. Он очень недоволен Сербией и не доверяет Австрии, но делает все, что в его силах, чтобы не

¹⁹ Военно-морская демонстрация великих держав осенью 1880 года, призванная оказать давление на османские власти в их конфликте с Черногорией.

умножать недоверие императора Александра. Он сказал: «Разумеется, я не хочу войны с Австрией, но поверьте, она ведет себя нечестно; она имеет обязательства перед королем Миланом, поскольку вынудила его сместить Михаила и вовлекала в аферу Бонто²⁰».

27 июня. Граф Волькенштейн пришел ко мне и сообщил содержание длинной телеграммы, в которой граф Кальноки защищает действия Сербии и раздраженно отвергает российские упреки.

30 июня. Вчера я сидел за письменным столом с девяти до часу и с четырех до семи; я написал и лично запечатал тайный отчет, касающийся отношений петербургского и венского кабинетов. Я без комментариев привел краткие биографические характеристики императоров Александра и Франца Иосифа и подчеркнул, что последний из них, приобретя в результате русско-турецкой войны две провинции, демонстрирует больше недовольства и раздражительности, чем первый, империя которого понесла в той же войне столь большие потери. Я намекнул, что было бы неплохо подсказать правительству в Вене, что оно не должно особенно беспокоиться о делах Румелии и Болгарии, а радоваться тому, что его влияние в Сербии считают легитимным.

9 июля я выехал из Петербурга. Утро оказалось спокойным, хотя я полагал, что сделал все дела. Господин Гирс навестил меня, вернувшись из Гатчины. В отношении сербо-болгарского конфликта он безоговорочно поддерживает германо-австрийскую интерпретацию инструкций; квазиконференция должна, по его мнению, состояться в Берлине. Белградскому епископу Михаилу он хочет дать

²⁰ «Афера Бонто» — банкротство в 1882 году французского финансиста Бонто, обладавшего рядом концессий на строительство и эксплуатацию железных дорог на Балканах. Это событие нанесло Сербии значительный экономический ущерб.

должность в киевском монастыре. Невозможно ожидать от России большей уступчивости.

11 июля вечером я приехал во Франкфурт-на-Майне и в открытом экипаже отправился в Хомбург, вспоминая о тех временах, когда часто проделывал тот же путь, платя по дороге пошлину четырем разным государствам: Франкфурту, Гессен-Дармштадту, Кургессену и Хомбургу. Это настоящее удовольствие — ехать по Германии в такое время года, наблюдая на всех полях от Эйдткюнена до Таунуса обилие созревающего хлеба. За всю поездку я не видел ни одного плохо обработанного или неурожайного клочка земли. Прекраснее всего мне показался последний участок между Майном и Лесистыми горами, через Бонамес и Нидду; в сумерках при восходящей луне я ехал среди фруктовых деревьев, чьи отяжелевшие под тяжестью плодов ветви склонялись к густой высокой пшенице. После десяти я прибыл в Хомбург, однако не смог застать Анну дома — она ждала меня на вокзале. Я поспешил к ней, и мы встретились под высокими вязами бульвара. Затем мы пошли к детям; Вильгельм и Элеонора еще не успели уснуть, остальные мои любимые погружены в глубокий сон. Хвала Всевышнему, все здоровы. Затем были четырнадцать дней счастья, домашних радостей и робкого беспокойства. В длительном отпуске мне было отказано со столь резкой решительностью, что я вынужден был предполагать либо приближение серьезных политических проблем, либо направленные лично против меня махинации. Поскольку первых я на горизонте не наблюдал, то по своей недоброй привычке погрузился в полные ипохондрии размышления. Однако серьезным поводом для волнения являлось лишь предстоящее семейное событие, с которым неразрывно связано мое беспокойство и дату которого невозможно угадать. Благодаря милости Господа все свершилось наилучшим образом: **23 июля** у нас родился здоровый мальчик, и Анна чувствовала себя так хорошо, что я **26-го** смог отправиться в путь.

27 июля во второй половине дня я прибыл в Варцин. У господского дома мне сказали, что все семейство отправилось гулять — пешком или верхом. Я удалился в прекрасную комнату, которую мне обычно отводят, и сменил свой пыльный с дороги костюм; в этот момент вошел князь. Он дружелюбно поприветствовал меня и извинился за то, что не встретил по приезде, после чего сказал: «Благодарю Вас за то, что Вы не стали настаивать на продлении отпуска; частью из-за конференции, частью из-за запланированной встречи монархов мне хотелось бы, чтобы Вы сейчас отправились в Петербург». Это разом прояснило ситуацию; проявленная в отношении меня жесткость имела не личные, а деловые мотивы. Князь, утомившись от долгой прогулки по полям и лесам, сел в кресло, пока я надевал сюртук. Без долгих предисловий канцлер сообщил, что император хочет использовать поездку царя в Польшу, чтобы нанести ответный визит после Данцигского свидания. Я ответил: «Предлагать нечто подобное может только Ваше Сиятельство; я никогда не рисковал такое советовать, во-первых, из-за возраста нашего господина, во-вторых, из-за проходящих в это время больших маневров на Рейне, в-третьих, из-за угрозы покушения, связанной с визитом». Канцлер ответил: «Маневры нужны для подготовки к войне, но не лучше ли предотвратить ее императорским визитом? Что касается угрозы покушения, то я, конечно, с удовольствием бы остался здесь, в Варцине. Как бы то ни было, император уже заявил о своей готовности ехать».

Затем мы отправились к столу — князь, княгиня, оба сына и я. Давно я не видел, чтобы он ел так беззаботно и с таким хорошим аппетитом. Подавали балтийскую камбалу, великолепное жаркое из дичи и холодное шампанское, за которым по особому распоряжению князя последовал один из лучших имевшихся у него сортов бордо — «Шато Кирван» — и по желанию Герберта бургундское высшего сорта. Затем мы отправились в сад,

но из-за прохладной погоды не стали задерживаться там надолго. Вскоре мы уже сидели в угловой комнате возле бильярдного стола; в камине трещали буковые поленья. Речь шла о политических и личных делах; князь курил трубку, я — большую сигару, и час или два мы провели самым приятным образом. Затем канцлер ушел. Я прочел еще несколько депеш, которые мне принес граф Билл²¹, и долго говорил с Гербертом; с 11 до 12 часов мы собрались за чаем у княгини.

28 июля, в понедельник, я рано утром вышел в сад. Некоторые розы и стоявшие поблизости старые липы были еще в цвету и распространяли чарующий аромат. Над дубами и буками парка, росшими на пологом склоне, сияло безоблачное небо. В свежей и одновременно теплой лесной атмосфере я почувствовал бодрящий оттенок морского воздуха. Было настоящим удовольствием дышать этим ароматным северным летом. Я долго стоял в одиночестве на середине склона в тени буков. Потом я немного погулял с Гербертом, и мы отправились завтракать. После окончания трапезы граф Билл начал доклад; время от времени князь писал карандашом на полях свое решение. Некоторые бумаги он передал мне; Билл записывал его устные замечания.

Один из эпизодов этой сцены достоин отдельного рассказа: он не просто важен сам по себе, но и очень хорошо показывает, как отец и два сына осуществляли свое мировое господство. Речь идет о записке графа Гатцфельдта: «Когда мы уверились в согласии Австрии, Франции, России и Италии, я отдал графу Мюнстеру распоряжение поднять на завтрашнем заседании конференции (в понедельник) вопрос египетского санитарного дела. Если Ваше Сиятельство не одобряет этот шаг, который будет пользоваться большой популярностью, то еще останется время для того, чтобы телеграммой из Варцина дать послу

²¹ Младший сын князя Бисмарка Вильгельм.

противоположное указание». Дело было рассмотрено в десять часов утра, конференция начинается в полдень или в час пополудни, к этому добавляется еще один час благодаря разнице во времени. Вмешательство было еще возможно, хотя случайность могла его сорвать; однако князь даже не думал о том, чтобы отозвать эти инструкции. Проблема Ангра-Пекены²² удостоилась лишь быстрого, но резкого обсуждения.

Когда доклад завершился, князь пригласил меня в свой кабинет, и начался деловой разговор, в котором мне была отведена роль слушателя. Мне стало совершенно ясно, что канцлер хочет не меньшего, чем создания «континентальной системы» вроде той, которую безуспешно стремился сформировать Наполеон I, однако на совершенно другом основании. Его инструкция была примерно следующей: «Мы не хотим, чтобы наши отношения с Францией ухудшились в результате конференции; если мы изолируем ее, ей придется примкнуть к Англии; мы должны подбадривать ее, поддерживая совершенно справедливые с финансовой точки зрения требования. Если русские опасаются, что неудача конференции побудит Англию аннексировать Египет, скажите им, что, по моему мнению, именно наша поддержка Франции является эффективнейшим средством против насильственных действий англичан». Что касается императорской поездки, указание было следующим: «Скажите, что император Вильгельм давно хотел нанести визит в ответ на Данцигское свидание; предстоящая поездка императора Александра приведет его к нашим

²² Ангра-Пекена — бухта на юго-западе Африки, земли вокруг которой были приобретены немецким купцом Людерицем в 1883 году. На следующий год Людериц обратился к германскому правительству с просьбой взять его владения под защиту, на что был получен положительный ответ. С этого момента началась активная колониальная политика Германской империи, вызвавшая недовольство в Лондоне.

границам и предоставит желанную возможность осуществить этот проект; пусть император Александр решит, когда и где состоится встреча». Отдельно следует обсудить вопросы тройственного свидания; принятое решение относительно последнего нужно также предоставить императору Александру, который уже сообщил в Вену, что ожидает императора Франца Иосифа между 13 и 15 сентября. Князь придает большое значение тройственному свиданию; он опасается, что российский и австрийский императоры после встречи вдвоем начнут испытывать друг к другу еще менее нежные чувства, чем теперь.

Я ничего не делал, чтобы продлить беседу, хотя с удовольствием послушал бы еще — в частности, об антибританской политике. Но я видел, что князь страдает от сильных болей лицевых мышц, от которых помогает только движение. Он отправился в парк и вернулся некоторое время спустя отдохнувший и исцеленный от боли. Во время второго завтрака он еще много говорил о политике, повторил, что не хочет, чтобы в результате конференции наши отношения с французами испортились, и поручил мне объяснить русским, что английское высокомерие в сфере колониальной политики заслуживает отпора, который может дать лишь Франция²³. Около двух часов я распрощался и сел в ожидавший меня экстренный почтовый поезд. Князь, княгиня и оба сына сопровождали меня вплоть до вагона и на прощание пожелали всего самого хорошего мне и мои близким. Я покинул гостеприимный дом, полный благодарности за оказанный мне прием и впечатленный величием этого удивительного человека, которого знаю уже тридцать лет, но при каждой встрече он вновь и вновь поражает меня и вызывает почтительное восхищение. Я писал

²³ В 1884–1885 годах Бисмарк пытался улучшить германо-французские отношения, поощряя французскую колониальную экспансию и поддерживая Париж в противостоянии с Лондоном.

урывками, был очень занят и потому не смог запечатлеть на этих листках даже сотую долю того, что князь обсуждал со мной. Упомяну лишь, что, по его словам, граф Кальноки приедет в Варцин 10 или 12 августа, и канцлер скажет ему, что венгры заблуждаются, считая, что могут использовать нашу дружбу, чтобы ссориться с Россией. В вопросе русско-австрийских отношений и нашей позиции князь полностью разделял мою точку зрения, высказанную недавно в длинном секретном отчете. Он занял тот рубеж, на котором я находился — часто в одиночестве и беспокойстве — с сентября 1879 года: мы должны остерегаться того, что поляки, ультрамонтаны²⁴ и венгры втянут нас в войну с Россией.

7 августа, Санкт-Петербург. На следующий день после возвращения — **31 июля** — я отправился в Гатчину к господину Гирсу. Мы поговорили о конференции, и он немедленно составил в соответствии с моими пожеланиями телеграмму послу Стаалю²⁵. Что касается свидания императоров, то я сообщил, что мой повелитель давно хотел нанести ответный визит; поездка российского императора в район поблизости от прусской границы облегчает исполнение этого желания, и мне поручено осведомиться, когда и где встреча была бы удобна ему. Выраженная министром радость оказалась не столь яркой, как я ожидал, однако он вскоре понял, что для него и его политики свидание весьма выгодно.

Я сказал ему, что, если благоприятное стечение обстоятельств — желание императора Франца Иосифа посетить своего венценосного соседа — будет использовано для организации встречи трех государей, это поспособствует укреплению мира и монархического принципа. Такая идея тоже не обрадовала господина Гирса в той степени, в кото-

²⁴ Радикальные католики.

²⁵ Егор Егорович Стааль (1822–1907) — российский дипломат, посол в Великобритании в 1884–1902 годах.

рой следовало бы ожидать. Вероятно, он в первую очередь подумал о том, что скажет его император, узнав, что ему придется претерпеть подобные неудобства. Тем не менее, он сразу же принял предложение и вспомнил, что нечто подобное ему уже говорил князь Бисмарк во Фридрихсру. Следовало ожидать, что Гирс немедленно отправит записку императору в Петергоф. Однако он заявил: «Я боюсь его карандаша». Я, естественно, настаивать не стал. Мы договорились на том, что министр доложит императору 3 августа, когда будет поздравлять в Петергофе императрицу с именинами.

На вечер **3-го** было запланировано небольшое танцевальное мероприятие. Вопреки всем ожиданиям, я был приглашен и воскресным вечером отправился в Петергоф. Войдя в танцевальный зал до появления императорской четы, я спросил министра, успел ли он побеседовать с царем о свидании. Господин Гирс ответил, что после завтрака с большим трудом улучил момент, чтобы сообщить Его Величеству, что я вернулся из Германии с поручением. Он также кратко описал содержание этого поручения, то есть монарх готов к разговору со мной о деле.

После ужина Александр III позвал меня в боковую комнату, предложил стул и сигарету и сказал: «Гирс сообщил мне, что император Вильгельм хочет возвратить мне личный визит, который я нанес ему в Данциге; это очень любезно со стороны императора, и я ему весьма благодарен». На мой вопрос относительно времени и места монарх ответил, что ему представляется подходящим Скерневице; что касается даты, то договорились на 14–15 сентября — дни, в которые, как сказал граф Кальноки князю Лобанову, император Франц Иосиф мог бы присоединиться. Я заявил, что одновременное присутствие обоих монархов будет иметь особое значение; казалось, российскому императору в первый момент такая комбинация показалась неудачной. Однако, когда я разъяснил причины, по которым считал тройственное свидание желательным,

он ответил: «Ну, хорошо, мне это безразлично, мне это абсолютно безразлично». У императора Александра есть известная робость перед ситуациями, накладывающими на него общественные обязанности. Далее он с большей теплотой заговорил о дружественных намерениях нашего государя, поручил мне поблагодарить последнего и среди прочего сказал: «Император Вильгельм смотрит на свою дружбу с Россией как на предмет священный, неразрывно связанный с драгоценными для него воспоминаниями». При этом он вновь упомянул, что нашел те же взгляды у принца Вильгельма.

27 августа. Маневры я счастливо пережил и даже неплохо при этом пообщался. Во второй половине дня **24-го** я отправился в Красное Село, откуда три энергичных рысака пронесли меня двенадцать верст до Ропши. Меня разместили в партере замка с приятным видом на сад, парк и озеро. После трапезы ко мне пришли князь Виндишгрец, Лещинский и Вердер, и мы до одиннадцати часов оживленно обсуждали военные вопросы, в основном русскую армию. Мне важно, чтобы австрийский генерал ее не недооценивал. Утром **25-го** я проехал на тройке примерно двадцать верст по Нарвскому шоссе. Маневры начались возле Каськово; у меня была хорошая лошадь, и я много ездил вместе с прусскими товарищами. Вечером я провел полчаса у князя Виндишгреца, который на основании различных признаков сделал вывод, что «война является лишь вопросом времени». Я ответил: пожалуйста, не говорите это Вашему императору; когда войну считают неизбежной, это делает ее вероятной; у вас еще никогда не было войны с Россией, да и теперь для нее нет никакой географической или иной необходимости. Источник опасности — национальные и религиозные интересы и ревность, его можно устранить умеренностью и разумностью. **26-го** состоялись большие маневры; на мой взгляд, умение применяться к местности и руководство войсками были весьма хороши. Завершил все очень веселый завтрак под открытым небом.

29 августа. Граф Толстой уже два года занимает свою должность. При вступлении на нее он заявил мне, что вся его программа описывается двумя словами — «спокойствие и порядок». Не хочу утверждать, что ему удалось второе, но спокойствие действительно настало — не в результате принятых Толстым мер, а, как он и предсказывал, само по себе, стоило лишь прекратиться систематическому подстрекательству со стороны его предшественника графа Игнатьева. Что касается главного источника беспорядка, то есть прессы, то здесь министр не остался пассивным наблюдателем, а энергично использовал и даже несколько расширил свои полномочия. Этим оказана большая услуга международной политике. На поверхности царит спокойствие: иногда то тут, то там происходит покушение на полицейского чиновника, приходится слышать о еврейском погроме или поджоге, однако о многом ли это говорит на столь огромном пространстве? Студенты уже давно не учиняли безобразий, недовольство в офицерском корпусе, похоже, снизилось, а городские и сельские корпорации не выражают ни речами, ни петициями либеральных тенденций. Благополучие, быть может, не выросло, но и нужда не усугубилась выше того предела, который здесь привычен и продиктован во многом ленью и неприхотливостью. В целом все тихо катится по привычной колее; похоже, русский народ все еще так тесно связан со своим царем, что быстро перенял флегматичный характер нового государя.

16 сентября, Скерневице. Вчера я добрался до Александрово через Эйткюнен, Инстербург и Торн, ко мне присоединился советник посольства Бюлов. В половине двенадцатого утра прибыл император Вильгельм в сопровождении генералов Альбедилля, Лендорфа и Радзивилла, а также флигель-адъютанта Бомсдорфа. Князь Бисмарк привез с собой обоих сыновей. С российской стороны к германскому монарху были прикомандированы генерал-адъютант Павел Шувалов, генерал-майор

Корф и полковник граф Берг. В половине второго мы отправились в путь; на протяжении 150 верст вдоль дороги стоял непрерывный ряд часовых — кроме жандармерии, для этого привлекли целую дивизию. В четыре часа пополудни мы прибыли в Скерневице; погода была великолепной. На вокзале нас встречали император Александр с супругой и обоими сыновьями, великий князь Владимир и Мария Павловна, великий князь Николай со своим сыном Петром, австрийский император, граф Кальноки, Гирс, Толстой, Воронцов, княгиня Кочубей и другие. В семь часов был дан обед в здании театра. Император Вильгельм вел российскую императрицу, но сел слева от нее; место справа занял Франц Иосиф. Император Александр выглядел очень довольным; он все-таки понимает выгоду, которую такая политика приносит как его стране, так и ему лично. В половине десятого дамы и самые благородные господа — общим числом около тридцати — собрались на чай у Их Величеств; чаепитие продолжалось около часа; затем я еще немного погулял по саду с графом Кальноки.

Утром 16-го я сперва отправился к Гирсу, затем к императору Вильгельму, а потом к императору Францу Иосифу. Последний был дружелюбен и полон благодарности, но весьма серьезен и настроен именно так, как писал граф Ведель в своем докладе. Император признал, что в последний год российская политика на Балканах стала намного более корректной, выразил надежду, что она станет еще лучше, но заявил: может возникнуть ситуация, которая при всем миролюбии заставит его решительно выступить против российских действий. Я напомнил о жертвах, принесенных Россией ради освобождения Болгарии, и с похвалой упомянул, что в Петербурге понимают географическую необходимость оставить Сербию в австрийской сфере влияния. Однако ненависть к королю Милану глубоко укоренилась у императора Александра и даже у господина Гирса. Что касается положения последнего, то я заверил, что оно

прочно благодаря доверию царя и его привычке к знакомым лицам — по крайней мере, пока религиозные вопросы не соединились с политическими. Не знаю, понял ли император в полной мере смысл этой моей фразы.

В 11 часов состоялся небольшой парад, затем завтрак, после которого мы отправились на охоту в зверинец. Когда мы в прекрасном настроении стояли и общались после окончания охоты, к нам подошел Гирс и сказал: «Сейчас три монарха собрались, чтобы побеседовать». — «Нас обманули!» — воскликнул Бисмарк. Упомянутая беседа, впрочем, длилась не более пяти минут; наш император сказал: «Мы подкрепляем своим гербом неписанные союзные соглашения». После охоты Гирс передал мне орден Святого Андрея. Когда в семь часов вечера мы собрались на трапезу, я вместе с Кальноки отправился в приемную российского императора, чтобы поблагодарить за награду. Монарх сказал весьма приятные слова; сначала он выразил радость по поводу визита императоров, затем уверенность в том, что мир обеспечен. Императрица тоже была весьма приветлива, подала мне руку и выразила надежду, что до конца жизни не услышит более ни о какой войне. Обед прошел очень хорошо, все были веселы, общительны и вели себя непринужденно.

В девять часов утра **17-го** русский двор со всеми гостями собрался в привокзальном саду. Как и все эти дни, ярко светило солнце. Роскошные униформы, разноцветные наряды дам, казаки, красивые упряжки и богато расшитые ливреи составляли приятную картину в обрамлении деревьев и цветов. Сцена прощания была прекрасной, без всякой нарочитости, но дружественная, даже сердечная. Русский почетный конвой сопровождал императора Вильгельма в Александрово. Там я распрощался, но попросил позволения продолжить путь до Берлина. Поздно вечером **18-го** я был уже со своими в Хомбурге.

28 октября, Берлин. С 9 до 11 у кронпринца, затем к младшему статс-секретарю Бушу и канцлеру. Последний

сидел за столом и читал доклад графа Арко. «Чернильная диарея поверенных в делах просто невыносима, — заявил Бисмарк. — Они считают, что должны использовать отсутствие посла, чтобы обратить на себя внимание; они даже не представляют, насколько дурную услугу оказывают этим себе в моих глазах». Князь спокойно и с удовольствием рассказал об общем положении дел. Я отметил, что было бы и желательно, и несложно уладить сербо-болгарскую ссору после того, как устранена главная опасность, связанная с митрополитом Михаилом. Я также отметил, что брауншвейгский вопрос²⁶ очень интересует российскую императрицу из-за ее шурина; затем я заговорил о конгрессе по Конго и африканских колониях. «Parturiunt montes»²⁷, — отозвался князь к моей радости и заявил, что этот вопрос неожиданно наполнил его паруса сильным попутным ветром, и уже послезавтра, в день после выборов, его рвение намного уменьшится. Мы еще поговорили о нашем посольстве в Тегеране; князь поручил мне сообщить в Петербурге, что в Иране мы будем поддерживать русские интересы. В целом моя беседа с канцлером прошла удовлетворительно, если не считать того, что я допустил старую,

²⁶ После смерти в октябре 1884 года бездетного брауншвейгского герцога Вильгельма встал вопрос о его преемнике. Наибольшие права на престол имел Эрнст Август Ганноверский, представитель династии Вельфов, которая в 1866 году в результате аннексии Ганновера Пруссией лишилась трона, отправилась в эмиграцию и заняла крайне враждебную по отношению к Гогенцоллернам позицию. В связи с этим неурегулированным конфликтом передача Вельфам брауншвейгского престола была крайне нежелательной для Берлина. В итоге осенью 1885 года сословное собрание избрало регентом Брауншвейга принца Альбрехта Прусского, племянника императора Вильгельма I.

²⁷ Начало крылатого выражения «Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus» — «Рождают горы, а родится смешная мышь» (*лат.*)

пусть и похвальную ошибку: в интересах службы и из участия к судьбе искусного офицера поднял неприятный для князя вопрос. Я заявил, что самое время отозвать из Петербурга подполковника Лигница, поскольку иначе его военная карьера окажется под угрозой. Князь начал размахивать большим карандашом и рассуждать о генерале Вердере, но в итоге признал, что несправедливо «похвалами приковывать офицера к одному месту ему же в ущерб». Обедал я у императора, где собралось много старых друзей: генералы Бранденбург, Клейст, Оппель, Йена, три Рауха и другие. **29-го** мы уехали.

19 ноября, Санкт-Петербург. Одним из первых ко мне пришел господин Победоносцев. «Прекрасные дни Скерневице прошли», — саркастическим тоном начал он беседу. Я ответил: да, но их благое воздействие будет длиться еще долго. Он сказал, что это было бы желательно, но он не может избавиться от ощущения, что Россия где-то проделывала.

4 декабря. Уже месяц мы здесь и можем счастливо и без помех наслаждаться домашним уютом. И в политике, и в обществе все одинаково спокойно. В Берлине заседает конференция по Конго, позволяющая нам продемонстрировать всему миру, что в Западной Африке мы идем рука об руку с Францией, да и в Восточной можем делать то же самое, а Англия оказалась в изоляции перед лицом континента, объединенного под руководством Германии. Пока всеобщее внимание приковано к Африке, я с интересом наблюдаю за маленьким облачком пыли, которое поднимается в туркменских степях на границах Персии и Афганистана. Покорение Мерва вызвало живую реакцию в Англии и еще больше в Индии. Господин Гирс сделал все возможное, что уменьшить для кабинета Гладстона воследовавшие трудности. По желанию британского премьера он согласился на то, чтобы провести линию границы совместно с англичанами. Но стоило Гирсу дать это обещание, как Англия начала действовать в одностороннем порядке; она

несколько раз увеличивала численность эскорта, придаваемого комиссиям, и потребовала, чтобы проведение границы началось на юге и осуществлялось на месте комиссарами без предварительного согласования спорной зоны. В итоге Россия стягивает войска, которые занимают позиции южнее Серахса у Пуль-и-Хатума, продолжает свою телеграфную линию до Мерва, начала строительство железной дороги от Киселабада в Ашхабад и откладывает отправку своего комиссара.

27 декабря. Россия имеет все основания испытывать благодарность к Провидению, оглядываясь на минувший год. Ее положение улучшилось не благодаря большим усилиям народа или выдающимся заслугам руководителей. Хватило того, что правительство не сделало больших ошибок, не было затронуто тяжкими преступлениями, не позволило влиять на себя прессе и партийным страстям.

Императорский двор упорствует в своей замкнутости; он привез в столицу карнавал, но все остальное время до и после поездки императора в Варшаву оставался в Гатчине. Ни в привычках двора, ни в монаршем окружении ничего не изменилось; господа и дамы, окружающие императорскую чету, не занимаются интригами, но, похоже, в молчаливом согласии друг с другом стараются не допустить расширения своего круга за счет значимых фигур. В Гатчине не уделяется большого внимания армии, и хотя это вредно с точки зрения династических интересов, но полезно с точки зрения интересов военных, которые раньше сильно страдали от дилетантских увлечений высоких особ. Насколько я могу судить, в течение этого года в военном деле проведены разумные и глубокие реформы, и я высоко оцениваю администрацию военного министерства. Однако она допускает опасную ошибку, позволяя генеральному штабу под руководством генерала Обручева занять слишком самостоятельную позицию. Флот привлекает большее внимание монарха, чем сухопутная армия; адмирал Ше-

стаков пользуется личным расположением Его Величества. В уходящем году завершено строительство одних кораблей и заложены другие. На Черном море Россия вновь вступает в свои права, не забыт и Каспий. Суда с нефтью курсируют по линии Баку-Астрахань, работающие на этом топливе корабли поддерживают связь между Кавказом и закаспийскими землями. Расширение владений за счет Мерва — один из успехов, которых русская политика добилась в уходящем году.

Мерв и Скерневице — двух этих названий должно было бы хватить для того, чтобы обеспечить восхищение земляков в адрес человека, руководящего внешними делами. Однако лишь немногие отдают ему должное; большинство считает его слишком уступчивым; они не понимают, что благодаря добродетелям, полностью отсутствовавшим у его предшественника — правдивости и надежности, — он восстановил утраченный авторитет России без всяких расходов и кровавых жертв. Российская пресса не имеет для господина Гирса ни единого доброго слова, а похвала европейских газет вредит ему. Невежественная публика не понимает его заслуг, значительная часть которых заключается в том, что он с момента вступления Александра III на престол взял верный тон в общении с императором. Понимание этой личности и установленного ею режима позволило Гирсу и мне вопреки Игнатьеву и Скобелеву привести российскую политику в Скерневице. Понятно, что российское общественное мнение этого не оценит, но жаль, что сам император не демонстрирует открыто то уважение, которое испытывает к своему министру. Монарх сохраняет видимость, что против своей воли делает нам уступки. Я откровенно сказал Гирсу, что император ждет лишь скорых естественных перемен в нашем государственном руководстве, чтобы при благоприятных обстоятельствах взять политический курс, более соответствующий его наклонностям. Министр не хочет этого признавать; надеюсь, что он прав. Однако очевидно, что у Александра III не

хватает смелости вручить поборнику хороших отношений с Германией орден, который тот по местным понятиям уже давно заслужил. «Уже девять лет я ношу одну и ту же ленту», — заявил господин Гирс. Тем не менее, в уходящем году ему удалось значительно укрепить свой авторитет в собственном ведомстве. Падение Сабурова и повышение господина Стааля показало российским дипломатическим представителям, что противодействовать Гирсу в данный момент опасно, а честно следовать его политике полезно для карьеры.

1885 ГОД

8 января. Обед у графа Греппи; после трапезы у меня был долгий разговор с Гирсом. Мы беседовали о нарушениях границы, виновниками которых являются русские таможенные офицеры; при этом был упомянут министр финансов Бунге, а от него мы перешли к его предшественнику — господину Абазе. Гирс сказал: «Лорис-Меликов был фигурой, ходами которой управлял Абаза, влиявший на императора через княгиню Юрьевскую; если бы Его Величество прожил еще пару месяцев, мы бы имели конституцию». Все это хорошо известно, новым для меня стало лишь то, что Гирс рассказал о первом совещании у Александра III. Молодой монарх был в тот момент готов на уступки, даже весьма близок к ним; великий князь Владимир говорил хорошо, с острой критикой, однако не высказывал окончательного суждения о том, что предстоит сделать; сам он, Гирс, вел себя сдержанно, поскольку был так занят внешней политикой, что имел недостаточное представление о внутренней; возможно, в результате могли принять решение продолжить движение по дороге, на которую вступил покойный император, если бы не господин Победоносцев — с энергией, присущей искренней убежденности, он добился выбора в пользу самодержавия.

10 января. Вечерняя телеграмма принесла мне сведения о французских контрпредложениях в египетском вопросе и поручение поддержать их. Час спустя я выполнил эту задачу, поговорив с Гирсом на вечере у Толстого;

министр был еще не в курсе предложений, однако выразил склонность одобрить их, если сможет добиться у министра финансов согласия на совместные гарантии.

11 января фельдъегерь привез мне множество депеш; в Берлине придают большое значение согласию России на французские предложения.

13 января. После поздравительной церемонии в Зимнем дворце я побеседовал с генералом Аппером¹ по поводу того, как были восприняты его откровения российским кабинетом. Господин Гирс заявил послу, что принципиально согласен с предложенным, однако должен выдвинуть возражения в вопросе гарантий. Когда генерал заверил, что имеющиеся у Египта обширные источники ресурсов не потребуют осуществлять гарантии на практике, министр возразил, что библейский сон о семи тощих коровах может однажды стать реальностью.

14 января. Уже в одиннадцать часов утра я был в министерстве, где встретил генерала Аппера. Гирс требует, чтобы гарантийные обязательства были распределены в соответствии с финансовыми интересами держав. Жюль Ферри заявляет, что рад принципиальному согласию России. Я подробно доложил обо всем по телеграфу, но вместо благодарности за быстрые и успешные действия получил в ответ лишь раздраженные запросы. По всей видимости, князь Бисмарк хотел, чтобы Петербург более активно поддерживал господина Ферри.

15 января. Новую раздраженную телеграмму князя я оставил без ответа, однако написал подробный отчет и провел переговоры с господином Гирсом.

16 января. Ночью господин Гирс написал мне о согласии императора Александра «придерживаться французских контрпредложений и поддерживать их». Я отправил фельдъегеря.

¹ Феликс Аппер (1817–1891) — французский государственный и военный деятель, генерал, посол в России в 1883–1886 годах.

20 января. Князь Бисмарк сообщает телеграммой, что итальянцы хотят занять Массау, и хочет знать, что по этому поводу скажет господин Гирс. Последний не верит такой новости.

21 января. Долгий разговор с господином Гирсом по поводу нарушения нашей границы российскими таможенными чиновниками, а также о Египте и Италии.

23 января. Англия соглашается на французские предложения по Египту; множество телеграмм.

24 января. Разговор с господином Гирсом; теперь он тоже получил сведения, что итальянцы хотят занять Массау, и возмущен этим.

25 января. Несколько дней назад опубликован указ, вновь доказывающий, что у русских пока еще весьма смутные представления о правах собственности и что экономические интересы отступают перед лицом национальных вопросов. Как известно, после польского восстания 1863 года были изданы законы, преследовавшие цель постепенно передать земли в западных провинциях в руки российских собственников. Эти законы пока что успешно обходили, однако новое постановление сильно ужесточает их. Я поговорил с графом Валувевым, генералом Треповым и господином Победоносцевым об этой совершенно неслыханной мере. Граф заявил, что она нарушает мораль и справедливость, противоречит представлениям о праве и собственности. Генерал встретил меня словами: «Я разорен; мое имение сдано в аренду поляку, который владеет инвентарем; я не могу выкупить последний, если мне придется сейчас расторгнуть договор аренды, и не смогу найти замену, поскольку в тех краях можно вести дела исключительно с поляками. Русский арендатор ничего не поймет и станет, сверх того, меня обманывать, немец не знает, как обращаться с людьми». Высокопоставленный чиновник старой школы отметил: «Это еще один опасный шаг к уничтожению прав и собственности, к аграрной революции, которую пестуют у нас и которая затем пойдет

по Европе». Господин Победоносцев считает время подходящим для того, чтобы закон наконец начал исполняться; общественная мораль и авторитет правительства не должны более страдать. В салоне графини Левашовой некто сказал: «Это постановление раздражает поляков, злит евреев, разоряет русских и приносит пользу немцам».

28 января. Газета Каткова публикует статью, указывающую на опасность, которую для российско-германской дружбы представляют принцы Баттенбергские, желающие породниться и с английским, и с прусским королевским семейством. Я отправил телеграммой разбор этого примечательного текста. С господином Гирсом мы обсудили Италию, Турцию и Египет.

29 января. Прекрасный бал в Концертном зале. За ужином я сидел между императрицей и Марией Павловной и вел милую беседу. Затем последовала весьма приятная партия в вист и долгие интересные беседы с Гирсом и Нелидовым, российским послом в Константинополе. Господин Гирс отправил всем великим державам вопрос о том, что они намерены делать в связи с оккупацией итальянцами Массасау; турки, по его словам, должны были бы сбросить итальянцев в Красное море, и их следует в этом поддерживать.

31 января. Еще до полудня я отправился к Гирсу с поручением предложить ему выступить с совместным обращением к Порте, чтобы та дала хедиву приказ предоставить нам места в Комиссии египетского долга. Министр ответил: «Если мы дадим султану такое право, он потребует места и для себя, а это нежелательно». Господин Гирс редко отклоняет наши предложения, но в этот раз у него имеются на то хорошие основания. Я телеграфировал князю Бисмарку и получил весьма недовольный ответ. Но мне был важнее доверительный разговор с Гирсом по поводу болгарского князя и возможности его свержения. Целый час мы весьма серьезно обсуждали вопросы, от решения которых будет в конечном счете зависеть сохранение мира.

Наши взгляды полностью совпали. Когда я уходил, министр сказал: «Мир еще не знает, какие важные вопросы мы уже совместно решили».

6 февраля. Пришло известие о падении Хартума и смерти Гордона². Частью благодаря поддержке Половцова удалось побудить финансовый комитет согласиться на то, что Россия войдет в число гарантов предполагаемого займа. Князь Бисмарк придает большое значение тому, чтобы Россия поддержала египетскую политику господина Ферри.

19 февраля я еще присутствовал на званом обеде, который давало посольство, но затем заболел до **12 марта**. Я смог лишь несколько раз принять господина Гирса и написал несколько важных докладов, в том числе о болгарском князе и афганских делах. Из Берлина я получал только неприятные послания с колкостями. Герберт Бисмарк отправился в Англию, в Петербурге на это смотрят очень косо. Навестивший меня **8 марта** Гирс был поглощен вопросом афганской границы, как это часто бывало в последнее время. В соответствии со своим миролюбивым характером он искренне желает не просто избежать непосредственного конфликта с Англией, но и обеспечить спокойствие в тех краях на долгие годы вперед. Но, будучи прекрасным знатоком азиатов, он понимает, что уступчивость не приведет к достижению этой цели. Если Россия позволит туркменам поверить, что она недостаточно сильна для того, чтобы защитить их пастбища, которыми они фактически владели, пока афганцы по наущению Англии не оккупировали их (в частности, Пенде), то великие результаты победы Скобелева при Геок-тепе окажутся поставлены под вопрос. Господин Гирс был бы готов пойти только на небольшие уступки, даже если бы располагал

² Речь идет об уничтожении махдистами британского отряда под командованием генерала Чарльза Гордона, осажденного в Хартуме с октября 1884 по январь 1885 года.

полной свободой рук. Однако последней у него нет; в собственном министерстве он имеет дело пусть не с враждебной, но с независимой силой в лице директора Азиатского департамента. Господин Зиновьев связан, с одной стороны, с Катковым и московскими славянофилами, с другой — с местными военными авторитетами, которые имеют влияние на принятие любого решения по закаспийским делам. Из числа этих военных менее всего склонен к уступчивости военный министр.

Вскоре после того, как господин Гирс покинул меня, пришел английский посол. Он не менее искренне желает мирного урегулирования пограничного спора и лично придерживается мнения о необходимости сделать России обширные уступки. Сэр Эдуард Торнтон полагает, что можно оставить туркменам всю равнину до предгорий Паропамиза³, если одновременно крепость в Герате окажется в надежных руках. Конечно, он признает, что будет нелегко побудить эмира Абдур-Рахмана отступить из Пенде, но считает, что этого результата, как и решения гератского вопроса, удастся добиться с помощью денег. Однако сэр Эдуард не думает, что его правительство рискнет признать за русскими линию Лессара⁴ вопреки мнению общественности.

15 марта. Я впервые выехал на свежий воздух. По возвращении меня навестил Гирс, заявивший: «Меня побили бы камнями за отступление, но я очень рад, что добился хотя бы прекращения дальнейшего продвижения; это стоило мне больших трудов, поскольку я сталкиваюсь с сопротивлением в своем собственном министерстве».

³ Паропамиз — система горных хребтов на севере Афганистана, являющаяся частью Иранского нагорья.

⁴ Павел Михайлович Лессар (1851–1905) — российский дипломат, в 1885 году принимавший участие в работе трехсторонней комиссии по определению северной границы Афганистана.

16 марта. Я написал доклад, который не понравится в Берлине, но я не имел права скрывать свою точку зрения. Прусское правительство планирует массово выслать польских католиков и евреев, мигрировавших в наши восточные провинции⁵. Князь Бисмарк поручил мне анонсировать в Петербурге этот шаг и объяснить его не как враждебный России, а как соответствующий общим интересам. Я сделал это; император Александр воспринял мои объяснения спокойно, граф Толстой тоже, хотя и с некоторыми сомнениями. Гирс же, как и я, считает, что лозунгом славянофилов при первой возможности станет высылка немцев из западных губерний России. Если при изменении политической ситуации до этого действительно дойдет дело, люди поразятся тому, сколь значительное число немецких поселенцев окажется вынуждено принять русское подданство или отказаться от имущества.

18 марта. У господина Гирса, беседа о Египте и Афганистане. Строго по секрету он назвал мне своих кандидатов на должность посла в Берлине вместо Орлова. Список возглавляет граф Павел Шувалов, и я с этим совершенно согласен.

22 марта. Пришло много желающих поздравить, в том числе те, кто раньше никогда не появлялся. После трапезы в Гатчине у меня был долгий разговор с Его Величеством. Император весьма прямодушно заявил, что поездка графа Герберта Бисмарка в Лондон связана с визитом английских принцев в Берлин; по его словам, эти принцы

⁵ В середине 1880-х годов Бисмарк начал очередной этап политики германизации восточных провинций Пруссии. К этому моменту здесь проживало значительное число иммигрантов из Царства Польского, которые, с точки зрения «железного канцлера», усиливали местный польский элемент в ущерб немецкому. Бисмарк считал опасность постепенного «ополячивания» приграничных районов Пруссии весьма актуальной, в связи с чем организовал массовую высылку «иностранцев».

«устраивают возню» вокруг матримониальных планов болгарского князя и пограничного спора в Афганистане. Я решительно возразил и заявил, что графа Герберта отправили в Лондон, чтобы он мог там достичь личной победы над английскими министрами, уже побежденными его отцом в колониальном вопросе. Думаю, мне удалось преодолеть недоверие императора Александра, поскольку беседа завершилась удовлетворительно.

30 марта. Я получил из Берлина весьма интересные и важные сообщения. Первым документом была копия собственноручного письма, отправленного нашим императором болгарскому князю; в этом превосходно составленном тексте дается совет поддерживать хорошие отношения с Россией и отказаться от всяких надежд на династическую связь с нами или поддержку с нашей стороны. Я зачитал это письмо господину Гирсу и позволил ему переписать наиболее значимые места. Далее я получил копию инструкции господину Радовицу от 18 марта, которая затрагивает ключевой вопрос англо-русской войны, а именно нейтралитет Турции и закрытие Дарданелл. Не к союзу с Османской империей должна стремиться Россия, а лишь к ее нейтралитету; эта простая истина четко и убедительно отражена в депеше. Господин Гирс тут же понял значение, которое имеет для России немецкое требование к Турции оставаться нейтральной, и использовал этот шанс, чтобы вновь обратить внимание императора Александра на то, какую пользу ему приносят в нынешней ситуации заключенные с нами и с австрийцами соглашения.

В конце марта у меня состоялась беседа с русским послом в Вене князем Лобановым, находящимся здесь в отпуске. Он с удовлетворением говорил о впечатлениях от общения со здешним двором, министерскими кругами и обществом. По его мнению, все согласны с политикой господина Гирса. Когда я упомянул, что часто слышу неодобрительные отклики о мудрой умеренности министра в афганском вопросе, князь решительно возразил: ни

в клубах, ни в салонах, ни у военных он не встречал подобных уничижительных откликов. «Все очень рассудительны, — заявил посол, — и прекрасно понимают, какие негативные последствия будут иметь для нас война и блокада; все уверены в том, что наше положение в Средней Азии настолько прочно, что мы можем там в любой момент доставить неудобства англичанам, а большего и не требуется. Император уверен и спокоен; господин Гирс не возьмет на себя ответственность за войну».

Вчера, 5 апреля, господин Стааль телеграфировал, что английское правительство с недовольством восприняло российские предложения и ставит далеко идущие требования. Сегодня утром граф Линден написал мне, что барон Жомини заявил о неизбежности войны. Это мало совпадает с моими представлениями и отчетами. Во второй половине дня я встретил сэра Эдуарда на набережной Невы и отправился с ним в Зимний дворец. Он оценивает ситуацию без всяких предрассудков и не скрывает, что его правительство неправо и действует неумно. Он заявил: «Русские могут быть в Герате раньше, чем мы его увидим». Посол отправился к господину Гирсу, чтобы обсудить с ним временный ответ и констатировать, что переговоры продолжаются. Когда он покинул министерство, я зашел внутрь. Господин Гирс сказал мне, что ожидал британского отказа и хотел сделать иные предложения: «Они могут объявлять нам войну, мы этого не сделаем». Гирс плохо себя чувствовал и был подавлен; находившийся тут же господин Зиновьев, напротив, очень доволен.

8 апреля. Когда я в половине третьего прибыл в министерство, в кабинете министра находился сэр Эдуард. В приемной я встретил маркиза Кампо-Саградо, который сказал мне: «Произошел вооруженный конфликт». Об этом ему рассказал великий князь Владимир. Пока мы беседовали, из кабинета вышли сэр Эдуард и господин Гирс, оба глубоко потрясенные. Генерал Комаров доложил, что 30 марта одержал победу над афганцами на реке Кушка,

добавив: «Наказав афганцев за их нахальство, я отошел на позиции у Ак-Тепе». Господин Гирс выразил мнение, что это событие ставит англичан в столь тяжкое положение перед лицом своих афганских союзников и индийских подданных, что им придется действовать решительно.

10 апреля. Обед у нас, бал во французском посольстве. Их Величества присутствовали. Граф Петр Шувалов заявил, что для посольства в Берлине можно было бы сделать более удачный выбор, нежели его брата (новость о назначении которого уже пришла), однако главное — что не отправили Капниста⁶; последний повел бы ту же игру, что и Сабуров, только умнее. Я долго говорил с Игнатьевым; он радуется победе на Кушке, но не хочет войны.

11 апреля. У господина Гирса я встретил военного министра Ванновского, получившего от генерала Комарова телеграмму, в которой тот весьма наглядно и достоверно объясняет свои действия. Это обрадовало Гирса. Я пообещал с сэром Эдуардом у нашего банкира Мейера.

13 апреля. Пришел барон Жомини о говорил о Батуме и Проливах; следом появился граф Игнатьев. Я навестил господина Победоносцева, который также желает сохранения мира; его помыслы занимает борьба русинов против католиков. Он признал, что венское правительство действовало корректно, но весьма недвусмысленно говорит, что сомневается в дальнейшем существовании Австро-Венгрии. Я заявил ему, что он несправедливо ругает господина Гирса, которого нужно похвалить за то, что мы и австрийцы позаботились о закрытии Дарданелл. Он ответил: это справедливо, но доказывает лишь одно — положение, когда Россия не контролирует Проливы, является ненормальным. Много писал.

18 апреля. В Исаакиевском соборе состоялся праздник в честь тысячелетия памяти святого Мефодия. К нам при-

⁶ Петр Алексеевич Капнист (1839–1904) — российский дипломат, в 1884–1892 годах посланник в Гааге.

шло множество людей, чтобы посмотреть на процессию, в которой участвовали бывший сербский министр Ристич, униатский священник Наумович и другие австрийские подданные. Приходил граф Павел Шувалов, потом господин Половцов с важными известиями: Англия требует совместного расследования действий генерала Комарова. Я отправился к Гирсу, подтвердившему правдивость этого известия.

21 апреля. Долгая серьезная беседа с господином Гирсом, который считает войну почти неизбежной. Похоже, он, как и я, сомневается, что дело удастся ограничить Азией. Я вижу, что уже маленькая победа на Кушке вызвала восторженный подъем национального духа, и могу ожидать преувеличенного воодушевления в случае дальнейших успехов. Славянофильская партия, явственно заявившая о своих помыслах во время Мефодиевского праздника, хочет использовать военные и дипломатические победы над Англией лишь для того, чтобы добиться своих целей на Балканах вопреки Австрии и Турции. Не допустить этого не хватит ни сил у Гирса, ни воли у императора. Во второй половине дня мы были у Торнтонов; сэр Эдуард в подавленном настроении, его миролюбивая деятельность в опасности, а собственное правительство не информирует его в достаточной степени о переговорах, которые ведутся в Лондоне со Стаалем и Лессаром. Господин Гирс тоже общается ему лишь немного.

29 апреля. У господина Гирса, чтобы поговорить о Греции, которая в случае войны грозит сделаться неудобной.

30 апреля. У господина Победоносцева, где застал русинского священника Наумовича⁷, выглядящего достойным и порядочным человеком. Я весьма открыто поговорил

⁷ Игорь Григорьевич Наумович (1826–1891) — священник и общественный деятель, один из лидеров галицко-русского движения. В 1885 году эмигрировал в Российскую империю и перешел из униатства в православие.

с прокурором Синода об опасностях, которые несет с собой распространение православной пропаганды на галицийские и венгерские области, населенные русинами, и доказывал, что венский кабинет действует лояльно и не наступательным образом. Он согласился с этим, однако заявил, что положение в Австро-Венгрии не позволяет даже самому хорошему правительству справиться со сложностями. Он дал понять, что сомневается в дальнейшем существовании этого государства из-за национальной и конфессиональной неоднородности.

2 мая. Я нашел господина Гирса спокойным в политическом отношении и полным уверенности в сохранении мира, но физически слабым и необщительным. Мы победали у Линденса с несколькими дипломатами, которые знали не больше моего; затем мы отправились на прием у госпожи Барятинской, где встретили английского посла; последний сообщил, что район Пенде будет нейтрализован. Вернувшись домой около полуночи, я обнаружил весьма неприятную телеграмму графа Гатцфельдта, в которой упрекающим тоном говорилось, что в Берлине ежедневно получают новости о развитии событий из Лондона, но не из Петербурга. Я немедленно телеграфировал в ответ, что здесь ни парламент, ни пресса не обсуждают позицию правительства, а все переговоры ведутся в Лондоне, причем соблюдается строгое молчание даже по отношению к английскому послу. В заключение я написал, что позиция России может быть описана двумя высказываниями императора: «войны не будет» и «уступать нельзя».

3 мая. Успокоившись по поводу недоброй телеграммы и сказав себе, что наш славный император в такие решающие дни вполне объяснимо и справедливо требует больше сведений из Петербурга, я отправился на охоту за новостями. Сейчас труднее обычного узнать что бы то ни было; императорский двор постоянно в отъезде, его состав уменьшился, военная свита совсем усохла, и все очень бояться что-либо рассказывать, поскольку знают, что император

не понимает шуток в вопросах разглашения тайны. Кроме того, в результате прихода к власти нового монарха исчезло большинство моих старых друзей, а кое-кого забрала смерть. В одиннадцать я отправился к господину Половцову, потом побеседовал с бароном Жомини и после с сэром Эдуардом. Меня навестил господин Зиновьев; однако лишь на следующий день господин Гирс предоставил мне столь полную информацию, что я смог отправить подробное донесение.

Ход решающих событий был следующим. Англия потребовала арбитража по поводу Кушки; господин Гирс предложил согласиться, однако при твердом условии, что поведение военного командующего будет находиться за пределами рассмотрения и оценки; следует ограничиться расследованием и арбитражем по вопросу о том, было ли соглашение от 16 марта ошибочно интерпретировано, и если да, то кем. Это разделение вопроса на две части дало английскому министерству возможность вытащить голову из петли, чем оно и воспользовалось. Россия достигла дипломатического и политического успеха, причем заслугу Гирса не заметили, а приписали все царю; несколько политиков похвалялись, что идея разделения проблемы принадлежит им. Однако в действительности министр иностранных дел сделал все совершенно самостоятельно. В вагоне по пути в Гатчину 28 апреля он написал карандашом телеграммы, которые хотел отправить господину Стаалю. Предложенные императору, они были одобрены; когда Гирс заявил, что возьмет этот набросок с собой в Петербург, чтобы переписать, Его Величество ответил, что он не должен ничего менять в тексте и не поддаваться никаким уговорам с другой стороны. Эти телеграммы легли затем в основу обсуждения, состоявшегося в Гатчине 1 мая, и были отправлены в неизменном виде. Как я уже сказал, ни в прессе, ни в обществе никто не произнес в адрес министра ни слова благодарности, а ведь именно Гирс своим умелым и внушающим доверие образом действий

проложил путь к успеху. Однако нельзя сказать, что превеличенные похвалы, доставшиеся на долю императора, являются совершенно незаслуженными. Непокколебимое спокойствие, ни на мгновение не покидавшее его в период кризиса, произвело впечатление не только на противника, но и на сторонних зрителей; оно передалось народу и действовало как осознание собственной силы. В результате не только внутри страны авторитет самодержавия вырос, но и за рубежом, в Европе и еще больше в Азии, позиции России существенно укрепились.

27 мая. Сэр Эдуард сказал мне, что получил письмо от своего министра лорда Гренвилла, в котором последний сообщает, что Россия должна поспешить с урегулированием афганского вопроса, поскольку министерству Гладстона, возможно, вскоре придется уйти в отставку. Я поговорил об этом с господами Гирсом и Зиновьевым, которые восприняли сообщение из Лондона не особенно серьезно.

5 июня. Прекрасная погода, в двух экипажах мы отправились в Сергиевский, на дачу Стобеуса. Для меня было большой радостью наблюдать за тем, как старшие дети с беззаботной радостью бегали по зеленому парку.

10 июня. Министерство Гладстона пало.

7 июля. В Ораниенбаум к господину Гирсу, чтобы поговорить о Порт-Гамильтоне, занятом англичанами. Мы затронули также египетский и афганский вопросы; с последним все происходит не так гладко, как могло быть при доброй воле лорда Солсбери.

23 июля. Я съездил с Гирсом в город и обратно; мы побеседовали об Афганистане и Корее. Последняя занимает мое внимание, поскольку согласие между Англией и Китаем становится все более очевидным. Мы обсудили и запланированный императором Александром визит в Австрию.

3 августа. Я написал прошение об отпуске и длинный секретный доклад по поводу российских дипломатов. Недавно господин Гирс в беседе со мной весьма откровенно

высказал свое мнение о послых и посланниках, среди которых ему однажды придется выбирать себе преемника. Единственным, кого он считает способным к такой должности, является граф Капнист — в настоящий момент посланник в Гааге.

4 августа. Прекрасный жаркий день. Без четверти двенадцать я отправился на станцию, чтобы встретить господина Гирса, который позавтракал у нас. Мы пошли в парк и обсудили политическую ситуацию, как делаем это уже много лет перед императорскими поездками или отъездом в отпуск. Осенью 1879 года мы обсуждали программу Сабурова, благодаря которой он стал послом в Берлине; о Данцигском визите Александра III мы тоже договорились по моей инициативе на такой встрече на петергофской даче; свидание в Скирневице мы запланировали в саду в Гатчине, а теперь в парке Сергиевского родился проект, реализация которого могла бы иметь весьма далеко идущие последствия. Обсудив Афганистан, Корею, Египет и — увы — довольно тревожные новости о деятельности нигилистов, заговорили о российском дворе. Мы уже сели завтракать; Гирс говорил об обаянии великой княгини Елизаветы Федоровны; я вставил замечание о том, что наверняка присутствует желание дополнить императорскую семью еще одной принцессой из гессенского дома. Министр ответил: «Есть некоторые люди, которые лелеют подобные планы; но я смотрю выше, у меня более далеко идущие надежды». Я ограничился замечанием, что если наследник престола планирует взять в супруги принцессу евангелического вероисповедания, то желательно заранее сообщить об этом, поскольку после конфирмации переход в греческую веру еще труднее, чем до нее.

13 августа. В восемь часов утра я на своих конях отправился на парад в Красное Село. Снова замечен прогресс по сравнению с прошлым годом, особенно у гвардейской пехоты. На мой взгляд, после отставки Милютина армия становится все лучше и лучше. Заслуга в этом императора

большая и двоякого рода. С одной стороны, негативная, которая состоит в том, что он воздерживается от любого дилетантского вмешательства; с другой, позитивная, а именно его нелюбовь к праздности, пусканию пыли в глаза и играм в солдатики.

20 августа. Фельдъегерь прибыл с фатальным ответом на мою просьбу об отпуске.

27 августа. Любимая игра современной публицистики — представлять вымышленные ситуации будущего как исторические факты и во всех подробностях описывать «битву при Доркинге»⁸ или «дорожную ситуацию двадцатого века». События последних десятилетий столь удивительны и столь сильно противоречат целям и ожиданиям лучших и благороднейших умов, что теперь уже ничто не кажется невозможным. Нет ничего столь высокого или масштабного, чтобы человеческий разум с этим не справился; ничего столь плохого и отвратительного, от чего отшатнулась бы мораль, в равной степени чуждая христианству и философии. Пока другие воображают битвы и воздушную почту грядущего, я хотел бы переместиться в кабинет Ранке или Карлейля следующего века и посмотреть на его критическое исследование. Его будут окружать массы материала: публицистика бисмарковской эпохи — сперва годы ненависти и насмешек, затем удивление, признание и восхищение, наконец, полное подчинение всей современной журналистики гиганту, которому assisteрует «вельфский фонд»⁹. Историк становится все

⁸ «Битва при Доркинге» — фантастический роман британского писателя Джорджа Томкинса Чесни, опубликованный в 1871 году. В нем в виде воспоминаний ветерана представлен рассказ о германской высадке на Британских островах. Роман стал бестселлером и положил начало целому жанру художественной литературы, популярному в Европе рубежа веков — «книгам о вторжениях».

⁹ «Вельфский фонд» был образован после аннексии Пруссией Ганновера в 1866 году из активов свергнутой династии Вель-

более недоверчивым, все более осторожным при просмотре и проверке материала. Он ищет несколько статей ультрамонтанов, пару папских высказываний и епископских посланий. Он внимательно сравнивает публикации с современными им дипломатическими депешами, копиями которых запаса в столичных архивах. В одном углу комнаты лежит огромная кipa пасквилей, разоблачений, тайных воспоминаний — изделий постбисмарковской эпохи, когда пигмеи станут ругать мертвого атлета. В них, тем не менее, можно будет найти что-нибудь интересное про его слуг.

После долгого чтения ученый задумывается, потирает лоб, ищет аналогии, события древней истории, которые помогут ему лучше понять материал. Он не находит ничего; никогда еще подобное величие не сопровождалось столь всеобщим подчинением. Александр, Цезарь, Людовик XIV или Фридрих II не смогли ни столь стремительно, ни столь всеобъемлюще воплощать в жизнь свое волшебство и свою власть, как в эпоху пара и электричества, при помощи которых об успехах Бисмарка узнает все человечество. Все — от государственных мужей до спокойных бюргеров и бродяг — пытаются постичь тайну, лежащую в основе столь ошеломляющего успеха. Некоторые верят, что секрет заключается в беспощадном использовании своего превосходства над более слабыми. Так действуют теперь многие, и скромного исследователя бросает в дрожь от цинизма, с которым ослепленная достижениями бесцеремонного деятеля толпа одобряет все, что венчает успех.

К подобного рода размышлениям меня подтолкнули два события последнего времени: высылка российских подданных из наших восточных провинций и наш конфликт с Испанией из-за Каролинских островов. Два года назад

фов. Использовался Бисмарком для теневого финансирования различных проектов, в том числе для подкупа прессы.

кронпринц вынужден был подвергать себя опасности, пускаясь зимой в морское плавание и рискуя встретить недружественный прием со стороны испанских анархистов, чтобы поддержать прогерманскую политику мужественного короля Альфонсо, которого в Париже оскорбили из-за того, что наш император сделал его шефом уланского полка. Тогда испанского короля чествовали перед лицом всего мира и его собственного народа; теперь же, не говоря ни слова, захватывают пару островов, которые даже школьные учебники называют испанскими, и тем самым ставят славного молодого монарха в тяжелую ситуацию. В Германии слишком много людей считают достойным восхищения тот факт, что наша канонерка «Ильтис» стремительно установила немецкий флаг на острове Яп. Мне кажется неумным и дерзким подавать столь плохой пример. Неумным, поскольку объекты нашей алчности лишены всякой ценности и мы не сможем защитить их в следующей войне против Франции. Дерзким, поскольку мы расшатываем те самые правовые основы, которые должны стремиться укреплять после того, как войны 1866 и 1870–1871 годов удовлетворили наши потребности.

12 сентября. Позавчера вечером я получил в Петербурге инструкции Бисмарка, касающиеся Каролинских островов. В них соединены достоинство, мягкость, стремление щадить короля Альфонса и осознание собственного могущества. Нужно быть очень сильным, чтобы говорить так вежливо. Оскорбление нашего герба в Мадриде упоминается в таком ключе: является само собой разумеющимся стремление тамошнего правительства отстоять свою собственную честь, покарвав зачинщиков. Подъем нашего флага на острове Яп представлен как вполне обратимый шаг, которому мы сами непременно помешали бы, если бы после получения испанского протеста у нас имелись средства своевременно направить телеграмму капитану «Ильтиса». Мы подчинимся решению арбитража и призываем все дружественные державы дать правительству испанского ко-

роля добрый совет: принять те средства разрешения конфликта, которые мы предлагаем.

Исправлять допущенные ошибки — редкое дарование. Им обладал Фридрих Великий, обладает и наш канцлер. Лишь величайшую ошибку своего правления — Культуркампф¹⁰ — он не сможет полностью исправить. Проблема Занзибара счастливо разрешена, можно надеяться, что и история с Каролинами теперь завершится. Однако Каспар из «Вольного стрелка» говорит: «Ты думаешь, орел тебе подарен?»¹¹ Я изложил господину Влангали испанские дела; поговорили мы и о несчастной проблеме высылки. Он делает все, что может, чтобы добиться содействия со стороны русских чиновников.

¹⁰ Культуркампф — борьба германского государства против политической деятельности католической церкви и ее влияния на светскую жизнь, проводившаяся Бисмарком в начале 1870-х годов. Начавшись с мер по отделению церкви от государства, быстро вылилась в репрессии против католического духовенства и сопровождалась агрессивной риторикой о «врагах империи», желающих ее гибели. Привела к достаточно глубокому расколу немецкого общества, сплочению католиков вокруг своих политических и религиозных лидеров, усилению католической партии Центра в парламенте. Во второй половине 1870-х годов Культуркампф был свернут; его итоги воспринимались в обществе как поражение правительства. В 1880-е годы Бисмарк предпринял ряд шагов по примирению с католической церковью и даже был награжден папским орденом, однако партия Центра до самой его отставки оставалась в оппозиции.

¹¹ Отсылка к широко известной в Германии того времени опере Вебера «Вольный стрелок». Один из героев дает другому заколдованную пулю, чтобы сразить орла, а затем требует, чтобы тот составил ему компанию при выплавке новых таких пуль. Когда набожный стрелок отказывается, поскольку это сделка с нечистой силой, его коварный товарищ утверждает, что сделка уже состоялась в момент, когда он воспользовался пулей: «Ты думаешь, сия вина — коли она и вправду есть — твоей еще не стала? Ты думаешь, орел тебе подарен?» Швейниц имеет в виду, что за успехи придется расплачиваться.

28 сентября. 19-го у нас были гости; в шесть часов два моих экипажа доставили к нам господина Влангали, барона Жомини, Бюлова, Йорка и Годафруа. Я предложил прогуляться по парку и пошел вперед с господином Влангали; мы говорили о разных мелочах и о моем отъезде, назначенном на следующий вторник. Спустя некоторое время он совершенно спокойно сказал: «Произошли некоторые движения». — «Какие движения?» — спросил я, и он рассказал, что в Филиппополе арестованы генерал-губернатор и турецкий командир ополчения; создано временное правительство, болгарский князь провозглашен регентом. Князь узнал об этом в Варне и последовал призыву; он мобилизовал свою армию, созвал Национальное собрание и отправился в Филиппополь, где собирается издать манифест, в котором провозглашается объединение, но при этом признается сюзеренитет Порты в нынешнем его виде. Я полностью доверяю словам господина Влангали, заверившего меня, что эти новости для России столь же неожиданны, сколь и неприятны¹². Он заявил, что Порте, вероятно, не остается теперь ничего другого, кроме как договориться с князем на возможно более благоприятных условиях.

«Итак, я не услышу этой осенью оленьих голосов», — такая мысль первой промелькнула у меня в голове. Я пригласил советника Бюлова, который был еще не в курсе происходящего, в свой кабинет и сказал ему: «Это самая значимая новость, какую я получал с 1870 года». Я составил длинную телеграмму, затем мы отправились к столу и больше не упоминали происходящее. В восемь часов прибыл Оттенберг с телеграммой, в которой мне сообщали ту же новость из Берлина. Фельдъегерь привез весьма безрадостные инструкции. В них говорилось о довольно дерзкой

¹² В связи с тем, что российско-болгарские отношения серьезно ухудшились, в Петербурге действительно выступали категорически против объединения Болгарии, которое отстаивали еще несколько лет назад.

ноте российского правительства, утверждавшей, что я общал в начале мая о предстоящей кампании по высылке из Позена, а теперь тысячи людей прибывают из Западной Пруссии; Россия хочет, чтобы кампания была остановлена, пока мы не договоримся о некоторых условиях, сформулированных в виде трех статей. Мы до этого все время утверждали, что используем свое неоспоримое суверенное право, не обращая внимания на возражения российских министров иностранных и внутренних дел, о коих я докладывал. Теперь же мы отступаем, обещая вступить в переговоры по всем трем статьям. В мой адрес пишут: хотя утверждение русских, что я говорил только о Позене, представляется лишь предлогом, имеет место труднообъяснимое взаимное непонимание. Мне было несложно опровергнуть эти инсинуации, что я и сделал в убедительной, хоть и несколько резкой форме. Я попросил господина Влангали и посла Шувалова исправить ошибки, допущенные в ноте от 13 сентября, и они согласились.

Вероятно, только у кочевников бывало так, что в момент, когда события затрагивают высшие интересы нации, никого из руководителей нет на месте. Однако именно это и происходит сейчас в Петербурге. Из членов императорского семейства в столице присутствует только великий князь Алексей, который передал господину Влангали, что хотел бы уехать за границу и желает знать, уместно ли это в нынешний момент. Управляющий министерством иностранных дел ответил, что он может ехать, но не слишком надолго. Поскольку отсутствуют не только практически все министры (кроме министра императорских доменов), но и почти все члены Государственного совета, то господину Влангали было бы трудно собрать вокруг себя даже полдюжины персон, обладающих некоторым весом, если бы он задался целью спросить совета или разделить ответственность с другими. Однако он не испытывает подобной потребности, а взял все дела министерства в свои руки, излагает ежедневно массу приходящих новостей в двух

предназначенных для императора телеграммах и принимает срочные решения под свою ответственность, обсудив их с господином Зиновьевым и, возможно, господином Хитрово. Последнего я ежедневно встречаю в министерстве, и мне кажется, что я вижу в «Новом времени» выражение той ненависти и жажды мести, которую бывший генеральный консул в Софии питает к болгарскому князю.

21-го я завтракал у Дюсо с Влангали. Последний сообщил, что император Александр запретил присоединяться к движению российским офицерам, служащим в Болгарии и Румелии. С представителем графа Толстого господином Дурново Влангали договорился о необходимости сдерживать здешнюю прессу. Эффект стал очевиден сразу же; все газеты за исключением «Света» единогласно осудили шаг князя Александра, который поначалу радостно приветствовали. Яростнее всего выражается Катков. Национальная партия находится в сложном положении и в плохом настроении: немецкий принц при поддержке Австрии и Англии выполнил ее программу.

22-го ко мне пришел граф Волькенштейн и прочел две телеграммы, которыми граф Кальноки выражает господину Влангали свое недоверие — на мой взгляд, неоправданное. Я посоветовал своему коллеге несколько смягчить тон и сообщил, что в Берлине поведение здешнего «остаточного правительства» оценивается как корректное. **23-го** я позавтракал у графа Волькенштейна, а затем отправился к Влангали, сказавшему мне, что хочет прощупать почву в Берлине и Вене — согласны ли там на совещание послов в Константинополе, не являющееся формальной конференцией (на которой председательствовала бы Турция), а под руководством дуайена? Это позволило бы добиться единства дипломатических действий и ограничить перемены, в частности, избежать распространения движения на Македонию с последующим кровавым конфликтом.

Граф Петр Шувалов, находившийся здесь несколько дней, высказал мне свое удивление спокойной реакцией

английского правительства на известие об объединении Болгарии; англичан даже обвинили в пособничестве. Граф сказал: «Одна лишь Англия настаивала на разделе Болгарии, и никто не ратовал за это энергичнее нынешнего премьера; князю Бисмарку дела до этого не было, Франция и Италия демонстрировали равнодушие, и даже Австрия согласилась бы на умеренную в размерах, но единую Болгарию; одна лишь Англия превратила создание Восточной Румелии в принципиальный вопрос». Затем он продолжил: «Прекрасно, что вся русская пресса критикует движение и проклиняет вызвавших его; но это ничего не меняет в том обстоятельстве, что императору вне зависимости от его желания придется вести войну, если болгары окажутся разбиты или станут чьими-либо жертвами. Тогда не просто в Москве, а во всей стране поднимется такая буря, что станет невозможным никакое сопротивление»¹³.

¹³ Записи с октября по февраль включительно в дневнике отсутствуют.

4 марта, Санкт-Петербург. Сегодня ровно десять лет с того момента, как я передал императору Александру II свои верительные грамоты. Милосердный Господь защищал меня и моих близких в течение этого долгого срока, и я испытываю глубокую благодарность к Нему, оглядываясь назад, и твердую веру, глядя вперед. Далеко заглянуть я не могу; я чувствую, что мое оставшееся время здесь будет недолгим; здоровье снова укрепилось, но положение неудовлетворительно: не в силу здешних обстоятельств, а из-за бесцеремонности и мелких оскорблений со стороны внешнеполитического ведомства в Берлине. При дворе у меня больше нет опоры, император окружен кольцом, через которое могут проникнуть только канцлер и его люди. Вокруг кронпринца тоже умело сгруппировали людей, ориентирующихся на Вильгельмштрассе¹; но на последней под перьями орла царит толпа карьеристов, которые осложняют жизнь старым чиновникам. Уже много лет никто из тех, кого не поддерживает князь Бисмарк, не в состоянии сделать карьеры; и теперь молодое поколение видит самого могущественного своего покровителя в лице графа Герберта Бисмарка. Он умелый, одаренный и работающий с полной самоотдачей политик — но поскольку он молод, то вполне естественно, что его окружают молодые друзья.

¹ То есть на Бисмарка и министерство иностранных дел.

В течение всей зимы нас занимали балканские вопросы. Князь Бисмарк поставил себе задачу сдерживать Австрию, чтобы она не оказалась в состоянии конфликта с Россией. Иногда до этого конфликта оставалось совсем немного — и тогда князь говорил с Веной твердо, даже жестко. Когда сербо-болгарская война² началась и приняла неожиданный оборот, приведя князя Александра на сербскую территорию, Австрия приказала ему остановиться! Стоило некоторого труда успокоить возбуждение, поднявшееся в России при получении этой новости. Император Александр в течение всего кризиса оставался тверд и спокоен. Это заслуживает тем большего восхищения, что в самом начале он сделал неполитический жест, приказав вычеркнуть принца Баттенбергского из списков российской армии. Его Величеству не могло понравиться то, что сразу же после этого шага, негативно воспринятого в русской армии, принц начал свершать воинские подвиги. Но император не поддался эмоциям, а настаивал на том, что его кузен — подлец и должен быть изгнан при первой возможности.

В январе пал кабинет тори и к власти вернулся мистер Гладстон. Однако поскольку министром иностранных дел стал лорд Розбери, мы сблизились с Англией; в особенности это проявилось в той позиции, которую обе державы заняли в отношении беспокойной Греции. Франция в этом деле не участвовала, и весьма примечательно, что Россия последовала ее примеру. Наша связь с Австрией ослабла, и князь Бисмарк в своей антипольской речи, о которой еще часто будут говорить³, сделал несколько резких выпадов

² Сербо-болгарская война состоялась в ноябре 1885 года. Она началась по инициативе Сербии и завершилась быстрой победой Болгарии. Окончательный мирный договор был подписан 3 марта 1886 года в Бухаресте на основе статус-кво.

³ Имеется в виду речь в нижней палате прусского ландтага от 28 января 1886 года, посвященная польскому вопросу.

в сторону цислейтанского правительства. Полностью зайдя в тупик в вопросе Каролинских островов, он призвал папу в качестве арбитра, прикрыл тем самым свое отступление, нанес поражение партии Центра, получил орден Спасителя с бриллиантами, после чего сделал далеко идущие уступки Ватикану. На этом фоне он попытался отделить польский вопрос от церковного и начал против поляков борьбу, которая, проходя параллельно с кампанией по высылке, вызывает сильные страсти. Национал-либералы и даже консерваторы ликовали, глядя на это, и говорили о гении государственного деятеля. Когда великий канцлер однажды уйдет в отставку, множество людей будет стыдиться и взаимно обвинять друг друга в низости, с которой они склонились перед его чудовищной волей. Меня задевает в первую очередь неумная и бессмысленно жестокая кампания по высылке; здесь я в меру своих сил улаживал проблемы, ведя переговоры напрямую с графом Толстым; однако избежать последствий не удастся.

Для меня и моих близких зима оказалась спокойной и счастливой, несмотря на то что многие дети подолгу болели; 3 января у нас родился мальчик. С охотой получилось не очень, снега долго не было, потом я застрелил двух лосей, пару лис и зайцев, но ни одного волка или рыси. Я получаю меньше приглашений, чем обычно — множество молодых великих князей переходит мне дорогу, а устраивать большие охотничьи вылазки за собственный счет у меня нет ни времени, ни средств.

11 марта. Сэр Роберт Морье⁴ написал мне: его правительство располагает известиями о том, что русские вооружаются. Инструкция из Берлина требует от меня доложить, знаю ли я что-нибудь о подготовке к мобилизации; из Бердянска доносятся слухи, что там сосредотачивают лошадей. Я заявил, что считаю это маловероятным;

⁴ Роберт Морье (1826–1893) — британский дипломат, посол в России в 1884–1893 годах.

политика императора Александра направлена на сохранение мира, то же самое касается его министра; нет ни одной партии, ни одной клики, которая желала бы войны. Даже шовинистические офицеры генерального штаба, славянофилы и панслависты хотят отложить желанную для них большую войну до момента возможной смены правителей и систем в Германии и Франции. Никаких мер финансовой подготовки Россия не принимает; она начала большую операцию по конвертации пятипроцентного займа в объеме более миллиарда рублей в четырехпроцентный. В военном отношении тоже нет никакой активности; западную границу укрепляют строительством крепостей, дорог и железнодорожных линий, что не имеет значения для настоящего момента. Активность проявляют во флотских делах, в особенности на Черном море. Император Александр III отправляется в путь, чтобы присутствовать на спуске на воду в Николаеве нового броненосца; возможно, он посетит Севастополь⁵. Вчера я на встрече с господином Гирсом заговорил об этой поездке; он ответил, что император не сказал ему ни слова. Всем знакомым, уже неоднократно спрашивавшим его, будет ли он сопровождать Их Величества, приходится говорить, что официально он ни о чем не знает. Это напомнило мне высказывание графа Андраши 1875 года: когда я спросил его, что он думает о воздействии, которое произведет появление императора Франца Иосифа у подножия Динарских Альп на народы, живущие по ту сторону хребта, граф ответил, что поездка в Далмацию есть чисто цислейтанское дело и его не касается. Когда я упомянул слухи о подготовке к войне, господин Гирс ответил, что и ему самому, и императору чужда мысль об оккупации Болгарии. По словам министра, граф Павел Шувалов однажды написал ему после разговора с Гербертом

5 В Николаеве в присутствии императорской семьи состоялся спуск на воду броненосца «Екатерина II», в Севастополе — «Чесма».

Бисмарком, что оккупация Болгарии, вероятно, может быть разумной мерой при условии одновременной оккупации Сербии австрийцами; на это Гирс порекомендовал послу в Берлине избегать подобных мыслей в официальных донесениях, поскольку императору такое сильно не понравится.

22 марта. В эти дни я приложил большие усилия для того, чтобы побудить российское правительство поддержать английское предложение: призвать Грецию к разуму при помощи военно-морской демонстрации⁶. Господин Гирс действовал корректно, хотя ему приходится учитывать симпатии, питаемые императрицей к своему брату, а нацией — к единоверцам. Сегодня пришло очень много высокопоставленных особ, великих князей, министров и генералов. В большинстве действительно искренних поздравлений со стороны русских я слышу убежденность, что мир продлится только до тех пор, пока жив император. В пять часов экстренный поезд привез в Гатчину приглашенных на обед. Я сидел между императрицей и княгиней Кочубей. Император был, как всегда, приветлив, но не сказал ни слова о политике, что меня обрадовало. Императрица поделилась со мной планом поездки, которую двор предпримет на юг России.

24 марта. Вчера мы пригласили 550 гостей, более 400 из них появились. Ужин и мероприятие в целом удались, все прошло благополучно. Сегодня я рано встал и в сопровождении барона Вертерна поехал через Ораниенбаум к Науму в охотничий домик. Медведь пробежал в 35 шагах от меня, и я всадил пулю ему в лопатку. Это

⁶ Греческое правительство попыталось воспользоваться Болгарским кризисом для того, чтобы разжечь антитурецкое восстание на Крите и нанести поражение Османской империи. В начале 1886 года великие державы оказали давление на Афины, требуя разоружиться, и согласовали военно-морскую демонстрацию, не позволявшую греческому военному флоту выйти в море.

был красивый черный зверь весом в девять пудов; большая и чистая радость.

14 апреля. 1-го числа императорский двор отправился в Ливадию; генерал Вердер сопровождал императора, господин Гирс последовал за ними несколько дней спустя. В столице царит политическая тишина; державы наконец санкционировали турецко-болгарское соглашение, и принц Баттенбергский принял его с оговорками. Греция все еще настроена воинственно, но все державы кроме Франции согласились на военно-морскую демонстрацию под британским руководством. **11-го** я обедал у княгини Кочубей, где встретил господина Победоносцева, с которым мы в последнее время часто беседовали у меня и у него. Княгиня спросила меня, что я о нем думаю. Я ответил: «Он — часть той силы, что вечно хочет блага и все же совершает зло»⁷. Вероятно, княгиня не поняла моих слов.

16 апреля вечером мы прибыли в Берлин и расположились в «Кайзерхофе». Оттуда я немедленно отправился со своими депешами в ведомство иностранных дел и доложил о прибытии; Герберт Бисмарк тут же направил мне письменный ответ. Утром **17-го** я пошел к нему; он ясно и спокойно обрисовал ситуацию; мы по-прежнему стремимся не допустить австро-русского столкновения; мы не испытываем беспокойства по поводу возможного греко-турецкого конфликта и вмешательства в него России; мы готовы к войне с Францией⁸, хотя и не желаем ее. Я был рад слышать, что граф Бисмарк не считает войну с Россией не-

⁷ Отсылка к «Фаусту» Гете: Мефистофель говорит о себе, что он — «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

⁸ Во Франции в 1886 году произошел подъем националистических и реваншистских настроений, краткий эпизод разрядки в отношениях с Германией закончился. Пресса обеих стран заговорила о близком военном конфликте.

избежной, как многие наши соотечественники⁹. Я заявил, что мы должны стремиться как можно дольше сохранять тот 120-летний мир, который существует у нас с восточным соседом; война не приведет к разгрому противника, лишь к его временному оттеснению; возникнет отсутствующая сейчас ненависть, которая будет на протяжении многих поколений сталкивать две нации. В настоящий момент русские испытывают к нам зависть, но не настоящую вражду, хотя их высшие сословия симпатизируют французам больше, чем нам. Я сказал, что мы не должны позволить Австрии втянуть нас в войну с Россией, но, если последняя начнет наступление на запад под флагом панславистской аграрной революции, мы не имеем права вторично прибегнуть к политике Базельского мира 1795 года¹⁰. С графом Берхемом у меня состоялась беседа относительно ожидаемого повышения пошлин на железо и уголь, которые мы экспортируем в Россию; я почувствовал влияние Гвидо Хенкеля¹¹. Берхем хочет пригрозить удвоением наших пошлин на зерно и разрушить запланированную Россией конверсию государственного долга. Я заявил, что никакие репрессалии не в состоянии заставить Россию пойти на уступки в вопросе таможенных тарифов; новое повышение

⁹ В германском военно-политическом руководстве, особенно в генеральном штабе, идея неизбежности вооруженного столкновения с Россией была к тому моменту широко распространена. Ее обосновывали агрессивной панславистской и антигерманской политикой Петербурга.

¹⁰ Заключив Базельский мир с Французской республикой, Пруссия в 1795 году вышла из состава антифранцузской коалиции и в дальнейшем на протяжении более чем десятилетия сохраняла нейтралитет. В результате ей в 1806 году пришлось вступить в войну с Наполеоном, оставшись практически в изоляции, что закончилось для нее сокрушительным поражением.

¹¹ Граф Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк (1830–1916) — один из «капитанов» немецкой тяжелой промышленности, владевший также предприятиями в России.

наших ввозных пошлин на русский хлеб лишь разозлит крупных землевладельцев, близких к императору, но последний не осознает, что лишь от него зависит изменение ситуации.

В три часа, после короткого разговора с господином Роттенбургом, я пришел к князю. Канцлер хорошо выглядел и был в прекрасном настроении; он пил мозельское, стакан которого предложил мне, и билинскую воду. Как обычно, он и в этот раз не стал задавать вопросы о положении дел в России; затронутые мной проблемы давления на балтийских немцев и границ в Центральной Азии не вызвали у него интереса. Он заявил, что русские оказались не так довольны высылкой их подданных, как он ожидал. Я ответил, что в России нет видения масштабной консервативной политики; лишь граф Толстой выразил понимание нашей точки зрения, и только благодаря ему пока все более или менее благополучно. Затем князь весьма подробно и интересно рассказал о недавних переговорах с Римом и заседаниях в наших парламентах. Похоже, он очень доволен тем, как его «польские законы» были приняты в ландтаге. Князь заявил, что за двадцать лет, прошедших с последнего польского восстания, заметен некоторый прогресс в плане зрелости политических суждений. О мире с Римом канцлер говорил, словно оправдываясь; он заявил, что ему безразличны все разговоры о Каноссе и Кавдинском ярме¹². О «майских законах» он высказался с пренебрежением, назвал их мелочными репрессиями уровня

¹² В 1872 году, в разгар Культуркампфа, Бисмарк произнес в парламенте знаменитую фразу: «Мы не пойдем в Каноссу ни телом, ни духом», — имея в виду знаменитое покаяние императора Генриха IV перед папой Григорием VII в замке Каносса в 1077 году. «Каносса» с тех пор является символом униженного подчинения. Тот же смысл имеет выражение «Кавдинское ярмо», отсылающее к унижительной процедуре, через которую пришлось пройти побежденным римлянам после битвы с самнитами в Кавдинском ущелье в 321 году до н. э.

окружных судей, введенными господином Фальком без его участия, и так далее¹³.

Канцлер заговорил о немецком парламенте в пренебрежительном тоне, который часто слышен в последние месяцы: «Возможно, дело дойдет до того, что я буду вынужден сломать свое же творение; люди забывают, что с нынешним союзным государством может случиться то же, что и с франкфуртским бундестагом в 1866 году; князья могут выйти из его состава и создать новое без рейхстага». Непринужденность, с которой князь сообщил мне этот простой рецепт, напомнила мне лучшие его годы. Он продолжил: «Принца Вильгельма легко получится убедить, и я смогу уговорить кронпринца и императора». Относительно моего личного положения князь не сказал ничего; он дружелюбно осведомился о моей семье, однако обошел вопрос о том, что я уже пять лет прошу перевести меня, что мне предлагали пост наместника в Эльзас-Лотарингии и что ключевая фигура на этом посту с тех пор уже сменилась — как и на должностях послов в Лондоне, Париже и Константинополе.

7 мая я последовал приглашению кронпринца и приехал в Хомбург. В начале второго я прибыл в замок и оставался до двух. Кронпринц показался мне постаревшим, его роскошная борода поседела на кончиках волос. Он отстраненно и без горечи говорил о своем положении — весьма неприятном между обожествленным отцом, окруженным лестью сыном и всемогущим канцлером. Во второй половине дня мы отправились на прогулку. Я мог часами говорить с принцем — весьма интересное, хоть и бесполезное

¹³ «Майские законы» — серия законодательных актов в рамках Культуркампфа, принятых в мае 1873 года. Стали своеобразной высшей точкой и символом борьбы против политического католицизма. В 1880-е годы постепенно отменены. Стремясь примириться с католиками, Бисмарк сваливал ответственность за радикальные меры Культуркампфа на Адальберта Фалька, занимавшего в 1870-е годы пост прусского министра культов.

занятие. Он столь же «несовременный», как и я; я не стал скрывать от него своего мнения о том, что власть из рук старцев, сделавших Пруссию великой, выскользнет в руки юнцов. Кронпринц слишком хорошо знал это по своему опыту: «Если молодежь становится бесцеремонной, нужно стать еще бесцеремоннее».

9 мая вечером Анна проводила меня на вокзал; прощание было тяжелым. Я поехал в Кобург, где осмотрел несколько домов, но в итоге пришел к выводу, что не хотел бы там жить. Оттуда я поехал к сестре в Лигниц, сходил вместе с ней на могилу моего доброго отца и в ночь с 12-го на 13-е отправился в Берлин.

13 мая около полудня я пошел к графу Берхему, замещающему Герберта Бисмарка по болезни; затем к тайному советнику Роттенбургу, где прочел переписку с Петербургом по таможенным вопросам. В большой приемной я поговорил с тайным советником Бухером, с удовольствием рассказавшим, что получил отставку. Вероятно, это не помешает ему и в будущем выступать в роли посредника между канцлером и старыми героями революции¹⁴. Его на минуту пригласили в кабинет князя, где был подписан ордер на десять тысяч марок. «Старые грехи, — пояснил мне канцлер, — деньги для Клапки¹⁵, который уже

¹⁴ Лотар Бухер (1817–1892) — один из активных участников немецкой революции 1848–1849 годов, более десяти лет находился в эмиграции в Великобритании, затем получил амнистию, вернулся в Пруссию и в 1864 году поступил на службу в министерство иностранных дел, став одним из самых близких помощников Бисмарка. После отставки «железного канцлера» сыграл огромную роль в работе над его мемуарами.

¹⁵ Дьёрдь Клапка (1820–1892) — один из лидеров венгерского национального движения, активный участник революции 1848–1849 годов, затем находился в эмиграции. В 1866 году накануне и во время войны против Австрии Бисмарк вел с ним переговоры об организации восстания в Венгрии и выделил средства на формирование «венгерского легиона».

получил больше, чем необходимо, и не способен рассказать ничего такого, что не было бы известно». Затем князь долго рассказывал об обстоятельствах, вынудивших его в 1866 году сформировать венгерский легион и выступить с известным воззванием к чехам. Он заявил: «Это произошло под влиянием угроз Наполеона; я должен был пустить в ход все средства, чтобы быстро договориться с Австрией».

О России князь говорил очень мало, но высказал правильную точку зрения: мы должны удерживать Австрию от военного столкновения с русскими, если последние оккупируют Болгарию или создадут угрозу Дарданеллам. Австрия должна предоставить англичанам действовать и спокойно ждать, пока русские завязнут на полуострове, и тогда огромные преимущества географического положения Трансильвании и т. д. сами собой окажут большое влияние. Я лишь высказал свое скромное согласие с этими взглядами и удовлетворенность тем, что мы не хотим позволить венгерскому и галицийскому влиянию втянуть нас в войну с Россией. Я заявил, что нельзя поддерживать широко распространенное мнение о том, что российско-германская война неизбежна; следует избегать ее, сколько возможно, и ни в коем случае не начинать из-за восточных вопросов. Однако если Россия будет угрожать Австрии своей славянофильской программой, мы не должны повторять ошибку Базельского мира.

Доложили о приходе Павла Шувалова, и я собрался уходить, но князь попросил меня остаться. Посол, только что вернувшийся из отпуска, первым делом выразил сердечную радость по поводу выздоровления графа Герберта; после возвращения в Берлин он не слышал ничего более приятного, чем новость о том, что выздоравливающий совершил свою первую прогулку. Канцлер заговорил о выросшем в результате болезни сына грузе работы — ведь больше нет Гатцфельдта, который мог бы его заменить. Граф Шувалов возразил: «Даже если бы у Вас

было четыре Гатцфельдта, они не смогли бы заменить графа Герберта!» После этого речь зашла о политике; стороны констатировали, что ничего особенного не происходит; в греческом вопросе скоро наверняка наступит тишина.

Граф Шувалов передал заверения в совершенном уважении со стороны графа Толстого, и князь поблагодарил, в свою очередь высоко оценив этого государственного мужа. Однако посол не стал исполнять поручение российского министра внутренних дел, которое — как он сам мне позднее рассказывал — было сформулировано следующим образом: «Скажите князю Бисмарку, что я пошел навстречу его желаниям в вопросе депортации и уладил все в двадцать четыре часа, но не согласен с его точкой зрения: на мой взгляд, превосходство немецкой культуры и администрации постепенно обезвредило бы эти опасные элементы, но теперь князь депортацией пробуждает сочувствие к ним и вызывает у поляков любовь к нам, которую все считали невозможной». Князь Бисмарк, охотно беседующий с Павлом Шуваловым, был общителен и в хорошем настроении. Он рассказывал: «Когда я недавно полушутя сказал в парламенте, что Франция во время следующей войны поднимет красное знамя, это было чистой правдой. Наполеон говорил, что через полвека Европа станет республиканской или казацкой; именно это мы сейчас и наблюдаем — разумеется, при условии, что Вы, как и я, понимаете под «казацкой» истинно монархическую. Мы должны втроем образовать каре, чтобы защититься от западных республик, к которым я уже причисляю Англию. Возможно, если нынешний министр сможет удержаться, Италия будет на нашей стороне. Однако главным остается каре трех». — «А султан, что делать с ним?» — спросил Шувалов. «Я уступаю его вам!» — ответил князь. Беседа продолжалась в таком ключе, пока граф не распрощался; собеседники еще раз заверили друг друга, что все идет хорошо и беседовать особо не о чем. При этом в подвешенном состоянии

остается вопрос о пошлинах, который может в любой момент привести к ожесточенной таможенной войне. Шувалов слишком умен, чтобы говорить о таких вещах, пока не будет вынужден это сделать.

В пять часов я отправился на обед во дворец. Войдя в вестибюль, я увидел генерала Папе, командира Гвардейского корпуса. Несколько недель назад я прочел, что он смертельно болен, поэтому сразу же подошел к нему и выразил свою радость по поводу того, что вижу его в добром здравии. Получилось своевременно, ничего не скажешь! «Почему? — спросил он. — Вы тоже думали, что я помру?» Мне невольно вспомнился великолепный рассказ Анценгрубера «Старческая доля», в котором сыновья с нескрываемой радостью шептались друг другу, что карабкающийся в гору отец остановился отдохнуть не на полпути, как обычно, а уже на первой площадке. При дворе все именно так, как в той горной деревушке, и старики склонны к подозрениям, когда говорят об их здоровье. Чем меньше сил, тем больше мнительность, и люди становятся столь же колкими, как окружающие. На генеральском обеде мне вновь вспомнились слова Шопенгауэра о дикобразах, которые могут терпеть друг друга только в том случае, если замерзают. Рядом со мной стоял гражданский чиновник — обер-президент провинции Позен — с цепочкой ордена Гогенцоллернов, которую, вероятно, получил только что по случаю своего юбилея. С помощью неких газет ему дали понять, что для него пришло время уступить свое место другому. Это, похоже, его расстроило. Когда император приветливо подошел к нему и спросил: «Вы и вправду уже отметили свой пятидесятилетний юбилей?», тот очень сухо ответил: «Да, Ваше Величество, становишься немного старше с каждым годом!» — «Кому Вы об этом рассказываете?» — с улыбкой отозвался добрый монарх.

В середине мая я вернулся в Петербург, и мне сразу бросилось в глаза, что русские газеты и некоторые лица изменившимся тоном заговорили о Франции. Хвастовство

военного министра Буланже¹⁶, дерзость, с которой республиканские чиновники произносили на торжествах шовинистические речи, и показуха в военной сфере, видимо, усилили здесь и представление о том, что Франция готова к войне, и желание видеть ее таковой. Как минимум внешнее сходство российской и французской политики в греческом кризисе, незначительное различие между отсутствием французского и сдержанностью русского флага вызвали здесь смутное ощущение, что страны имеют если не прямо идентичные интересы, то как минимум общие желания.

Значение сотрудничества Германии, Австрии и Англии становится очевидным для публики в вопросе блокады греческих берегов и оказывает неприятное воздействие в моменты высокого патриотического подъема, вызванного царской поездкой. Из рассказов лиц, сопровождавших императорскую чету, могу сделать вывод, что все прошло благополучно. Народ повсюду демонстрировал традиционный образ мыслей, войска были в хорошем состоянии, как и военно-морские учреждения, и нигде не возникло никаких проблем. Реально важен тот факт, что Их Величества отважились отправиться в толпу московских студентов. Любой человек, видевший русскую молодежь в последние десять лет — ее беспутную жизнь, дерзкие лица и взъерошенные волосы, — должен счесть большим успехом политики Каткова-Толстого-Делянова тот факт, что спустя год после университетской реформы императорская чета может находиться в толпе из более чем тысячи студентов, которые одеты в чистые униформы, поют патриотические песни и радостно приветствуют Их Величества, в особенности императрицу.

¹⁶ Генерал Жорж Буланже (1837–1891) являлся ключевой фигурой французского реваншизма. С января 1886 по май 1887 года возглавлял военное министерство; его назначение усугубило кризис во франко-германских отношениях и породило ожидание скорой войны.

Инцидент, имевший место 25 мая в Кремле — речь городского головы Алексеева¹⁷ — приобретает особое значение, если знать все детали. Еще свежо в памяти несчастье, которому немало способствовали сказанные в 1876 году в Кремле слова¹⁸. Господин Гирс, князь Долгоруков и граф Толстой могли бы принять меры для того, чтобы никакие опасные фразы не прозвучали; после того впечатления, которое произвел приказ по флоту¹⁹, к этому следовало быть готовыми. Господин Гирс допустил промашку, а знал ли о деле граф Толстой, неизвестно. Князю Долгорукову намерение бургомистра было наверняка известно, однако он слишком стар и слаб и хочет остаться популярным.

11 июля. Последние недели я провел в тишине. С тех пор, как граф Берхем ведет дела в Берлине, мне оттуда не доставляют никаких неудобств, а политика стала довольно интересной. Царь вернулся из поездки в Севастополь и Москву с укрепившимся доверием к себе и счел момент благоприятным для того, чтобы доставить небольшую радость уязвленному национальному чувству: он приказал лишить Батум статуса вольного порта. Скормить горькую пилюлю державам, подписавшим договор, стало задачей господин Гирса. **23 июня** министр сделал мне соответствующее сообщение; по его словам, император хотел без

¹⁷ Николай Александрович Алексеев (1852–1893) являлся московским городским головой с 1885 года. В упомянутой речи он выразил надежду на то, что на соборе Святой Софии в Константинополе будет воздвигнут крест.

¹⁸ По мнению Швейница, именно речь Александра II в Москве в 1876 году стала поворотным пунктом на пути к русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

¹⁹ Приказ был издан в мае 1886 года в связи со спуском на воду вышеупомянутых броненосцев и содержит следующую фразу: «Воля и помыслы мои направлены к мирному развитию народного благоденствия; но обстоятельства могут затруднить исполнение моих желаний и вынудить меня на вооруженную защиту государственного достоинства».

долгих разговоров издать указ, но Гирс не без труда убедил его уведомить сперва Вену и нас. Царь заявил: «Князь Бисмарк ничего не будет иметь против», — но в конце концов разрешил министру поговорить со мной. Кроме того, Гирс прочел мне меморандум, в котором перечислялись доводы в пользу отмена статуса вольного порта — в действительности довольно весомые. Министр совершенно справедливо напомнил монарху, что три империи обещали друг другу не производить никаких изменений на Востоке, не обсудив их предварительно. На мой доклад в Берлин был получен ответ, что князь Бисмарк считает нежелательным предварительный зондаж в Лондоне и Вене; отрицательный ответ англичан усложнит дело, а австрийцы могут потребовать компенсаций. Рассказывая об этом Гирсу, я не мог удержаться от того, чтобы сказать: мне это не нравится. «Мне тоже», — ответил мой собеседник. Но, естественно, все было сделано в соответствии с желаниями Бисмарка.

17 октября вечером я вернулся в Петербург²⁰, мое семейство осталось в Висбадене. Вскоре политика поглотила все мое время и силы, так что одиночество уже не воспринималось слишком тяжело. Одна за другой приходили инструкции от Бисмарка, которые — не без скрытых упреков — требовали от меня разъяснить, правда ли, что Александр III в конце лета попытался сблизиться или даже предложил союз французам, как об этом докладывают с разных сторон. С полной определенностью я ответил, что это совершенно не в духе императора и наверняка не соответствует реальности; в ответ мне прислали донесения графа Мюнстера, в которых были подробно изложены его разговоры с господами Фрейсине и Клемансо²¹. Князь Бисмарк сопроводил эти тексты примечанием: «Сложно

²⁰ Из очередного отпуска в Германии.

²¹ В 1886 году Шарль Фрейсине был главой правительства и министром иностранных дел, Жорж Клемансо — лидером радикальных республиканцев во французском парламенте.

поверить, что французский министр иностранных дел в официальной беседе может так лгать». Но я остался при своем мнении: русские агенты, представители Каткова и, возможно, даже странствующие великие князья могли выражать повсеместно распространенное здесь желание сближения с республикой и придавать своим словам видимость поддержки сверху, однако император и господин Гирс наверняка не имеют к этому никакого отношения. Гирс именно в этот критический период допустил грубую ошибку, не проинформировав нас заранее, что принято решение о прибытии французского посла, отсутствовавшего с момента отзыва генерала Аппера. Я узнал о назначении господина Лабулэ²² из телеграммы нашего ведомства иностранных дел; это было жестоко по отношению ко мне, и если бы я был человеком злопамятным и мстительным, то с этого момента начал бы думать о том, как погубить министра, который после десяти лет эффективной поддержки с моей стороны мог действовать по отношению ко мне так неумело и бесцеремонно.

Я устроил господину Гирсу серьезный разговор по поводу интриг, которые, несомненно, имели место в Париже. Выяснилось, что и он, и император невиновны. Именно об этом я всегда докладывал в Берлин, хотя тот факт, что от меня скрыли отправку послов с обеих сторон, свидетельствовал против меня. Я прекрасно сознавал, что возлагаю на себя большую ответственность, поскольку наступал судьбоносный момент, когда князю Бисмарку предстояло решить, создавать ли коалицию против России или договариваться с ней — пусть даже ценой риска временно отказаться от Австрии.

14 ноября я был на охоте в Коломягах с Половцовым и Петром Шуваловым. Последний сказал мне: «Так у нас никогда не будет стабильных отношений. Пока князь

²² Антуан де Лабулэ (1833–1905) — французский дипломат, посол в России в 1886–1891 годах.

Бисмарк неизменно делает согласие между нами и Австрией условием своей поддержки, император Александр сохранит свое недоверие, и Вы знаете, насколько оно сильно. Теперь он думает, что вы хотели заманить его в Болгарию. И правда, что это за союз трех, в котором двое договорились против третьего? Напишите князю Бисмарку, пусть подходящее доверенное лицо представит императору исторический обзор, который четко разъяснит, что ваш союз с Австрией осенью 1879 года вызван исключительно нашими ошибками, среди прочего письмом Александра II от 15 августа²³. Император не знает этого и наверняка поймет, что, если мы в будущем станем избегать таких ошибок, Вам будет не нужен союз с австрийцами. Почему бы нам не заключить с вами прочный союз, в котором Россия гарантировала бы вам обладание приобретенными провинциями? Если однажды в газетах напишут, что Россия и Германия заключили договор, взаимно гарантирующий их владения, никто не сможет нас ни в чем упрекнуть. Но если бы стало известно, о чем мы договорились втроем с Австрией, во всей России началось бы громкое возмущение. Известно, что император считает обладание Проливами своей неперменной целью; если вы не станете нам в этом мешать и не хотите во всем поддерживать Австрию, то мы могли бы заключить двусторонний договор, который на все времена обеспечит вам спокойствие с французской стороны». Я первым делом ответил, что о Проливах речь может идти, но не о том, чтобы бросить Австрию. Затем я спросил, кто смог бы предоставить императору этот исторический обзор? Граф ответил: «Не мой брат, не член императорской семьи и во всяком случае не человек вроде

²³ Так называемое «письмо-пощечина» Александра II Вильгельму I, в котором присутствовали упреки в неблагодарности и угрозы ухудшением двусторонних отношений. Помогло Бисмарку убедить германского императора заключить союз с Австро-Венгрией.

Победоносцева». Но кто же? Граф не смог никого назвать, я тоже; я пообещал передать эти соображения канцлеру и вскоре выполнил свое обещание. Ответ был дружелюбным, но уклончивым.

Осенью 1886 года дипломатию занимали практически исключительно болгарские дела. Генерал Каульбарс²⁴ тщетно пытался запугать болгар. Последние вскоре поняли, что весь мир за пределами России стоит на их стороне. Петербургская и московская пресса обвиняли нас в том, что мы пытаемся объединить все враждебные державы против России; недоверие императора достигло небывалого размера; Катков еще в сентябре рекомендовал союз с Францией. Господин Гирс оказался дискредитирован в глазах своего монарха, коллег и общественного мнения. Министр не одобрял практически все, что случилось с 21 августа. Если бы Гирс был рядом с царем, когда тот получил телеграмму, где князь Александр объявлял о готовности полностью подчиниться²⁵, министр наверняка приложил бы все усилия, чтобы убедить императора использовать этот шанс и поймать на слове ненавистного принца, который сам себя унизил. По моему личному мне-

²⁴ Генерал Николай Васильевич Каульбарс (1842–1905) был в сентябре 1886 года направлен со специальной миссией в Болгарию после отречения Александра Баттенберга. Своим грубым вмешательством во внутренние дела Болгарии вызвал всеобщее недовольство и вынужден в конце того же года вернуться в Россию. «Миссия Каульбарса» привела к окончательному крушению российско-болгарских отношений.

²⁵ 29 августа 1886 года князь Александр, свергнутый тремя неделями ранее в результате организованного пророссийскими силами государственного переворота, триумфально вернулся в Болгарию и сразу же отправил Александру III телеграмму, в которой заявлял, что готов сложить корону по первому требованию императора. Последний ответил, что не одобряет возвращения князя в Болгарию, и несколько дней спустя Александр окончательно отрекся от престола.

нию, присутствие министра не предотвратило бы решение монарха, полностью ослепленного ненавистью к своему кузену. Однако Гирс не присутствовал рядом, когда император Александр совершил самую тяжелую ошибку своего правления. Зато министр несет ответственность за выбор генерала Каульбарса, которого считал более подходящим и менее опасным, чем кандидатуры славянофилов. Такое заблуждение простительно, поскольку дело было не в неправильной оценке личных качеств, а в том, что каждый, кому сегодня поручается самостоятельная сфера деятельности, стремится к одобрению со стороны монарха и прессы. После всего, что устраивали в последние годы в балтийских провинциях Манасеин, Шаховский и Капустин, в Вильне — Коханов, в Варшаве — Гурко, в Киеве — Дрентельн, а в Москве — недавно демонстративно награжденный Катков, всем известно, что похвалу царя можно заслужить не умеренностью, а рвением в деле национального эгоизма.

Конец ноября. Речи, произнесенные на заседаниях Делегаций в Будапеште²⁶, произвели здесь дурное впечатление. Эта позиция Австро-Венгрии очень сильно осложняет положение господина Гирса, в известном смысле занявшего по отношению к своему монарху позицию гаранта действий венского кабинета. Министр вновь потерял значительную часть авторитета у императора, коллег и подчиненных, а также в российском обществе. Гирс лишен честолюбия и был бы счастлив стать членом Государственного совета с достаточным доходом. То, что он остается на посту, объясняется его страхом перед императором, не допускающим мысли о том, что министры могут подавать в отставку. «Я Вам скажу, когда не захочу видеть Вас

²⁶ Речь идет о выступлении графа Кальноки 13 ноября в бюджетной комиссии венгерского парламента, это выступление содержало в себе открытое признание острых противоречий с Россией на Балканах.

на Вашем посту», — ответил он господину Гирсу во время афганского пограничного спора. Слишком хорошо известно, что монарх обращает мало внимания на советы своего министра, и это сильно осложняет деятельность как аккредитованных здесь иностранных представителей, так и российских дипломатов. Многие из последних ищут себе опоры и указаний там, где видят направляющую силу и одновременно возможную угрозу своему положению — у господина Каткова и людей, курирующих «Новое время». Могу сказать без преувеличений, что еще нигде и никогда пресса не оказывала столь губительного влияния на внешние сношения государства, как в сегодняшней России; в других странах, где она без всяких ограничений может говорить о внешней политике, она делит господство над массой с парламентами, в которых ораторы порой поддерживают анонимных агитаторов, но нередко могут и бороться с ними весом своего имени и авторитета. К этому добавляется немота правительства, которое не может объяснять и защищать свою политику ни в прессе, ни с парламентской трибуны.

Нет никакого смысла указывать господину Гирсу на несчастья, вызываемые журналистскими нападками на Германию, ведь он сам больше всего страдает от них. Поэтому я предпочел поговорить с министром внутренних дел. Граф Толстой, который сейчас появляется на публике реже, чем когда-либо, тотчас пришел ко мне. Я обратил его внимание на статью в «Новом времени», где говорилось, что русский народ жаждет пролить всю свою кровь в борьбе с Германией. «Если это правда, — сказал я, — то мне нужно написать моему правительству, что пора начинать как минимум дипломатическую подготовку; если это неправда, почему Вы позволяете печатать ее безнаказанно и без опровержений?» Министр слабо возражал и в итоге заявил о своей готовности вызвать редактора «Нового времени» господина Суворина и через начальника отдела по делам прессы указать ему на недопустимость

подобного. Я ответил, что это подействует максимум на восемь дней.

Княгиня Кочубей, с которой я обсуждал тревожную слабость ее правительства, в прошлое воскресенье поговорила об этом в Гатчине с императором. Его Величество, как обычно, ответил, что не следует читать такие газеты, они публикуют один вздор. Княгиня возразила: «Это правда, но такие глупости заставляют других совершать их». Она не позволила прервать разговор, а рассказала императору, что фельетон «Нового времени» в презрительном тоне говорит о немецких женщинах, а к числу таковых относились и относятся большинство российских императриц и великих княгинь. Император пообещал поговорить с министром внутренних дел; поскольку с тех пор прошла неделя, а ничего так и не случилось, княгиня хочет попытаться напомнить императору об обещании через его супругу. «У Ее Величества нет влияния, — сказала княгиня, — но она может иногда выступить в роли инициатора, как недавно, когда Павел Шувалов был вынужден восемь дней ждать аудиенции, но оказался немедленно вызван в Гатчину после того, как я рассказала об этом императрице».

8 декабря. 24 ноября прибыл фельдъегерь с весьма интересными депешами. До сего момента меня держали в неведении относительно нашей конкретной позиции в болгарском вопросе. Теперь я получил четкое уведомление о том, что мы предоставляем России свободу рук и не станем поддерживать Австрию, если последняя начнет чинить русским препятствия в Болгарии. Фельдъегерь прибыл, как всегда, в половине седьмого вечера. Я смог бросить лишь беглый взгляд на документы, поскольку потом мне пришлось встречать 32 гостя, прибывших на обед, организованный мной в честь нового французского посла. После трапезы я все прочел внимательно. Ночь оказалась беспокойной, я встал в четыре часа утра и написал Гирсу письмо, которое он мог бы показать императору на докладе. Я знал, что министр отправится в Гатчину в девять утра, и расчи-

тывал, что он сможет сообщить монарху в высшей степени важное и приятное известие, которое позволит императору сказать мне подходящие слова во время предстоящего праздника святого Георгия. В половине восьмого письмо оказалось в руках министра. Гирс признался мне впоследствии, что оставил его на своем письменном столе.

В среду **8 декабря** отмечался Георгиевский праздник. Я отправился к Гирсу уже в десять часов утра, поскольку к одиннадцати ему надлежало оказаться в Зимнем дворце; я передал ему наш ответ на российский циркуляр, и он был в высшей степени удовлетворен. Тогда я представил ему донесения Мюнстера и без обиняков заговорил о российском зондаже во Франции прошлым летом, пусть даже произведенном неавторизованной стороной. Гирс неоднократно заверил меня, что ни император, ни он сам ничего об этом не знают.

В шесть часов я отправился в Зимний дворец. Первый тост, как всегда, был поднят в честь «старейшего кавалера ордена — германского императора!». Царь повернулся ко мне и салютовал бокалом, то же самое сделали императрица и все великие князья, сидевшие поблизости от меня. Во время приема императрица любезно побеседовала со мной. Император сразу же отправился к кавалерам ордена, ходил от одного к другому, практически растворился в толпе и добрался до выхода, не сказав мне ни слова. Княгиня Кочубей, стоявшая рядом со мной, наблюдала за его передвижениями; увидев, что он и вправду идет к дверям, она подозвала к себе одного из молодых великих князей и сказала ему на ухо несколько слов. Тот поспешил к дверям, что-то прошептал Алексею Александровичу, который хотел подойти к монарху — но царь исчез в боковой комнате. Сразу же после этого подошел гофмаршал князь Оболенский и сообщил, что император хочет поговорить со мной. Поскольку я не слишком спешил последовать этому запоздалому приглашению, появился князь Жан Голицын и выкрикнул: «Господин посол, император просит Вас!»

Это привлекло ко мне общее внимание; тем временем я, повернувшись в сторону, поприветствовал нескольких знакомых — в первую очередь генерала Обручева — и сделал вид, что не заметил всей комедии²⁷.

15 декабря у меня была весьма основательная беседа с господином Гирсом по поводу попыток сближения с Францией. Она укрепила меня в убеждении, что такие попытки предпринимались с большим размахом, но без ведома императора или его министра. В официальной газете появилось правительственное заявление, которое называло обвинения прессы в адрес Германии безосновательными; прессе рекомендована умеренность, но одновременно без особой нужды признается, что пресса имеет влияние на иностранные дела.

Накануне у меня побывал бывший секретарь посольства Татищев²⁸, который находился в Вене в одно время со мной и принимал значимое участие в переговорах между послом Новиковым и министром Андраши, в особенности

²⁷ В ходе беседы Александр III заявил, что считает Вильгельма I «нашим единственным союзником и другом» и доверяет князю Бисмарку. Сам он не хочет войны, но враждебные действия Австрии не могут оставить его равнодушным. Александр III уверен, что пока Вильгельм I на престоле, войны не будет, однако сомневается насчет его преемника, который может уступить враждебному влиянию. Швейниц заверил российского императора, что кронпринц не хочет войны, что Германия воздействует на Австро-Венгрию в примирительном направлении и что разлад трех императоров пойдет на пользу только их общим врагам.

²⁸ Сергей Спиридонович Татищев (1846–1906) — российский дипломат и общественный деятель, до 1877 года находился на дипломатической службе, добровольцем участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в 1881–1883 годах служил в министерстве внутренних дел, затем окончательно вышел в отставку и посвятил себя публицистической деятельности, публикуя свои статьи в таких изданиях, как «Русский вестник» и «Новое время».

незадолго до войны с Турцией и во время оной. «Я пришел к Вам не по поручению господина Каткова, — заявил он, — но уверен, что знаю его идеи». Далее этот одаренный и хорошо осведомленный молодой человек озвучил мне известную программу, в соответствии с которой Россия станет нашим лучшим другом, если мы порвем с Австрией. Новым и интересным стало для меня то, что Татищев сказал о решении болгарского вопроса: «Мы хотим тех условий, которые князь Бисмарк в 1866 году предложил принцу Фридриху Шлезвиг-Гольштейн-Аугустенбургскому: армия, флот, таможни и дипломатия Болгарии». Я ответил, что мы мало что можем возразить, если только он откажется от надежды на русскую таможню в Болгарии; однако об отказе от союза с Австрией речи быть не может. Поскольку беседа заинтересовала меня, я довольно подробно описал политические, конфессиональные и экономические факторы, которые делали необходимым существование монархии Габсбургов для Европы, в особенности для Германии, но также и для России, по меньшей мере для ее династии. Князь Бисмарк, которому я написал обо всем сказанном, был согласен со мной и добавил, что ничего не имеет даже против русских таможен на Балканском полуострове.

21 декабря я отправился в Висбаден. Интересные беседы в Берлине на пути туда и во Фридрихсру на пути обратно.

1887 ГОД

11 января вечером я прибыл в Петербург. **12-го** у меня состоялась беседа с княгиней Кочубей; она показала Их Величествам мое письмо, где я обрисовал мнение крон-принца по поводу отношений с Россией и затрагивал еще некоторые вопросы, которые хотел довести до сведения императора Александра. **13-го** я отправился на новогодний прием в Зимний дворец; император говорил со мной необычайно долго и любезно.

18 января. На Крещение в Зимний дворец; наблюдая за большой массой русских, какую обычно встречаешь на этом мероприятии, я смог сделать вывод о том, что отношение к нам становится все хуже. Забавно наблюдать, как господин де Лабуле и сэр Роберт Морье соперничают за расположение русских.

22 января. Господин Гирс очень обеспокоен нашими отношениями с Францией¹.

24 января. Серьезный разговор с Гирсом из-за подстрекательских статей Каткова и интриг Сабурова.

25 января. Я отправил фельдъегерем в Берлин длинное, собственноручно написанное послание. Вечером с границы вернулся с депешами тайный советник Кельхнер.

27 января. Придворный бал — пышнее чем когда-либо, поскольку теперь весь дворец озарен электрическим

¹ К началу 1887 года «военная тревога» во франко-германских отношениях достигла своего пика.

светом. Я танцевал полонез с Ее Величеством императрицей и контрданс с великой княгиней Марией Павловной; за ужином сидел между ними обеими. Когда императору сказали, что он должен станцевать полонез с супругой нового французского посла, он ответил: «Ни за что на свете». Полонез отменили, и царя еле удалось уговорить хотя бы познакомиться с мадам Лабуле.

1 февраля. Я получил весьма наивную инструкцию по поводу немецких колонистов в западной России; мне поручили сообщить, что мы хотим облегчить российскому правительству его задачу и охотно готовы позволить немцам, проживающим в западных провинциях, поселиться на выкупленных у польских владельцев имениях в Позене и Западной Пруссии — при условии, что у них есть деньги. Звучит как насмешка! У нас нет на продажу столько моргенов земли, сколько квадратных километров обработано прилежными немецкими руками в Польше и Волыни. Я с величайшей осторожностью выполнил задачу, и господин Гирс попросил меня быть еще осторожнее, ведь у него есть коллеги, которые с большой радостью злоупотребят подобными высказываниями.

3 февраля. В 12 часов я отправился в Аничков дворец к императору Александру. Мне предстояло передать ему письмо моего монарха, в котором последний дает обязательство — на мой взгляд, слишком далеко идущее — никогда не допускать возвращения принца Баттенбергского в Болгарию. Я оставался у императора почти три четверти часа, он любезно и откровенно говорил о Болгарии и гессенских родственниках, о Франции, о нашем парламенте и в особенности об Австрии. Как уже бывало не раз, он подчеркнул свое уважение к императору Францу Иосифу и желание оставаться с ним в мирных и дружественных отношениях, однако одновременно неготовность больше о чем-либо договариваться с австро-венгерским правительством.

9 февраля. Со многих сторон, в первую очередь из Парижа, германское правительство получает донесения

о попытках русских сблизиться с французами и подтолкнуть их к войне. Мне сообщают об этом и не без тихого упрека спрашивают мое мнение. Я всегда отвечаю, что не сомневаюсь в наличии попыток сближения со стороны русских и интриг в Париже; я называю поименно участников, но настаиваю, что господин Гирс здесь никак не замешан, а царь ничего не хочет об этом знать. Я не гарантирую, что он будет в состоянии удержать свой народ от вмешательства во франко-германскую войну, если такая состоится. Но я не позволяю переубедить себя в том, что Александр III не склонен устанавливать тесные связи с французской республикой. Сегодня господин Гирс рассказал мне, что посоветовал французскому послу не вытаскивать на свет легенду 1875 года²; тогда Россия не думала о том, чтобы вмешиваться во франко-германский спор, и не думает сейчас; никакого вмешательства не последует. «Господин де Лабуле видится со множеством людей, — сказал мне министр, — и хотя по прибытии он продемонстрировал ум и спокойствие, сейчас он начинает принимать за чистую монету многое из того, что читает и слышит».

21 февраля. У господина Гирса, чтобы сообщить ему, что император хочет отправить офицера и двух гренадер с новой амуницией. Министр заговорил о Болгарии и попросил, чтобы мы побудили регента договориться с Россией. Я ответил, что не могу инициировать нечто подобное в Берлине, пока русская пресса постоянно нападает и клеветает на нас.

² Речь идет о «военной тревоге» 1875 года, когда ряд статей в германской прессе и высказываний официальных лиц вызвал в Европе ощущение предстоящего германского нападения на Францию. Россия и Англия выступили с предупреждениями о недопустимости войны, и Бисмарк был вынужден заявить о своем миролюбии. Князь Горчаков использовал ситуацию, чтобы представить Россию в роли державы, предотвратившей войну.

22 февраля. Очень удачный драматический прием у Гирса. Весь двор присутствовал, господин Катакази только что прибыл из Парижа. Барон Жомини рассказал мне, что он привез с собой авантюрные истории: Бисмарк договаривается с французами, обещает им Люксембург и разворачивает свои батареи против России. Господин Гирс, которого я во второй половине дня встретил на набережной, сказал мне, что император очень тронут намерением нашего монарха прислать гренадеров, и просит сделать это до 22 марта.

23 февраля. Князь Бисмарк телеграфировал мне, что согласен с ответом, который я дал господину Гирсу, отказавшись действовать в Софии в пользу России. Эта поддержка князя мне очень дорога, поскольку показывает, что я без всяких инструкций принял правильное решение. Друг барона Жомини, господин Джаконе, написал статьи для газет «Норд» и «Политическая корреспонденция», в которых с официозной напыщенностью возвещается, что Россия хочет отойти от двух других империй и обрести свободу рук, чтобы в случае войны между Францией и Германией сказать решающее слово. Господин Гирс самым резким образом осудил писания господина Джаконе, запретил ему впредь входить в здание министерства и зачитал мне покаянные письма этого деятеля. Однако министр и не может, и, вероятно, не хочет многого сделать в данном вопросе.

24 февраля. Прекрасный бал в Эрмитаже; за чаем и за ужином я сидел рядом с императрицей. Она среди прочего сказала: «Все снова выглядит очень мрачно, все из-за этого Баттенберга; его хотят вернуть в Болгарию и провозгласить королем, это уже подготовлено». Вторично в течение текущей зимы императрица предоставила мне возможность сказать нечто полезное и при ее посредничестве открыть глаза императору. Я вынужден был, однако, ограничиться банальными ответами, поскольку не знаю, куда целит Бисмарк и не произвел ли он как раз в эти дни пово-

рот против России, о котором здесь получен сигнал из Англии либо Дании.

27 февраля. Фельдъегерь прибыл с совершенно невероятными анонсами таможенной и газетной войны³.

2 марта. У господина Гирса, с которым у меня состоялся разговор об отношениях России и Франции. Выясняется все время одно и то же: император Александр не хочет идти на союз с Французской республикой, но не собирается открыто и однозначно признавать политику Гирса своей собственной и защищать ее от нападок Каткова. Становится все яснее, что от имени Каткова, то есть, похоже, с согласия или как минимум попущения императора, укрепляются связи с французами в Париже и здесь.

3 марта. Меня навестил господин Катакази и сообщил информацию о статье в «Норд» и сопутствующих махинациях.

9 марта. Беспокоящие меня симптомы; я говорил с Гирсом, который произнес: «Мы недостаточно сильны для того, чтобы желать союза с республикой».

11 марта. Господин Катакази вновь пришел и сообщил любопытную информацию, частью несколько компрометирующую господина Гирса.

13 марта. Сорванное покушение на императора Александра⁴.

15 марта. Раут во дворце князя Владимира; Их Величества прибыли из Гатчины; это был воодушевляющий

³ В инструкции от 25 февраля говорилось: «Если русские обложат нашу продукцию новыми пошлинами, мы будем вынуждены применить репрессалии». Антигерманская кампания в российской прессе показывает, что все шаги навстречу России были тщетными и в дальнейшем не следует действовать с оглядкой на российское общественное мнение, которое в любом случае останется враждебным.

⁴ Речь идет о попытке покушения, организованной «Террористической фракцией» народовольцев во главе с П. Я. Шевыревым и А. И. Ульяновым.

момент, когда они вошли в круг императорского семейства, где находился и я; они держались великолепно.

19 марта. Долгая беседа с Гирсом; он поднял большой вопрос возобновления нашего соглашения.

22 марта. День рождения императора; в пять часов я поехал на обед в Гатчину; я сидел слева от императрицы, которая была весьма любезна. После трапезы император говорил со мной примечательно долго, причем только о внутренних вопросах, в том числе о прессе. Когда я высказал мнение, что он должен действовать твердо и использовать свою власть, он ответил, что времена императора Николая прошли.

23 марта. Большой гала-обед у меня; присутствовали все дипломаты, Гирс, Влангали, Зиновьев и другие. Фельдъегерь прибыл со служебным запросом, настаивали я на переводе в Рим; я телеграфировал утвердительный ответ.

28 марта. Я подал официальный запрос о переводе и написал кронпринцу. Господин Половцов пришел ко мне с важными известиями о разговорах, состоявшихся у великого князя Владимира в Берлине⁵. Так я узнал вещи, которые скрывают от меня.

30 марта. Конфликт Гирса и Каткова обостряется.

1 апреля. Господин Гирс с трудом добился того, что «Правительственный вестник» в своем коммюнике одобрил его политику и раскритиковал нападки прессы; кроме того, император сказал, что не расстанется со своим министром. Долгая беседа с княгиней Кочубей, вернувшейся из Берлина; князь Бисмарк сказал, что я должен держаться здесь, и она укрепила его в этой мысли.

⁵ Великий князь Владимир Александрович был отправлен в Берлин на празднование 90-летнего юбилея Вильгельма I. В германской столице он провел с Бисмарком переговоры относительно заключения секретного российско-германского соглашения о нейтралитете, известного как «Договор перестраховки».

5 апреля. Фельдъегерь прибыл с отказом в моей просьбе о переводе и весьма лестным призывом к патриотическим жертвам⁶.

15 апреля, Висбаден. «Один день в Берлине». В шесть часов утра субботы **9 апреля** я прибыл в отель «Кайзерхоф». Спустя два часа пришло письмо от Анны, дышавшее отчаянием. Ее собственные страдания и болезни почти всех детей истощили ее физические и душевные силы.

Вскоре после десяти я отправился в министерство, где нашел только графа Берхема. После короткого удовлетворительного разговора меня вызвали — приехал Вердер, чтобы отвезти меня во дворец, где мы встретили Радзивилла, Петерсдорфа, Лендорфа, Альбедилля, Альтена, Рауха и Вильмовского. Император принял меня сразу после доклада Перпоншера; он сел со мной за один стол в передней комнате и был очаровательно добр и любезен. Без всяких жалоб, с улыбкой говорил он о своих весьма болезненных недугах, которые заставили его переутомиться во время празднования дня рождения, а затем многое рассказал о положении дел и о вопросах внутренней политики, занимающих его сейчас в первую очередь. О России он спрашивал мало, о моих личных делах немного больше, но не упоминая Рим. «Сейчас хочу Вам кое в чем признаться, — сказал почтенный монарх, — Рейсс получил Черного орла, а поскольку Вы всегда шли с ним вровень, я хотел дать ему орден одновременно с Вами; однако с нескольких сторон мне сказали, что его дипломатический стаж много больше Вашего; но я намереваюсь дать Вам орден при следующей возможности». Я мало говорил о своих личных делах; после того как канцлер столь серьезно и весьма обоснованно

⁶ Бисмарк писал, что отзыв Швейница в данный момент крайне нежелателен, поскольку он пользуется личным доверием императора и Гирса и обладает большим влиянием в двусторонних отношениях, которое нельзя терять в нынешней критической ситуации.

апеллировал к моему патриотизму, мне остается лишь вернуться на свой пост. Все слова о заботах, лежащих на моих плечах, кажутся мелочными и бессмысленными перед лицом старого императора, несущего столь гигантский груз на согбенной спине. Единственное, чего я хотел и что опасался утратить — почетное завершение карьеры — он по собственной инициативе пожаловал мне в сердечной и милостивой манере.

Сопrotивление, которое Центр и прогрессисты оказывали септеннату⁷, дало Его Величеству повод к некоторым замечаниям. Обер-бургомистр господин фон Форкенбек⁸ голосовал против правительства и не был избран в Берлине после роспуска рейхстага. Тогда он попытал счастья в Сагане, где продемонстрировал избирателям, выразившим сомнение в его верности императору, приглашительные карточки на придворные празднества последней зимы. Но и в Сагане он не достиг цели⁹, и император приказал больше не приглашать его ко двору. С большим удовлетворением Его Величество говорил о министрах: «Прошлой осенью Бисмарк, казалось, был не вполне доволен некоторыми министрами и хотел удалить одно-

⁷ Военному законопроекту с семилетним сроком действия, предусматривавшему увеличение численности армии и фиксацию военных расходов на повышенном уровне. После его отклонения в начале 1887 года рейхстаг был распущен, и в обстановке «военной тревоги» на новых выборах победила коалиция консерваторов и правых либералов (так называемый «Картель»). После этого военный закон был принят в марте 1887 года.

⁸ Макс фон Форкенбек (1821–1892) — германский политик, один из основателей и лидеров левого крыла Национал-либеральной партии, затем перешел в леволиберальную Свободо-мыслящую партию. В 1878–1892 годах обер-бургомистр Берлина.

⁹ В конечном счете Форкенбек стал депутатом рейхстага от Сагана.

го или двух; когда я — думаю, на Новый год — принимал министров в присутствии канцлера, то сказал господам, что в течение всего времени царствования не припомню столь спокойного периода, как нынешний, когда они занимают свои места; с тех пор князь ничего не говорил против них». И при этих словах добрый император довольно усмехнулся.

От него я отправился к кронпринцу; я зашел во дворец внизу, у графини Брюль, и попросил доложить о себе адъютанта, графа Шлиффена, которого впервые видел здесь. Не получив ответа и осведомившись о причинах молчания, я услышал от этого офицера, что принц раз и навсегда строго запретил докладывать о ком-либо, кто не был приглашен. Я попросил его отправить наверх камердинера; тот тоже был новичком, не знал меня и не рисковал докладывать. Однако потом, похоже, он посоветался со старыми официантами, служившими еще в мое время, и несколько минут спустя меня позвали. «Вы приходите прямо к завтраку», — сказал кронпринц, сердечно приветствуя меня, и вскоре я сидел за столом с кронпринцессой, супругой герцога Христиана Шлезвиг-Гольштейнского, принцессами Викторией, Софией и Маргаретой и старшим сыном герцога Эдинбургского. Немедленно развернулась активная, веселая, но не лишенная острых шпилек перепалка между мной и кронпринцессой. Она заявила, что мне никогда не нравились англичанки, на что я ответил, что поблизости есть исторические опровержения. Это было давно, — сказала Ее Высочество и заговорила потом о дипломатах, предающих своих лучших друзей¹⁰. Сидя напротив принцессы Виктории, я решил направить беседу в другое русло. Я рассказал о княгине Кочубей и о том, как она была восхищена празднованием дня рождения императора в Берлине. Мимоходом я отметил: княгиня сказала мне,

¹⁰ Очевидно, имеется в виду поддержка Швейницем Бисмарка в вопросах «болгарского брака».

что госпожа кронпринцесса не нашла в беседе с ней ни единого доброго слова ни для одного человека в Петербурге. Похоже, я попал в цель, поскольку Ее Величество сначала бурно запротестовала, а затем признала, что ей действительно никто при российском дворе не внушает особого интереса.

Когда эта дискуссия стала чересчур колючей — несмотря на неописуемо веселый и привлекательный вид, в который принцесса облакает свои маленькие шпильки, — я заговорил о погоде. Мне рассказывали, что зима в Берлине была прекрасной и особенно солнечной. «Да что Вы говорите! — хором воскликнули оба супруга. — Солнечной? За весь февраль у нас был лишь один солнечный день!» Но полчаса назад император рассказывал мне, что не помнит зимы с таким количеством светлых, солнечных дней, как минувшая. Девяностолетнему старцу, оглядывающемуся на долгую многотрудную жизнь и с набойной радостью ждущему ее конца, казались светлыми и солнечными те дни, которые были серыми для его сына и невестки.

После завтрака кронпринц позвал меня в рабочий кабинет и привычно рассказал о своей неприятной ситуации. Горечь, неясно сквозившая в его иронии или натянутом юморе, не давала понять, говорит он в шутку или всерьез, и слушателю было трудно дать успокаивающий ответ или поделиться советом. Старая и известная истина: при дворах мелочи часто значат больше, чем самые важные вопросы эпохи. Хуже известно, что это происходит потому, что в них в концентрированной, пусть и карикатурной форме отражаются большие, часто трагические конфликты. Чтобы доказать мне, с какой ненавистью преследуют его и каждого, с кем он дружен, принц рассказал мне, что на одном из недавних придворных праздников долго беседовал с обербургомистром Форкенбеком, и последнего с тех пор никуда не приглашают! Я ответил, что причина в выборах, и я с разных сторон слышал, что бе-

седа с одним из самых ярких оппозиционеров привлекла большое внимание. Кронпринц заявил, что все идет как в 1863 году¹¹; я ответил, что, к сожалению, присутствовал при том, как он обратился к бургомистру Винтеру в Артусхофе в Дрездене и оказался в прямой оппозиции королевскому правительству. Если кронпринц — продолжал я — связывается с людьми вроде Форкенбека, то вполне естественно, что от него отворачиваются и идут к принцу Вильгельму.

Кронпринц и раньше открыто говорил, что его сына хотят вместо него сделать преемником императора, и добавлял, что он ничего не имеет против и готов отречься. Как и три года назад в Висбадене, я и теперь возразил, что он не имеет права этого делать; его долг — держаться и устранить злоупотребления, ставшие естественным следствием нынешней системы, то есть преклонного возраста Его Величества и всевластия Бисмарка. Я назвал некоторые из них, рассчитывая, что принц, как и раньше, заинтересуется этим сюжетом, но оказался разочарован. Когда я сказал ему, что в Пруссии высшие слои общества должны подавать пример бережливости и нравственности, он ответил, что все ежедневно повторяют: именно его сын призван восстановить старопруссские добродетели. Я возразил: принц Вильгельм наверняка станет отличным правителем, но между старым императором и молодым принцем должен быть переходный период, в течение которого народ вправе ожидать от него многого.

Примечательно то одиночество, в котором живут кронпринц с супругой. Хотя монарху уже 90 лет, и время от времени с ним случаются приступы слабости, когда он почти впадает в забытие, никто в правящих кругах не заботится

¹¹ В 1863 году кронпринц Фридрих Вильгельм публично осудил политику прусского правительства, что привело к серьезному конфликту между ним и его отцом, королем Вильгельмом I.

о наследнике. Кажется, многие его даже специально избегают, чтобы не навлечь гнев Вильгельмштрассе. Виновны в этом исключительно эпигоны Бисмарка, вместе со своей юной свитой желающие не меньшего, чем устранения целого поколения, которое находится в самом расцвете сил. Между этим поколением и молодежью, выросшей после Кениггреца¹², существует — к выгоде молодых — большое различие. Под впечатлением от титанических побед выросло гордое и мужественное поколение, свободное от либерализма и рационализма предмартовской молодежи; мы, старики, могли бы смотреть на него с радостью и уверенностью, если бы одновременно у этого поколения не увеличилась в непропорциональных размерах жажда удовольствий. Эта жажда в сочетании с использующей все человеческие слабости, циничной политикой Бисмарка может иметь разрушительные последствия; защиту от такой угрозы я вижу в менее гениальном и более буржуазном правлении, которого мы вправе ожидать от кронпринца. Однако если последний продолжит покровительствовать Рихтеру, Форкенбеку и консортам, то не должен удивляться, что никто не захочет связать свою судьбу с его судьбой. Я это сказал Его Королевскому Высочеству настолько откровенно, насколько возможно, не скрыв от него, что в моих мелких делах молодые честолюбцы вредят мне так же, как и ему. Я спросил его, неужели он не может привлечь к себе людей, обладающих весом, и назвал несколько имен. Принц пожал плечами и сказал: у него нет никого, все без исключения подавлены князем, деморализованы, лишены всякой воли.

Я был у Их Высочеств дольше двух часов. Затем я отправился к Герберту Бисмарку, от которого получил удовлетворившие меня заверения в том, что альянс с Австрией и Италией не означает неизбежного изменения наших отношений с Россией. В шесть часов пообедал у князя; при-

¹² То есть победы над Австрией в 1866 году.

существовали его близкие и баронесса Тизенгаузен. В восемь я отправился в Висбаден. Хочу еще добавить, что Ее Императорское Величество оказала мне честь, пригласив на длительную аудиенцию; ее руки дрожали, но ее дух, суждения и сила воли произвели на меня огромное впечатление. Эта старая женщина находится на высоте своего положения.

29 апреля мы все прибыли в Петербург в добром здравии¹³.

Конец мая. Политическая ситуация становится весьма серьезной; нападки Каткова, которого поддерживает Татищев, делают положение господина Гирса практически невозможным. Вопреки моему мнению мы предприняли попытку опровергнуть катковские обвинения, опубликовав секретные документы зимы 1876/77 годов; это произвело плохое впечатление здесь и в Вене и не привело ни к какому успеху. Утром **16-го** я приехал к Гирсу, и мы прогулялись вместе; он попросил у императора отставки, но Его Величество не желает и знать об этом. **24 мая** был опубликован указ от 26 марта о земельных владениях иностранцев в западных губерниях; теперь мы пожинаем неизбежные плоды наших мер против иностранцев в Пруссии и Позене. Одни тяготы следуют за другими, и вдобавок ко всему печальные известия о болезни кронпринца¹⁴. **25 мая** я вместе с семьей отправился на дачу Мятлева¹⁵ на 16-й версте Петергофского шоссе; это красивая,

¹³ В последующие дни Швейниц активно общался с Гирсом по вопросу планируемого российско-германского договора.

¹⁴ В 1887 году у Фридриха Вильгельма диагностировали серьезное заболевание гортани. Сегодня считается, что это был рак, однако в тот момент точный диагноз был предметом ожесточенных споров. В итоге лечение оказалось безрезультатным, состояние кронпринца быстро ухудшалось, и в марте 1888 года он вступил на престол уже умирающим человеком.

¹⁵ Сегодня известна как усадьба Новознаменка.

удобная, даже пышная летняя резиденция. Дворец построен Растрелли сто лет назад — в итальянском стиле, но приспособлен к русскому климату, с лоджиями и хорошо защищенными балконами; перед нашими окнами парк, позади луга, пруды и густой лес с высокими соснами, перемежающимися с лиственными деревьями; двести гектар одиночества и вид на залив.

1 июня. Император Александр отправил в отставку генерала Богдановича¹⁶. Хотя этот человек был презренным жуликом, он все же являлся агентом Каткова и представителем партии, желающей союза с французскими радикалами и военным министром Буланже. Об этом сообщил барон Моренгейм, раскрывший тяжело компрометирующие Каткова и Богдановича детали. Генерала отправили в отставку не из вежливости к нам, а из вежливости к французскому правительству; как бы то ни было, это большой успех Гирса и мощный удар по Каткову.

4 июня. Долгая беседа с Павлом Шуваловым — одна из множества в последнее время. Мне придется вмешаться в переговоры, ведущиеся в Берлине¹⁷.

8 июня у меня состоялся еще один разговор с Шуваловым — непосредственно перед его отъездом в Берлин. В тот же день Гирс официально сообщил мне о кандидатуре Эрнрота на роль единственного временного регента Болгарии. Во второй половине дня я был на Крестовском у княгини Кочубей. **14 июня** господин Гирс приехал из Петерго-

¹⁶ Евгений Васильевич Богданович (1829–1914) — российский военный деятель и публицист, генерал от инфантерии. Убежденный монархист, занимал ряд административных должностей. Уже в следующем году после отставки возвращен на службу в министерство внутренних дел.

¹⁷ Подозревая, что посол Шувалов хочет по собственной инициативе внести в текст соглашения некоторые дополнения, Швейниц изложил Бисмарку позицию Александра III и Гирса. В результате германский канцлер отклонил поправки Шувалова.

фа на мою виллу и заявил мне, что если у князя Бисмарка нет иных замечаний, кроме тех, о которых сообщил Шувалов, то российская сторона не имеет никаких возражений. **18-го** договоренность по большому вопросу была достигнута окончательно. А **9 июля** на политическую сцену вышел принц Фердинанд Кобургский¹⁸.

Наша жизнь на природе не оставляет желать ничего лучшего; дети здоровы, и у нас есть все для того, чтобы сделать их дни радостными и счастливыми. С моим здоровьем все не так хорошо, но ведь мне 64 года; патриотического беспокойства тоже хватает. К счастью, новости о кронпринце стали немного более оптимистичными. К нам приезжает очень много людей, в особенности дипломатов; кроме того, мы поддерживаем приятное общение с проживающими поблизости английскими семьями.

26 июля я вместе с Анной присутствовал на спуске на воду броненосца «Александр II» на Балтийской верфи. Против меня в этот момент предприняли злую интригу; императору рассказали, будто бы я заявил сэру Роберту Морье: «Они пускают по воде свои последние гроши». **5 августа** состоялась охота в Красной Горке, **6-го** в Лакте; я дулетом подстрелил двух глухарей, а также добыл нескольких тетеревов. В последнее время я написал много докладов о здешних делах, об отношениях с Францией и болгарском вопросе. **11 и 12 августа** я присутствовал в Царском Селе на торжественных церемониях и парадах. Их Величества были очень любезны — император даже несколько демонстративно, вероятно, чтобы показать мне, что он не верит слухам. По поводу принца Кобургского он сказал: «Он действительно поехал — этот авантюрист,

¹⁸ 7 июля болгарское Народное собрание избрало принца Фердинанда Саксен-Кобургского новым болгарским князем. Под именем Фердинанда I он будет править Болгарией до 1918 года. Признание нового монарха европейскими державами произошло только в 1896 году.

животное!» **18 августа** я был в Красном Селе на празднике Преображенского полка; император довольно холодно попрощался со мной, не сказав ни слова о своей предстоящей поездке или поездке императора Вильгельма к балтийским берегам. **23 августа** я, невзирая на больную ногу, встретил господина Гирса в Лигово и сопровождал его в Петергоф, где он должен был сделать доклад императору непосредственно перед отъездом монарха в Копенгаген. Я сказал лишь, что император Вильгельм 13 сентября будет в Штеттине; Гирс все понял и ничего не ответил, но сделал задумчивое лицо. На следующий день я, по-прежнему больной, отправился в город. Гирс заявил: «Это было бы вполне возможно, однако следует избегать всякой видимости давления».

После отъезда двора из города и его окрестностей пропали все, кто еще здесь оставался. Господин Гирс вернулся в Финляндию и появлялся раз в десять дней; поскольку господин Зиновьев тоже отсутствует, а господин Влангали ничего не говорит и, возможно, действительно ничего не знает, стало очень сложно что-либо узнавать или выполнять полученные задания. А таковых оказалось много; обычно речь шла о том, чтобы делать представления и упреки по поводу антинемецких статей прессы и профранцузских демонстраций. Это совершенно бесполезно; господин Гирс не имеет власти над прессой, а ввиду нашего союза с Австрией не следует удивляться желанию русских сблизиться с Францией. На мой взгляд, сотрудничество России и Франции во всех текущих или предстоящих восточных делах является очевидным фактом; так обстояли дела во время блокады Греции, в египетских и болгарских вопросах. С другой стороны, я считаю, что направленный против нас союз на данный момент (**19 сентября**) еще не заключен.

22 сентября у меня состоялась двухчасовая беседа с графом Гербертом Бисмарком, а в четыре часа я обедал у Его Величества, который прислал мне приглашение

еще до того, как я успел доложить о своем прибытии. Император невероятно свеж, весел и общителен. В пятницу, **23 сентября**, еще одна долгая беседа с монархом, который был свеж и милостив, мудр и отважен. Он с веселым спокойствием говорил о несостоявшемся, хотя и ожидавшемся здесь визите царя в Штеттин. Из дворца я отправился в министерство, где поговорил с бароном Гольштейном¹⁹. Этот своеобразный человек, к которому я вынужден был испытать уважение, когда в 1864 году при Дюппеле он помогал раненым на переднем крае, и сейчас молчаливо делает много хорошего. Однако у него хамский характер, он позволяет личным антипатиям руководить с собой и скрытно руководит прессой так, что ее злобный тон наносит значительный ущерб. Нельзя отрицать у него наличия большого ума, но он при всей физической прямоте своей спины обладает душой и характером горбуна. Барон Гольштейн прекрасно понимает все опасности, которым мы подвергаемся из-за нынешней политики — слишком искусственной и в то же время направляемой весьма грубыми движениями. Он так ясно и холодно говорил обо всем, что может случиться с нами, если наступят некоторые неизбежные события, что я расстался с ним с неприятным ощущением. [...]

29 октября вечером я прибыл в Ловено; отсюда по воде отправился в Бавено. Я немедленно написал графине Брюль и генералу Винтерфельду; чуть позже, когда я

¹⁹ Фридрих фон Гольштейн (1837–1909) — германский дипломат, в описываемый период одна из ключевых фигур в центральном аппарате внешнеполитического ведомства. Изначально протеже и помощник Бисмарка, в 1880-е годы постепенно перешел в тайную оппозицию к нему (считая политику канцлера слишком пророссийской), а затем сыграл большую роль в его отставке. На рубеже веков играл огромную роль в формировании германского внешнеполитического курса, при этом оставаясь за кулисами и получив за это прозвище «серого кардинала».

уже лежал в постели, в мою дверь постучался принц Генрих²⁰ и сообщил, что его родители ждут меня следующим утром на завтрак к девяти часам. В воскресенье **30 октября** без четверти десять принц Генрих появился, чтобы сказать, что его мать и сестры ждут меня внизу; мы немного прогулялись, а затем отправились на виллу Клара. Кронпринц встретил меня очень сердечно, выглядел хорошо, но хрипел. Я попросил его говорить как можно меньше, и все же наша беседа получилась долгой и оживленной. Я остался с принцем почти на весь день; он довольно весел и совершенно не замкнут на самом себе. Весь следующий день я вновь провел на вилле Клара; принц говорил очень осипшим голосом; я настоял на том, чтобы он писал мне свои вопросы на маленьких листках бумаги. Из Берлина пришли тревожные телеграммы о болезни императора. Кронпринц полон решимости отправиться в столицу, если монарх скончается. Я расстался с ним в печальном настроении, но с сознанием того, что принц был рад меня видеть. На следующее утро перед моим отъездом графиня Брюль сказала мне, что принц полностью лишился голоса; это было началом того ухудшения, которое вскоре усилилось и сделало необходимой конференцию врачей, состоявшуюся 10 ноября в Сан-Ремо; ее итогом стал диагноз, вызвавший глубокую печаль у всего цивилизованного мира.

5 декабря я вместе с семейством отправился из Гейдельберга во Франкфурт-на-Майне, где мы наилучшим образом устроились в гостинице «Франкфуртер Хоф». Изначально я хотел задержаться в отпуске на период после рождественских каникул. Однако теперь я понял из газет, что настало время вернуться на мой пост, если я в принципе хочу сохранить германское представительство в Петербурге. Пресса бесчинствовала, злые намерения тайных

²⁰ Второй сын кронпринца, младший брат будущего императора Вильгельма II.

честолюбцев стояли на моем пути. Всерьез задумавшись о своем долге по отношению к государству и к семье, я принял решение отправиться вместе со своими домашними в Петербург еще до Рождества.

12 декабря утром у меня состоялся долгий разговор с Гербертом Бисмарком; затем я позавтракал вместе с ним, почитал документы, прочел нашумевшие фальшивые письма²¹ и получил представление о ситуации. Мне показали меморандум графа Мольтке, в котором знаменитый стратег пытался доказать, что нужно немедленно, среди зимы, объявить войну России²². Об этом документе сообщили в Вену, и наш тамошний военный атташе высказался в совершенно аналогичном смысле в беседе с императором Францем Иосифом. Я заявил, что решительно выступаю против подобных взглядов; такое нападение удвоит мощь России и ополовинит нашу; ведь миролюбивый русский народ в результате вторжения в его страну будет готов на любые жертвы, в то время как ни наш бундесрат, ни немецкая нация не поймут необходимости зимней кампании, сопровождающейся большими потерями. Я также привел военные соображения против зимней кампании в Польше, идея которой основана на ложной предпосылке, что на этом театре военных действий можно быть уверенным в нескольких месяцах сильных заморозков. Граф Бисмарк одобрил мои соображения, а также мои весьма серьезные

²¹ Осенью 1887 года в руки Александру III попали фальшивые письма германского посла в Вене и Фердинанда Кобургского, из которых следовало, что Бисмарк тайно поддерживает нового болгарского князя. Во время встречи российского и германского императоров в Берлине в ноябре 1887 года фальшивый характер документов был окончательно установлен, в личной беседе Александр III заверил Бисмарка в своем доверии к нему.

²² Речь идет о меморандуме «Развитие вооруженных сил России с особым вниманием к текущему 1887 году», подготовленном в ноябре.

призывы остановить нападки нашей прессы на супругу принца Вальдемара Датского²³; эти нападки крайне раздражают императора Александра, что совершенно не в наших интересах — мы должны внушать ему страх, а не злость.

Я прочел корреспонденцию между Петербургом и Берлином за время моего трехмесячного отпуска; доклады из посольства были рассчитаны на то, чтобы поддержать господствующие в министерстве воззрения, усилить праведное негодование, вызванное русской прессой и отказом от диктуемого простой вежливостью визита в Штеттин, и представить господина Гирса не только слабым, но лживым и враждебным. Мой заместитель²⁴ пересказывал множество пикантных, искусно связанных друг с другом историй из петербургских клубов и салонов, пробуждая у здешних чиновников, впечатленных высказываниями княгинь и благородных господ, уверенность в том, что в Петербурге двор и общественность жаждут нашей крови, ненавидят нас куда больше австрийцев и рвутся во французские объятия. Все это отчасти правда, но Гатчина, яхт-клуб и петербургское общество не являются выразителями настроений и чувств русского народа, который знают не лучше некоторых дипломатов. Любовь к Франции, зависть к нам, раздражение из-за нашей мощи действительно достигли высокого уровня благодаря длительной катковской агитации; к сожалению, очевидно также, что господствующее в обоих городах умонастроение

²³ Супругу принца Вальдемара Датского, Марию Орлеанскую, подозревали в том, что именно она сознательно передала Александру III фальшивые письма, чтобы настроить его против Бисмарка.

²⁴ Речь идет о Бернгарде фон Бюлове (1849–1929) — германском дипломате, являвшемся в 1884–1888 годах советником посольства в Петербурге. В 1900–1909 годах он занимал пост имперского канцлера.

ние может подтолкнуть царя и народ к войне. Однако мы не должны оставлять без внимания склонность царя и народа к спокойствию; именно на это я после возвращения обратил внимание господина Бюлова. Глубинное течение в массах, плохо различимое на поверхности, совершенно отличается от легких волн, поднятых столичной прессой и обществом.

Мне были показаны нашумевшие фальшивки: два послания графине Фландрской, приписываемые принцу Кобургскому, и апокрифическое письмо принца Рейсса упомянутому принцу. Я с радостью увидел, что жуткий шум, который устроила «Кельнская газета» в связи с этими фальшивками, был небеспочвенным. Сами эти тексты и то, как они попали в руки царя и были переданы им нашему канцлеру, создавали желанную основу для восстановления некоторого доверия.

14 декабря во второй половине дня я отправился во Фридрихсру, куда прибыл незадолго до половины десятого; как обычно, встреча была дружелюбной, из гостей присутствовали лишь супруги Ранцау. Княгиня составила мне компанию за столом, а после трапезы у меня состоялся разговор с князем. Вопреки обыкновению оставаться слушателем в беседах с канцлером, я сразу же сформулировал две просьбы. Первая — чтобы официозная пресса в дальнейшем воздержалась от любых нападок на супругу Вальдемара Датского. Вторая — чтобы генеральный штаб и военных атташе обязали соблюдать большую осторожность в своих заявлениях. Мое замечание по поводу прессы канцлер воспринял лучше, чем я опасался, зная, что он не любит обсуждений этого своего инструмента. Что касается офицеров генерального штаба, то он не только поддержал мое мнение, но и заявил, что уже разъяснил этим господам, что немецкую политику делает не генеральный штаб, а министерство иностранных дел. Следующим утром, около 11 часов, князь вошел в мою комнату; он хорошо выглядел и был в отличном настроении, только временами ворчал

про нашумевший промах гофмаршала Перпоншера, который во время обеда с царем посадил его не напротив Их Величеств, а далеко от них, к маленьким принцам. В ходе беседы выяснилось полное совпадение наших взглядов: никакой «профилактической» войны с Россией, никакого подстрекательства австрийцев, никаких заявлений по поводу передвижений русских войск, однако военная и дипломатическая подготовка к обороне. Никогда я еще не видел князя таким серьезным, спокойным и возвышенным, как в эти часы — в доме, на прогулке, во время долгой поездки в Шёнау и в лес. Незабываемые часы, во время которых он говорил о трагических событиях, омрачающих жизнь династии, об опасностях, грозящих Отчизне. Обед прошел в веселых, вечер — в деловых беседах; я прочел еще некоторые инструкции и донесения в кабинете графа Ранцау; князь заглянул туда в шлафроке, и я попрощался с ним.

16 декабря я прибыл в Берлин в два часа дня и обнаружил приказ явиться к трем к Его Величеству. Император беседовал со мной три четверти часа, много рассказывал о визите царя, спокойно и весело говорил об общей ситуации. Серьезным он стал, когда речь зашла о возможности конфликта с Россией и одновременной войны против Франции. Император вернулся в своих воспоминаниях к встрече родителей с Александром I в Мемеле в 1803 году и признал с редкой в наше время объективностью, что именно русские сломили французское господство. Монарх не особенно надеется на помощь итальянцев в грядущей войне на два фронта и грустно посмеялся над расчетами Мольтке, согласно которым за три дня можно перебросить на Верхний Рейн 150 тысяч итальянских солдат.

Мы пообедали в российском посольстве; вечером я присутствовал на многочисленном мужском собрании у графа Бисмарка, где у меня состоялся весьма удовлетворительный разговор с военным министром Бронзартom.

17-го я вновь провел несколько часов в министерстве; вечером мы отправились на чай к Их Величествам. Император очень интересно и с чудесной точностью рассказывал о визите, который в 1814 году нанес в Лондон вместе с принц-регентом Англии и фельдмаршалом Блюхером. В понедельник **19 декабря** я в первой половине дня отправился в министерство, позавтракал у Герберта вместе с княгиней Бисмарк и тайным советником Роттенбургом и оставался там до трех часов дня. Оттуда я отправился к графу Шувалову, а вечером мы отбыли из Берлина.

22 декабря во второй половине дня я отправился к господину Гирсу, который, похоже, очень обрадовался моему возвращению. «Весь этот шум искусственный», — сказал он, и я не стал ему перечить. За несколько минут мы прояснили ситуацию; я сказал, что нам нужно разрешение царя на публикацию фальшивок; министр ответил, что немедленно напишет об этом Его Величеству. О Болгарии мы не говорили вообще. **23-го** я вновь отправился к Гирсу, чтобы вернуться к теме; я убедился, что он правильно понял, о чем идет речь. Утром **24-го** я получил письмо от Гирса, в котором говорилось, что император Александр разрешает публикацию фальшивок и ожидает, что будут приняты во внимание обстоятельства, при которых они были доведены до сведения канцлера. Я дословно телеграфировал содержание письма в Берлин.

27 декабря. Я отправил множество донесений в Берлин через графа Вицтума. Телеграмма из Фридрихсру сообщила мне о том, что там ожидают комментариев к письму Гирса и не уверены, что он сам одобряет публикацию. Я решительно ответил, что публикации ждут, однако не хотят новых подозрений в отношении родственных или дружественных особ монаршей крови. Я навестил графа Валуева, графа Волькенштейна и графа Палена; у последнего я с интересом констатировал наличие тех же воззрений, что у истинных русских и газетных политиканов — а именно, что война начнется неудачно для России, однако последняя

может выдержать дольше, чем Германия. Балтийскому государственному мужу, который вообще-то принадлежит к числу лучших, еще не стало ясно, что российские консерваторы должны прилагать все усилия для предотвращения подобной войны.

29 декабря. У господина Гирса, обеспокоенного известиями о передвижении австрийских войск. Министр получил телеграмму графа Шувалова, в которой тот сообщает: «Я удивлен молчанием генерала Швейница» (речь о болгарских делах). Я разъяснил, что у нас нет никакой заинтересованности в том, чтобы подталкивать Россию в этом вопросе, и поэтому я не буду брать на себя инициативу; он, министр, совсем недавно впервые упомянул эту проблему и получил от меня ответ: если Россия официально выступит в Берлине и Константинополе с предложением, основанном на Берлинском трактате, то может быть уверена в нашей поддержке. Гирс ответил, что это совершенно правильно и он просветит посла. Далее министр сказал: «Здесь преобладает ощущение, что весной на нас нападут». Я ответил, что это большое заблуждение; мы не хотим профилактической войны, и Австрия не нападет, поскольку знает, что останется в одиночестве, в то время как в оборонительной войне может быть уверена в нашей поддержке. Собираясь попрощаться, я с теплотой сказал: теперь главное, чтобы российская пресса единогласно отметила по поводу фальшивок, что великодушная откровенность, с которой император Александр передал князю Бисмарку упомянутые тексты, позволила канцлеру неопровержимо доказать всему миру лояльную позицию Германии в болгарском вопросе. «Ах, — вздохнул господин Гирс, — если бы я только мог поговорить с графом Толстым!» Я ответил: «Вы же можете найти в министерстве внутренних дел человека, который обладает достаточным авторитетом и патриотизмом для того, чтобы в эту важнейшую минуту направить прессу по верному пути».

30 декабря. Такой день рождения редко выпадает на долю даже более счастливых и достойных! Анна и все дети стояли веселые и здоровые вокруг стола, украшенного цветами и подарками; шесть детей без запинки произнесли свои стихи и поздравления. А в конце благословенного дня почта доставила орден Черного орла с прекрасным письмом императора.[...]

31 декабря. В течение всех последних вечеров много работы.

1888 ГОД

Император Вильгельм написал серьезное, трогательное, прекрасно составленное письмо царю, в котором указывается на опасные стороны сосредоточения войск у западных границ. К письму прилагалась таблица, в которой раскрывается дислокация наших войск восточнее Одера и железнодорожное строительство последних лет; она опровергает утверждения известной статьи в «Инвалиде». На мое усмотрение оставили решение о том, должен ли я просить аудиенции для передачи императорского послания или избрать иной путь. Я попросил господина Гирса взять письмо с собой в Гатчину 10 января, чтобы Его Величество мог спокойно прочесть и затем обсудить его 13-го на новогоднем приеме; это единственно правильное решение. Император беседовал в самом дружелюбном тоне, сказал, что он в высшей степени тронут этим откровенным и лояльным письмом, и добавил еще много благодарственных слов. Императрица, любезная и милостивая как всегда, сказала: «Император Вильгельм написал очаровательное письмо». Первое свидание с Их Величествами после столь бурного времени прошло успешно.

В эти дни меня неприятно поразила подлая позиция, занятая официозной прессой по отношению к моей награде. Сперва ее пытались скрыть, а когда это не удалось, то представили как благодарность за долгую военную службу. Никто не хотел признавать, что основанием для награждения стала моя деятельность, направленная

на сохранение мира с Россией, или даже особые заслуги в урегулировании текущего кризиса. Эта тактика зависимых газет привлекла внимание тех, кто с недоверием наблюдал признаки российско-германского примирения, и вызвала дискуссию, конец которой положило категорическое заявление «Кёльнской газеты»: мое награждение не имеет никакого отношения к текущим вопросам. Это так, поскольку здесь и правда имело место случайное совпадение — давно запланированный знак милости со стороны императора последовал именно в тот момент, когда я получил разрешение царя на публикацию фальшивок.

Переговоры об официальных шагах России в болгарском вопросе, которые мы могли бы поддержать, медленно продолжались. **14 января** ко мне пришел граф Павел Шувалов, и мы в целом договорились, хотя все выглядело как игра в прятки. Граф Шувалов заявил мне: «Пусть князь Бисмарк пригласит к себе турецкого посла и заявит ему, что султан должен объявить принца Кобургского узурпатором». Я спросил: «Почему же господин Гирс не вызовет Шакир-пашу, чтобы заявить ему то же самое?» **16 января** я прочел министру инструкцию, в которой князь Бисмарк ставил вопрос о том, должен ли он рассматривать неподписанную ноту Шувалова как официальную просьбу поддержать шаг, который Россия намерена предпринять в Константинополе? Я оставил господину Гирсу копию ноты; он заявил, что, по его мнению, в русском тексте содержится такая официальная просьба; я возразил, что этого недостаточно. **17 января** меня посетил министр финансов Вышнеградский и очень интересно рассказал о мощных ударах, которые мы нанесли российскому государственному кредиту¹. «Я в принципе против всяких

¹ Речь идет о так называемом «залоговом запрете» (Lombard-verbot). 10 ноября 1887 года Бисмарк отдал Имперскому банку указание не принимать российские ценные бумаги в залог как недостаточно надежные. Это привело к падению курсов

репрессалий, — заявил он, — а особенно в этом случае, по той причине, что у меня нет возможности использовать репрессалии». В вежливой форме, однако с тихой злостью министр назвал введенный Бисмарком запрет Имперскому банку принимать в залог российские бумаги исключительно болезненной и неприятной мерой, которая оказалась тем более жестокой, что о ней было объявлено непосредственно перед прибытием царя в Берлин; она до крайности возмутила российское общество и оскорбила императора. Министр, естественно, избегал подобных выражений, но было ясно, что именно он имеет в виду.

19 января мы отправили множество приглашений на обед; в этот момент императора подтолкнули к мысли о том, что он должен оказать особое внимание покидающему свой пост итальянскому послу. Граф Гресси был очень грубо отправлен в отставку господином Криспи², которого здесь ненавидят за то, что он совершил паломничество к нашему канцлеру во Фридрихсру. Незадолго до нашего обеда двор забрал у нас девять благородных гостей — графа Гресси и еще четыре пары.

23 января я отправился к господину Гирсу, у которого встретил Павла Шувалова. Когда последний собрался уходить, я попросил его остаться и послушать меня. «Мы намерены, — начал я, — призвать резервистов в четыре находящихся в восточной части нашей монархии армейских

ценных бумаг и российской валюты — Берлин в тот момент являлся для России главным финансовым рынком. Бисмарк рассчитывал, что этим ударом сможет сделать Петербург более покладистым, однако серьезно просчитался: ущерб оказался ограниченным, а роль главного финансового центра для российских бумаг взял на себя Париж.

² Франческо Криспи (1818–1901) — итальянский политик, левый либерал, глава правительства Италии в 1887–1891 и 1893–1896 годах. Выступал за сотрудничество с Германией во внешней политике и являлся поклонником Бисмарка, которому неоднократно наносил визиты в конце 1880-х годов.

корпуса, чтобы обучить их пользованию магазинной винтовкой; в прошлом году, — продолжал я, повернувшись к графу Шувалову, — мы сделали подобное на западе, как Вы можете помнить, причем одновременно во всех находящихся там частях. В этот раз призыв будет осуществляться последовательно, корпус за корпусом. Мне не нужно говорить Вам, что эта мера не содержит в себе ничего угрожающего, прошу лишь разъяснить ситуацию Его Величеству императору, прежде чем кто-нибудь другой успеет ввести его в заблуждение». Прежде чем господин Гирс смог что-либо ответить, Шувалов вскочил и оживленно произнес: «Вот она, правильная манера, старая добрая традиция вести прусско-российские дела: своевременное сообщение, открытое заявление, лояльный тон! Если бы до того, как 13-ю кавалерийскую дивизию отправили в Люблин, мне было поручено сказать в Берлине, что мы считаем эту перегруппировку необходимой, то всего шума удалось бы избежать». Гирс согласился с послом и по его настоянию пообещал сказать императору Александру, как я уладил это дело, и посоветовать с российской стороны поступать аналогичным образом. Так выполнение задания, которое при иных обстоятельствах могло бы привести к неприятному диалогу, завершилось вполне удовлетворительной беседой, где было сказано много важного. Господин Гирс впервые выразил в качестве своего личного убеждения то, что я ему повторял много лет: «Все те, кто хочет разрушить нынешнюю систему, жаждут войны». Я охотно подтвердил, что именно такова цель русской прессы, козни которой опасны в первую очередь для российского правительства, в то время как нас волнует только отклик, который эта пресса находит во Франции.

26 января был большой придворный бал в Зимнем дворце. Я танцевал полонез с императрицей, кадрили с великой княгиней Марией Павловной и еще одну с Елизаветой Федоровной. Император позвал меня в свою комнату, усадил в кресло, угостил сигаретой и начал политиче-

скую беседу, длившуюся около часа³. В конце Его Величество передал мне ответ на письмо императора Вильгельма и отпустил самым дружелюбным образом. Как раз подошло время ужина, и я занял свое привычное место рядом с императрицей. Придя около половины второго домой, я записал весь разговор, что заняло у меня время до четырех часов утра. Утром я встал рано, прочел письмо, отдал его переписать тайному советнику Кельхнеру и отправил вместе с императорским посланием в Берлин с фельдъегерем.

3 февраля. Срочной телеграммой мне поручено сообщить здесь, что сегодня вечером мы опубликуем наш договор с Австрией, не без труда получив на это согласие Вены. Гирс уже знал об этом от Лобанова. Император Александр, который не любит слышать о публикации тайных соглашений, сказал: «Это не поможет, все равно будут верить в то, что есть секретные статьи».

5 февраля. Бисмарк телеграммой сообщил мне, что завтра произнесет успокаивающую речь в рейхстаге; я отправился к Гирсу, чтобы сообщить об этом. Министр был в мрачном настроении; здешние газеты в пренебрежительном тоне говорят о русской дипломатии, на протяжении десяти лет позволявшей немцам обманывать себя, о чем свидетельствует опубликованный договор. «Это глубокое унижение, — заявил он, — мы связаны по рукам и ногам». Вечером был придворный бал, царь говорил со мной долго и очень любезно. Вернувшись домой после трех часов, я обнаружил отправленную князем телеграмму; утром я дал ему подробный телеграфный ответ, чтобы еще до начала заседания парламента проинформировать о здешнем положении дел. Некто сказал: «У России оставался только вы-

³ В ходе беседы стороны вновь заверили друг друга в том, что не хотят войны, и обсудили проблему концентрации войск. Швейниц также заверил императора, что Бисмарк не планирует нападения на Францию.

бор между большой глупостью и бездействием; к счастью, она выбрала второе».

6 февраля князь Бисмарк выступил в рейхстаге с большой речью — со свойственной ему откровенностью и в то же время взвешивая каждое слово; он говорил о международных связях Германии, о союзах и угрозах. Князь много внимания уделил России и в особенности императору Александру; в сторону Австрии прозвучало несколько явных намеков, которые должны лишить ее надежды на нашу поддержку в болгарских делах. Об Италии говорилось дружелюбно, о Франции — со смесью тревоги и пренебрежения, об Англии почти ничего. В конце концов все слушатели этой чудесной речи — как и сотни тысяч прочитавших ее позднее — оказались убеждены, что Германия «не боится никого, кроме Бога», но должна потратить 300 миллионов, чтобы в любой момент иметь возможность призвать на 600 тысяч человек больше, чем теперь, и тем самым как бы «привлечь на свою сторону еще одну великую державу». Это выступление произвело в России глубокое впечатление, более того, полную перемену общественного мнения, пусть и временную. Заверения князя, что он абсолютно доверяет царю, и слова о том, что помимо союзов с Австрией, Италией «и другими державами» Германия держит наготове полмиллиона опытных солдат с хорошими офицерами — сочетание этих заявлений частью успокоило, частью образумило здешних слушателей.

15 февраля господин Гирс сообщил всем послам, что Россия потребовала от Порты обозначить пребывание принца Кобургского в Болгарии как незаконное. Мы поддержали этот шаг после получения соответствующей официальной просьбы. Очередная адресованная мне инструкция содержала благодарность за беседу с царем на балу. **20-го** я вновь оказался у господина Гирса, чтобы сообщить ему содержание инструкции господину Радовицу; текст превосходен, и министр имеет все основания быть довольным.

29 февраля. Похороны княгини Кочубей; Анна отправилась туда одна, я чувствовал себя слишком плохо для того, чтобы ее сопровождать. Несмотря на это, позднее я поехал к господину Гирсу. Из Вены пришел весьма недружелюбный ответ на очень умеренную инициативу России в болгарском вопросе. Австрийцы действуют неумело и без понимания ситуации; вместо того чтобы воспользоваться скромными сверх всяких обещаний требованиями и миролюбивыми заявлениями, они демонстрируют враждебность, в результате которой петербургский кабинет справедливо считает себя свободным от всяких ограничений — отвергнутые уступки не сохраняют своей силы. Из Сан-Ремо поступают весьма печальные известия.

8 марта. Беспокойство из-за императора; похоже, он в субботу простудился на прогулке и с тех пор чувствует себя довольно плохо.

9 марта. В час дня пришли несколько великих князей с новостью о смерти императора; официальную телеграмму я получил только в половине третьего — монарх опочил в половине девятого утра. Донесение графа Шувалова было передано господину Гирсу в начале двенадцатого; министр присутствовал в тот момент на богослужении, которое проводилось в Аничковом дворце по случаю дня рождения Александра III. Служба подходила к концу, двери открылись, Их Величества собирались пройти в комнату, где накрыли завтрак; придворный оркестр как раз готовился приветствовать императорскую чету, когда министр передал царю телеграмму. Император бросил на нее всего один взгляд и сделал музыкантам знак удалиться. Как только собравшееся во дворце общество разошлось, ко мне пришли великие князья Николай и Михаил с несколькими сыновьями и выразили искренние соболезнования. Только в этих двух старших великих князьях живо искреннее почтение к прусским воспоминаниям, связанным с супругой императора Николая. Вскоре после этого прибыли Их Величества с наследником престола; я по-

спешил встретить их внизу лестницы. Император и императрица были глубоко тронуты, они искренне выражали свои чувства, вспоминали о последней встрече с усопшим, прекрасно понимали все значение понесенной утраты. «Видите, — сказала императрица со своей очаровательной естественностью, — как хорошо, что дети подхватили в Копенгагене корь; в противном случае мы бы не заехали в Берлин». Императорская чета надолго задержалась у нас, и, пока императрица беседовала с моей женой, царь высказал мне некоторые вещи, демонстрировавшие как его личное отношение к усопшему, так и видение совершенных им больших дел. Император Александр довольно ясно дал понять, что не особенно верит в продолжение существования Германской империи, хотя и желал бы этого; царь сказал, что знает немецких князей и уверен, что они вскоре начнут создавать проблемы. С глубоким участием говорили Их Величества и о нынешнем больном императоре.

Во второй половине дня у меня побывало еще много великих князей и высокопоставленных особ; я принял почти всех, сделав перерыв лишь на полчаса, которые хотел провести наедине с господином Гирсом. Министр искренне восхищался покойным монархом и в этот час высказал мнение, что Германия может положиться на императора Александра; самому Гирсу нынешнее событие позволило вновь ясно увидеть, как его повелитель относится к нашей династии. На следующий день мне нанес получасовой визит князь Владимир, вновь продемонстрировавший прекрасные стороны своей души и сердца — как он это уже сделал однажды после смерти своего отца. Подобно венценосному брату, однако еще более прямо высказал он убеждение в том, что немецкие князья спустя короткое время начнут создавать трудности. Я сперва выразил доверие к королю Саксонии, а затем заявил, что партикуляризм князей лишь заставит нас, пусть даже против нашей воли, расширить полномочия парламента.

30 марта. Гирс пришел ко мне рано утром и весьма откровенно говорил о том, что граф Шувалов пишет из Берлина — эти новости больно слышать истинному пруссаку. Министр сказал, что не верит в ослабление власти Бисмарка: «Ничего не изменилось, и ничего не изменится, кроме тональности, да и это было бы уже слишком много».

31 марта. В полдень я отправился в Аничков дворец, чтобы передать мои верительные грамоты; беседа длилась полчаса, была спокойной и позитивной. Царь с искренним участием говорил об императоре Фридрихе, к которому испытывает безусловное доверие; он не скрывал, что ждет изменений в наших правящих кругах и будет их приветствовать. Я весьма откровенно высказал свое убеждение в том, что любое отклонение в сторону либерализма будет вредоносным и временным.

4 апреля вскоре после полудня пришла телеграмма канцлера, в которой говорилось, что принца Александра Баттенбергского ждали в Шарлоттенбурге⁴; он, князь, сорвал этот визит; но если принц рано или поздно появится, он подаст в отставку. В завершение канцлер потребовал, чтобы я телеграммой сообщил ему свое мнение и мнение Гирса о том, совместимо ли появление Баттенбергского с хорошими германо-российскими отношениями; сам он в это не верит. Я немедленно отправился к министру; Гирс уже был накануне проинформирован Шуваловым, говорил с императором во время вчерашнего доклада и с трудом скрывал радость, которую доставили ему проблемы Бисмарка. Я задал вопрос в категорической форме, подчеркивая его большую важность, но ни малейшим образом не намекая на желательность того ответа, который князь хотел вложить в наши уста. Господин Гирс долго размышлял, затем по-русски написал ответ и перевел его на французский, взвешивая каждое слово. Смысл сводился к тому,

⁴ То есть при дворе нового императора Фридриха III.

что появление принца Александра в любом случае нежелательно, однако российский император столь твердо верит в надежность помыслов и заверений князя Бисмарка, что даже если визит состоится, он вряд ли приведет к негативным последствиям. Я записал эти слова и дословно передал их в Берлин. Что касается моего личного мнения, то я с полной определенностью заявил, что считаю появление принца угрозой для наших отношений с Россией и европейского мира.

7 апреля. Довольно эмоциональная телеграмма от князя, из которой явствовало, что он ждал от петербургского кабинета более правильной оценки ситуации⁵. Я честно сообщил ему в своей депеше, что здесь так радуются возникшим у него сложностям, что полностью забывают о Баттенберге. Неприятная, но чистая правда, которую я не мог скрывать. На Вильгельмштрассе, естественно, ожидали получить отсюда поддержку в виде доклада, который описывал бы ужас русского двора по поводу возможной свадьбы Баттенберга и непримиримую ненависть к последнему. Вместо этого от меня и одновременно от всех русских газет, за исключением «Гражданина», поступили слова искреннего сострадания к императорской семье, подвергшейся таким тяжким испытаниям. Принимая во внимание моего монарха и достоинство моей страны, я не стал добиваться от Гирса ответа в нужном канцлеру ключе, хотя мог бы это сделать; однако Павел Шувалов имел возможность открыто заявить, что было бы неумно бросать князя Бисмарка в беде. **8-го** Гирс представил мне полную переписку с Шуваловым и по собственной инициативе дал возможность отправить две успокоительные телеграммы. Шувалов заслужил благодарность семейства Бисмарков; я не оказался в долгу у русского

⁵ Бисмарку было желательно добиться острой реакции петербургского двора, что стало бы в его руках дополнительным аргументом в споре с Фридрихом III и его супругой.

правительства; я лишь четко объяснил господину Гирсу, какие последствия будет иметь отставка Бисмарка и возвышение Баттенберга.

11 апреля. Шувалов все еще взывает о помощи. «Нужно поддержать канцлера», — заявил господин Гирс царю; во время вчерашнего доклада в Аничковом дворце он составил телеграмму Шувалову в желательном ключе и при поддержке императора дал указания прессе. Здесь хватало высокопоставленных особ, жаждавших, чтобы царь сообщил в Берлин и Шарлоттенбург, что не имеет совершенно ничего против свадьбы Баттенберга. Вечером прибыл фельдъегерь с серьезной, достойной, почти грустной инструкцией, которая описывала и обосновывала действия князя в течение последних недель. У меня никогда не было ни малейших сомнений в том, что он прав по существу и в отношении заинтересованных лиц. Однако средства, которые он счел нужным применить, были весьма сильными и вряд ли останутся без дурных последствий.

4 августа 1888 года, Санкт-Петербург. **2 июня** мы прибыли в Берлин; несмотря на поздний час, я отправился в министерство. Утром следующего — воскресного — дня Павел Шувалов посетил меня в гостинице. Затем я вновь отправился к графу Герберту Бисмарку. Он был достаточно спокоен, несмотря на тяжелое положение, сложившееся из-за болезни императора и действий окружающих монарха личностей; по всей видимости, граф надеялся на скорый конец. В час дня я отправился в Потсдам и позавтракал с императрицей. Еще во время завтрака меня позвали к императору; он сидел за письменным столом в генеральских брюках и легком жакете. Монарх живо поднялся мне навстречу и обнял меня; затем он дал мне знак сесть напротив и начал писать свои вопросы в блокноте, не отрывая листы, а передавая мне его целиком. Лишь один листок я смог сохранить на память для моей семьи, о здоровье которой император любезно осведомился. Он не выглядел ни сломленным, ни печальным; лишь однаж-

ды, когда я заговорил о совместно прожитых в этом дворце годах, боль овладела им. Он поднял руки, закрыл ими глаза и замер на некоторое время в глубокой печали, опираясь локтями на колени. Затем он вновь открыл свое прекрасное, не искаженное, но лишь слегка осунувшееся лицо и отпустил меня через десять минут, еще раз обняв на прощанье. Глубоко тронутый, я вернулся в Берлин. После визита к графу Шувалову я пообедал у князя Бисмарка с четой Ранцау, графиней Сибиллой, доктором Швенингером и Гербертом.

15 июня в Карлсбаде я получил известие о смерти императора Фридриха. Вечером **16-го** я отправился в Берлин, прибыл туда воскресным утром и остановился у Вердера. Вечером я побывал у Герберта Бисмарка и Павла Шувалова. **18 июня** я поехал во Фридрихскрон. В Янтарном зале рядом с гробом стояло множество старых знакомых, которых я не видел годами; все постарели и поседели. Между ними сновали юные стройные фигуры со свежими лицами, на которых была видна радость от того, что их время пришло так быстро. Зал постепенно наполнялся: Мольтке, Шлотхайм, Тресков, Папе, Крафт и Фридрих Вильгельм Гогенлоэ, Бранденбурги, Раухи, Штиле стояли неподалеку от меня. Затем ввели сыновей юного императора и посадили их на стулья в первом ряду; они болтали своими маленькими ножками, и их пришлось вскоре увести. Вошли дамы, закутанные до неузнаваемости; вкатили кресло с императрицей Аугустой, рядом с ней стояла великая герцогиня Баденская, потерявшая в течение четырех месяцев сына, отца и брата и почти ослепшая⁶. Придворный проповедник Кёгель произнес короткую и красивую речь;

⁶ Дочь императора Вильгельма I принцесса Луиза (1838–1923), в 1856 году вышла за великого герцога Баденского Фридриха I. Ее младший сын принц Людвиг Вильгельм скончался в феврале 1888 года (по официальным данным, от воспаления легких, по слухам, был убит на дуэли).

пление оказалось не лучшим. Как и всегда в подобных случаях, масса офицеров, чиновников и иностранцев, собравшаяся в Ракушечном зале, оказалась довольно безучастной. Я перебросился несколькими словами с графиней Брюль, которая была глубоко потрясена и все же не смогла сдержать горькую фразу о своей высокой госпоже⁷. Процессия пришла в движение; гвардейцы и гренадеры выстроились полукругом под деревьями, на главной аллее по обе стороны стояли солдаты. Птицы пели в ветвях, а мы почти час шли за гробом во Фриденскирхе. Там состоялась короткая заупокойная служба, соборный хор пел великолепно.

12 июля я прибыл из Швейцарии в гостиницу «Кайзерхоф», где получил приглашение Их Величеств в Мраморный дворец на полдень следующего дня. Наутро я отправился к Герберту Бисмарку и затем в Потсдам. Молодой монарх увидел меня на вокзале и пригласил в свой вагон, где я мог спокойно побеседовать с ним в течение получаса. Он был хорошо информирован и полон решимости следовать директиве, мастерски составленной для его поездки князем Бисмарком и прочитанной мне графом Гербертом. Маленький обед в Мраморном дворце, во время которого я сидел рядом с императрицей, оказался очень приятным, беседа оживленной. Из Мраморного дворца я отправился в замок Фридрихскрон. Боль вдовствующей императрицы и скорбь от того, что все давно желанное и наконец полученное оказалось тут же вырвано из

⁷ Кронпринцесса (в описываемый момент вдовствующая императрица) Виктория в 1887 году поддержала врачей, отрицавших наличие у ее супруга ракового заболевания, и способствовала выбору в качестве лечащего врача англичанина Роберта Маккензи. Когда состояние кронпринца к концу года существенно ухудшилось, Маккензи был обвинен в неправильном лечении и сокрытии истинного диагноза. В результате Виктория стала рассматриваться многими как частично ответственная за смерть мужа.

ее рук, оказались глубокими, горькими, пробуждали сочувствие даже в том, кто, подобно мне, знал о прошлом. Нельзя было оставаться равнодушным, слушая жалобы на то, что ей теперь не о ком заботиться, что жизнь кажется ей пустой, потому что она больше не может заполнить ее непрерывным уходом за любимым больным. Мы вместе подошли к постели, где скончался благородный страдалец, и императрица дала мне лист увядшего лаврового венка, который отправила мужу после сражения при Верте. Она также подарила мне булавку, которую он обычно носил на себе.

Утром **20 июля**⁸ пришел господин Гирс, который жил в Петергофе по соседству со мной, и сообщил, что он планирует сказать графу Бисмарку. Я записал его слова, как только он ушел, и отправил их статс-секретарю. Вечером Бисмарк рассказал мне о беседе с Гирсом. Во время торжественного завтрака **21-го** царь выпил «за Его Величество императора и короля и его храбрую армию!». Наш император провозгласил тост за здоровье хозяина дома на русском языке. Во второй половине дня мы отправились в Петербург. Для императора и принца Генриха было подготовлено несколько комнат в посольстве. После трапезы император не стал задерживаться с гостями, а пошел вместе с принцем Генрихом в мой кабинет, чтобы закончить письмо к супруге. Пока он сидел за письменным столом, принц Генрих ходил по соседней комнате; вдруг он снял со стены картину и показал ее брату. Это был портрет их отца, под которым тот своей рукой написал: «27 января 1859 года». «В этот день я родился», — сказал император. «А я нес службу, — ответил я, — и был первым посторонним, который увидел Вас в Вашей постели после рождения»⁹.

⁸ 19–24 июля состоялся визит нового германского императора Вильгельма II в Петербург.

⁹ В 1859 году Швейниц являлся адъютантом кронпринца Фридриха Вильгельма.

22 июля после ярмарки император Вильгельм дал короткую аудиенцию господину Гирсу. О политике речи не шло; в заключение последовало вручение бриллиантов к ордену Черного орла; по моей просьбе император сначала заручился согласием царя. Господин Гирс подробно рассказал мне о своем разговоре с графом Бисмарком. «Наш разговор закончился ничем», — подвел Гирс итог этой беседы, которая его, похоже, мало удовлетворила и не оправдала даже самых скромных ожиданий.

Утром **24 июля** я отправился с нашим императором на «Стрельне» к «Бадену»¹⁰, который осмотрела российская императорская чета; потом был завтрак на «Гогенцоллерне»¹¹. Прекрасная погода, вид наших кораблей, уверенность и хорошие манеры наших моряков, непринужденная веселость нашего императора и принца Генриха, которые красовались в новых униформах и наслаждались своей законной властью повелителей подобного флота, — все это вместе с удовлетворением от того, что визит завершился удачно, подняло настроение мне и многим другим. В этот день мы наблюдали множество прекрасных картин. Одна из них останется в моей памяти навсегда: русская шлюпка, отчаливающая от борта «Гогенцоллерна» со своими высокопоставленными пассажирами, полна красоты, силы, молодости, блеска и красок. Редко можно одновременно видеть в маленькой лодочке так много красивых и сильных молодых мужчин — император Александр со своими братьями и кузенами, — а также прекрасных и элегантных женщин — императрица с супругами великих князей Владимира и Сергея. Могучие фигуры русских князей выглядели еще внушительнее обычного в прусских униформах, с развевающимися плюмажами и оранжевыми лентами; стоя в лодке, они махали на прощание рука-

¹⁰ Броненосный корвет «Баден», вошедший в состав германского флота в 1883 году.

¹¹ Личная яхта германского императора.

ми, их мундиры искрились в лучах солнца. Качаясь на темно-синих волнах, они уплывали вдаль вместе с дамами в светлых платьях.

Хотя наш молодой повелитель лично произвел благоприятное впечатление и понравился не только двору, но и публике, и войскам, у меня остался неприятный осадок. Наше представление должно пробудить надежды, которые не могут быть исполнены; кроме того, многих задело поведение графа Бисмарка.

21 августа вечером я прибыл в Берлин; на следующий день у меня состоялась беседа с графом Берхемом, а вечером я обедал у императора в Мраморном дворце. **23-го** имел место не слишком удовлетворительный разговор с консулом Брауэром о внутренних делах министерства. Граф Берхем позавтракал у меня в «Кайзерхофе». В два часа дня я отправился во Фридрихскрон; весьма печальным оказался час, проведенный мной в величественных помещениях, где я был свидетелем такого большого счастья и откуда вдовствующая императрица вскоре вынуждена будет уехать навсегда. Отправленный из Бабельсберга во Фридрихскрон экипаж повез меня по хорошо знакомым аллеям парка, где я так часто гулял в молодости и в зрелые годы, от одной вдовствующей императрицы к другой. Проезжая мимо Мраморного дворца, я увидел молодую императрицу, отдыхающую в гамаке между высокими деревьями со своим новорожденным сыном.

Императрица Аугуста чувствовала себя лучше, чем в прошлом году; она была полна достоинства, спокойна и скорее сознавала величину своего несчастья умом, чем чувствовала его сердцем. Она мало говорила о своих душевных страданиях, зато, как и раньше, много расспрашивала о людях и событиях в России. Среди всех высокопоставленных особ в Берлине после смерти императора Вильгельма I императрица Аугуста осталась единственной, кто расспрашивает меня, прибывшего из Петербурга, о вещах, которые я в силу своей должности знаю лучше, чем

живущие в Германии. Это меня не изумляет и не пугает. После долгого успешного руководства государственные мужи придают мало значения донесениям, не касающимся конкретных вопросов; так было в последние годы Меттерниха и Наполеона III¹².

18 октября в половине одиннадцатого вечера я прибыл во Фридрихсру, где меня встретили князь, княгиня, графиня Ранцау и господин Роттенбург. Князь был в добром здравии и хорошем настроении. На следующее утро у нас состоялась короткая политическая беседа; князь ясно, спокойно и серьезно говорил о ситуации в Австрии, о чешско-клерикальных изменениях в венском министерстве и усилении позиции графа Тааффе. Князь заявил: «Мне все равно, говорят в Каринтии или Крайне по-немецки или на славянских языках; но для нас важно, чтобы австро-венгерская армия сохранила свое единство. Если национальные противоречия ослабят ее, ценность нашего союзника снизится и придется поставить вопрос о том, имеет ли смысл продлевать союз». Мы погуляли, а после завтрака покатались по лесу; по возвращении князь предложил мне выпить с ним бутылочку марсалы, что вообще-то не входит в его привычки. По его словам, он недавно обнаружил, что в его погребе лежит пара сотен бутылок такого вина, подаренных ему давным-давно; вино за это время стало великолепным. Затем князь пешком проводил меня на станцию.

25 октября министр Гирс отмечал 50-летний юбилей своей службы; по моему предложению руководители дипломатических миссий подарили ему золотую чернильницу стоимостью четыре тысячи рублей. Я передал ее с короткой речью, на которую он ответил, глубоко тронутый моими словами. Я говорил от всего сердца и с искренней

¹² Весьма прозрачный намек со стороны Швейница: Меттерних был изгнан со своего поста в результате революции, Наполеон III лишился трона в результате проигранной войны.

теплотой; на протяжении тринадцати лет я работал рука об руку с этим мужественным человеком, и нам удалось не допустить многих неприятностей.

30 октября поступили сведения о железнодорожной аварии императорского семейства у деревни Борки. Картина этого события, представшая глазам народа, — царь с женой и ребенком, стоящий между мертвыми и умирающими на раскисшей почве, под дождем и на ветру, оказывающий помощь раненым, а затем молящийся за спасение души погибших на его глазах слуг, — разойдется до границ империи и произведет глубокое и долговременное впечатление. Несчастье 29 октября лучше всего продемонстрирует верящему в чудеса русскому народу, что царь и его династия находятся под несомненной защитой Провидения. В самом императоре это еще больше укрепит и без того сильное доверие к Господу и к самому себе. Другим практическим следствием катастрофы станет повышенное внимание к железным дорогам, и в этой области, столь важной для обороноспособности государства, будут произведены улучшения.

4 ноября Их Величества прибыли из Гатчины в столицу — впервые после крушения поезда. Петербургское общество собралось для торжественной встречи с цветами и иконами. Несколько коллег обратились ко мне с вопросом о том, не следует ли нам, дипломатам, принять участие. Я ответил, что там нет места для нас — присутствие чужаков на семейном празднике нежелательно. Сэр Роберт Морье, тем не менее, написал мне поздним вечером, что поедет с женой на вокзал. Он действительно сделал это и благодаря силе своих рук пробился в первый ряд, где стояли дамы. Госпожа Гирс, стоявшая рядом с леди Морье и сэром Робертом, рассказала мне, что, когда императорская чета находилась в нескольких шагах от посла, царь сказал супруге идти правее, то есть прочь от дипломата. Позднее сэр Роберт по приказу своего правительства дважды просил аудиенции, чтобы выразить царю сочувствие королевы

Виктории; оба раза он получил отказ. Я выполнил все формальности от лица дипломатического корпуса сразу же после возвращения Их Величеств.

Повсюду слышатся вопросы о том, как чудовищное физическое и моральное потрясение от катастрофы повлияет на царя, у которого все еще свежи впечатления от вида растерзанного тела отца. Одни считают, что он станет мягче, уступчивее, будет испытывать еще большее отвращение к любому кровавому насилию. Другие предполагают, что чудесное спасение сделает еще более последовательной и строгой его политику, направленную на обеспечение единства веры и языка. Подтверждение своим предположениям они находят в опубликованном сегодня императорском манифесте.

1889 ГОД

3 января. Много работал; прием во французском посольстве; повсеместно у меня складывается впечатление, что нас начинают меньше бояться, больше сомневаться в мудрости нашей политики и надеяться на сплочение наших врагов. В «Кельнской газете» опубликована статья с необдуманными и невозможными нападками на сэра Роберта Морье, которая сделала этого не особенно любимого здесь дипломата популярным, а меня поставила в неудобное положение.

4 января. Господин Гирс переслал мне ответ российского министра финансов на наши жалобы по поводу нарушений границы. В нем я нахожу отповедь, встречные обвинения и язык, к которому мы не привыкли. Я немедленно взялся за работу и написал длинные, весьма серьезные донесения, в которых описал быстро меняющуюся ситуацию. Я отметил, что мы многое потеряли в последний год, в то время как России улыбалась удача. Богатый урожай улучшил экономическое положение; умелый министр финансов воспользовался этим, получив выгодный заем во Франции. Оттуда приходят доказательства страстной симпатии, а чудеса, которые рассказывают о винтовке Лебеля, пробуждают самые смелые надежды. Одновременно становится все яснее, что визит нашего императора в Вену вызвал недовольство, а в Италии существенных результатов не достигнуто.

7 января плохие новости поступали со всех сторон. Тяжелое несчастье постигло наш молодой флот на Самоа —

пятьдесят человек погибли и получили ранения. У меня состоялся разговор с графом Волькенштейном, который совершенно открыто говорит, что в Вене сомневаются в дальнейшем существовании нашего союза и многие думают о компромиссе с Россией. Граф Йорк сообщил мне о помолвке с разведенной супругой российского офицера. Дело Морье становится очень неприятным.

12 января. Моя прощальная беседа с господином Гирсом была вполне удовлетворительной; он с уверенностью говорил об абсолютно мирных намерениях царя.

16 января утром мы прибыли в «Кайзерхоф»; в 10 часов пришел Вердер, рассказавший мне много безрадостного. Затем я навестил брата и обер-церемониймейстера графа Эйленбурга. С двух до половины четвертого я был у графа Герберта, который не задал мне ни единого вопроса о России, зато рассказал самые удивительные вещи. «Сегодня вечером взорвется новая бомба, — сказал он, — в Имперском вестнике будет опубликовано обвинение против Геффкена»¹. Ночь была печальной, но **17-го** меня порадовал долгий визит моего друга Рейсса. Этот спокойный и здравомыслящий государственный муж говорил с уверенностью и надеждой о текущей ситуации, в особенности об императоре, и это очень улучшило мое настроение. В четыре часа я отправился к императрице Аугусте; в семь я пообедал у князя Бисмарка с княгиней, принцем Рейсом и графом Берхемом. Давно уже я не видел канцлера в таком добром здравии и хорошем настроении. Мы много пили и смеялись до половины десятого, однако почти не го-

¹ После смерти Фридриха III профессор Фридрих Геффкен опубликовал отрывки из его дневников, относящиеся к периоду Франко-германской войны 1870–1871 годов. Поскольку эти записи касались в том числе и деятельности Бисмарка, последний организовал против Геффкена процесс, обвинив его сначала в фальсификации документов, а затем в государственной измене. В итоге Геффкен был оправдан, авторитету Бисмарка нанесен значительный ущерб.

ворили о политике, если не считать Африки и колоний, относительно которых княгиня недовольно заявила, что они доставляют ее супругу много трудов и неприятностей. Когда мы покидали дворец вместе с Рейссом, тот сказал: «Мы получили наши инструкции, больше он нас не вызовет». И это действительно оказалось так.

Самоуверенное и жизнерадостное высокомерие, жесткая бесцеремонность и осторожная хитрость — качества, которые князь объединяет в своем характере, — редко столь явно представляли перед моими очами, как это случилось сегодня. Его атака на сэра Роберта Морье, предпринятая негодным оружием, не только не привела к падению британца, но и сделала его популярным в России, где его ненавидели, и заставила встать на его защиту всю Англию, где у него было мало друзей; заодно на его сторону встала независимая германская пресса. Не меньше осуждения вызвало поведение князя в печальном деле, связанном с дневником; утверждение о том, что это фальшивка, пресловутый доклад императору, публикация обвинительного документа и произвольных выдержек из приложений к нему частных писем. Наконец, провал восточно-африканской компании, конфликт в Дамараленде, потери нашего молодого флота от болезней и перенапряжения — все эти неудачи не в состоянии сломить или даже хотя бы расстроить князя. Он шутит по поводу Морье, утверждает, что тот выполнил свой долг, доложив правительству все, что узнал о событиях на театре военных действий. Он смеется над корреспонденцией Геффкена, проклинает Самоа и Африку и заявляет, что не хочет больше иметь никаких дел с колониями, а передаст их Адмиралтейству. Чтобы показать берлинцам, что он не болен, не устал и не раздражен неудачными колониальными дебатами в рейхстаге, он бодро гуляет в Тиргартене, навещая на обратном пути английского посла, у которого остается больше часа и — неслыханное дело — выкуривает две сигареты. Когда мы сидели вместе после трапезы, слуга принес две упаковки

сигарет, которые сэр Эдуард Малет преподнес канцлеру; они были с благодарностью приняты. Герберт Бисмарк рассказал мне, что его отец отправил графу Гатцфельду прекрасную, собственноручно составленную инструкцию, в которой предложил маркизу Солсбери союз, требующий парламентского одобрения; граф добавил, что Россию это никоим образом не затрагивает.

18 января без четверти двенадцать я прибыл во дворец на церемонию инвеституры. Она получилась помпезной, но совершенно не зрелищной и вызывала эмоции лишь благодаря своему историческому значению и присутствию нескольких заслуженных мужей. По окончании мы отправились в зал капитула, где был прочитан короткий некролог в честь рыцарей, усопших в течение двух последних лет, включая двух императоров. В шесть вечера состоялся обед в картинной галерее. Когда прием завершился, император в военном мундире пригласил меня на чай. Я поспешил в гостиницу, чтобы переодеться, отправил извинения императрице Аугусте, к которой был приглашен, и вернулся во дворец. Я одиноко стоял в ожидании в Колонном зале, когда появилась императрица, любезно поприветствовала меня и сообщила, что ее супруг ждет меня в своем кабинете. К сожалению, император был не один; как бы то ни было, я смог кратко повторить ему основные тезисы касательно наших текущих отношений с Россией — наше давление лишь увеличивает недоверие и высокомерие русских, и необходимо избежать впечатления, что наши отношения с Австрией ослабли. Император живо поддерживал меня; затем он провел меня по всем своим комнатам и с удовольствием показал новое убранство, которое оказалось действительно красивым. Затем мы отправились пить чай. В половине одиннадцатого все завершилось.

19 января я завтракал у графа Шувалова; мы говорили не столько о большой политике, сколько о пограничных конфликтах, которые считаем тревожными, несмотря на всю их незначительность. Мы были также согласны

по поводу средств, необходимых для решения проблемы. Я пообедал с принцем Альбертом Альтенбургским, у нас состоялась прекрасная двухчасовая беседа. Он хорошо информирован, и его благоприятное суждение о военных познаниях нашего юного властелина меня порадовало. Далее я пришел на чай к императрице Аугусте; когда Ее Величество удалилась, у меня состоялась долгая беседа с великим герцогом и герцогиней Баденскими. Вечер я провел в компании у Шувалова.

21 января я позавтракал у верного принца Аренберга; он располагает обширными сведениями по поводу ландтага и других дел, однако обладает неприятной привычкой пробуждать у меня недоверие к сотрудникам внешнеполитического ведомства. Затем у меня состоялась беседа с графом Берхемом и долгий серьезный разговор с Гербертом Бисмарком. Последнему я дал понять, что старые средства не работают в отношении России, что она не начнет войны, но будет говорить иным языком, поскольку стала сильнее, богаче и меньше боится нас, уверенная, что мы допускаем ошибки. Я также сообщил, что граф Шувалов рисует ему настроения при русском дворе в более благоприятном свете, чем они есть в действительности; то же самое делал недавно граф Капнист. С первым мой собеседник согласился, со вторым нет. «Почему Капнист должен меня обманывать? — заявил граф. — Он знает, что если я останусь жив, то всегда буду оказывать влияние на нашу внешнюю политику». Не заблуждается ли граф Бисмарк? Если нет, то после ухода канцлера нам вряд ли придется надеяться на долгий мир; разве что сын и наследник полностью изменит тональность, в которой он пишет.

27 января. С поздравлениями² пришли всего несколько человек; без четверти полдень я в малой униформе отправился в Аничков дворец. Их Величества, окруженные детьми, встретили меня милостиво и любезно, после чего

² По случаю дня рождения Вильгельма II.

мы отправились завтракать. Император произнес здравицу, оркестр сыграл наш гимн, который мы выслушали стоя. После трапезы, когда мы стояли с сигаретами в зимнем саду, император спросил меня о впечатлениях от моей поездки в Берлин. Я ответил, что там все лучше, чем я ожидал, и что постепенно все утрясется. Из дворца я уехал вполне довольным, поскольку мне нравились счастливое единство императорского семейства, открытость монарха, искреннее дружелюбие, с которым общались со мной. Однако особенного интереса к моему повелителю здесь не чувствовалось. Вернувшись домой, я принял множество визитеров; поздним вечером пришел господин Гирс, и мы долго беседовали наедине. Он с теплотой вспоминал долгие годы нашего делового общения и многочисленные сложности, которые мы счастливо преодолели. И теперь, по его словам, все хорошо, но исчез энтузиазм — по непонятной причине, возможно, из-за его возраста. Нельзя обманываться: нам больше никто не доверяет, даже Гирс.

30 января я отправился к господину Гирсу, затем на вокзал, чтобы встретить великого герцога Гессенского, приехавшего с наследным принцем и дочерью Аликс³. Вечером я узнал о кончине кронпринца Рудольфа⁴. В течение следующих дней я часто бывал у графа и графини Волькенштейн, чтобы показать им сочувствие, которое испытываю к их династии в связи с понесенной утратой. Я потрясен сильнее, чем другие иностранцы, поскольку со времен своего двукратного пребывания в Вене сохранил много воспоминаний и ощущений. [...]

³ Речь идет о будущей последней российской императрице Александре Федоровне (1872–1918). Именно во время этого визита она познакомилась со своим будущим супругом цесаревичем Николаем.

⁴ Эрцгерцог Рудольф (1858–1889) был единственным сыном австрийского императора Франца Иосифа. Покончил жизнь самоубийством в ночь с 29 на 30 января 1889 года.

19 февраля. Сегодня состоялся бал в английском посольстве, на котором присутствовала российская императорская чета; этим она окончательно засвидетельствовала уже очевидное поражение бисмарковских газетных бандитов. Сам по себе скандал вокруг Морье незначителен, но у него были большие последствия, понятные лишь немногим. Если говорить коротко, то он пошатнул веру читающей публики в политическую непогрешимость канцлера и заставил заподозрить, что князь уже не тот, что раньше. Достойный большого сожаления инцидент заслуживает поэтому подробного рассказа. В начале шестидесятых мистер Морье был секретарем посольства в Берлине и близким другом барона Штокмара — секретаря кронпринцессы. Штокмар, в свою очередь, являлся носителем того доверия, которое весь Кобургский дом в течение полувека испытывал к ее отцу, и посредником между двором кронпринца и всеми, кто желал достижения немецкого единства согласно Готской программе⁵. Мистер Морье был в самом центре этого общества. Английский дипломат быстро собрал обширные и основательные сведения о ситуации в Германии, но так и не смог понять истинных корней нашей силы. Он не понял ни северогерманских помещиков, ни их сыновей-лейтенантов, и приходил в ужас при виде той Германии, которую император Вильгельм и Бисмарк создали благодаря этим элементам. Он, конечно, желал единую Германию, но парламентскую, по британскому образцу и под британским влиянием, достаточно сильную для того, чтобы защищать интересы Англии на континенте руками немецких солдат, но слишком слабую для противодействия этим интересам в Европе и тем более на других континентах.

Во время так называемой «эпохи конфликта», начавшейся вскоре после назначения Бисмарка министром

⁵ Имеется в виду немецкое либеральное движение, выступавшее за национальное единство и политические реформы.

(осень 1862 года) и продолжавшейся до Дюппеля и Кёниггреца⁶, кронпринц, как известно, выступил в роли открытой оппозиции правительству своего отца. В ходе этих печальных событий мистер Морье развернул большую активность. Я не могу с уверенностью утверждать, что именно он передал в «Таймс» переписку короля и кронпринца после речи последнего в «Артусхофе», однако весьма вероятно, что в его руки попала одна из семи копий данной корреспонденции. Бисмарк уже тогда внимательно следил за ним; вскоре он нашел еще больше поводов наблюдать за мистером Морье, который с большой энергией выступил за герцога Фридриха Аугустенбургского⁷ и участвовал в атаке, предпринятой на Бисмарка под герцогскими знаменами. Главе правительства пришлось туго, поскольку против него выступили практически все, кроме короля Вильгельма: кронпринц с супругой, королева Аугуста, английский двор, большинство немецких князей, Национальный союз, все либералы, российское, австрийское и английское правительство. При этом Бисмарк не мог раскрыть ни своему

⁶ Конфликт между короной и парламентом в Пруссии по поводу военной реформы, начавшийся в 1860 году. Бисмарк был назначен главой правительства на пике этого конфликта и смог урегулировать его благодаря своим внешнеполитическим успехам 1864–1866 годов.

⁷ Фридрих Аугустенбургский являлся претендентом на трон герцогств Шлезвиг и Гольштейн в ходе кризиса 1863–1864 годов, начало которому положило стремление Дании вопреки международным соглашениям присоединить территорию Шлезвига. В 1864 году Австрия и Пруссия совместно нанесли Дании военное поражение и приняли герцогства под свое управление. Немецкая общественность и значительная часть прусской политической элиты, включая кронпринца, поддерживали кандидатуру Фридриха Аугустенбургского, однако Бисмарк выступил категорически против, не желая появления на севере Германии еще одного независимого от Пруссии государства. В итоге после победы в Немецкой войне 1866 года герцогства были аннексированы Пруссией.

повелителю, ни немногочисленным сторонникам своей настоящей цели. Важнейшим союзником великого мужа была, как это часто случается, глупость его противников; если бы герцог Фридрих принял условия, поставленные Пруссией, он взшел бы на престол. В это время Морье развернул бурную деятельность во дворце, где я один, поддерживаемый верной соратницей графиней Брюль, выступал за бисмарковскую, за прусскую политику.

В течение десяти или двенадцати лет, следовавших за первыми прусскими победами, одержанными после полувекового мира, Европа стала свидетельницей чудесного спектакля. Один-единственный человек — иные считали его безумцем, многие отчаянным храбрецом и губителем Отечества, почти все боролись с ним — победил всех врагов одного за другим, внушил противникам невольное восхищение и превратил их в сторонников, сделал массы своими почти безвольными инструментами. Но прошло еще десять лет, и великий человек оказался почти столь же одиноким, как в начале своей карьеры. Во внутренней политике он применял те же средства, что и во внешней; здесь его цели должны были служить партии, там — кабинеты. Он переманивал политиков на свою сторону или запугивал их, сталкивал между собой, привлекал и отбрасывал, использовал все силы для достижения сиюминутной цели, даже не очень высокой. Неважно, шла ли речь об уничтожении личного врага, устранении вредного влияния, важной политической, экономической либо социальной цели, об акте государственного значения или мелкой придворной интриге. Бисмарк был неизменно готов бросить на весы все — свою личность, положение, самые священные принципы, достоинство монархии и благо Отчизны. Благодаря этому, а также чудесному сочетанию осторожности и безоглядной смелости, которое еще недавно выделяло его среди всех государственных мужей, Бисмарк в последние двадцать — двадцать пять лет почти всегда добивался своего.

Все это время о большинстве из его старых либеральных противников почти ничего не было слышно; их забыли, они оказались дискредитированы неудачами, насмешками и клеветой либо встали на сторону победителя. Морье через Кобург, Дармштадт и Мюнхен делал карьеру в Лиссабоне и Мадриде. После смерти лорда Эмтхилла⁸ зашла речь о том, что Морье должен стать его преемником в Берлине; князь Бисмарк совершенно обоснованно не допустил этого, и Морье прибыл в Петербург. Он открыто и правдиво рассказал мне о тех соображениях, которыми собирался руководствоваться в своей деятельности; его цель заключалась в том, чтобы удерживать Россию от дальнейшего продвижения в Средней Азии, по крайней мере пока не будут готовы укрепления и стратегические железные дороги на северо-западной границе Индии. Чтобы добиться своего, он зашел очень далеко в уступчивости и лести; он даже с легкостью пожертвовал принцем Баттенбергом, хотя знал, что вызовет недовольство своей королевы и нашей кронпринцессы, на милость которой в будущем еще рассчитывал. Конечно, он не стал говорить мне, что хотел занять Россию на континенте, то есть поспорить с нами; но это и так все прекрасно видели. Я внимательно наблюдал за ним и спокойно ждал момента, когда мой коллега благодаря своему известному темпераменту сделает собственное положение невозможным, как это уже случилось в Лиссабоне и Мадриде, где он испортил отношения с правительством и дипломатическим корпусом. Благодаря своему излишнему рвению, бестактности и задевавшим русские чувства высказываниям, сделанным в нетрезвом виде, сэр Роберт снискал здесь всеобщую нелюбовь. Именно в этот момент Бисмарку пришла несчастливая мысль атаковать его. Я тщательно избегал того, чтобы в своих отчетах разжигать хорошо известную ненависть канцлера

⁸ Имеется в виду британский дипломат Одо Рассел (1829–1884) — посол в Берлине в 1871–1884 годах.

к британскому послу, хотя знал, что князь охотно прочтет нечто подобное. Вероятно, именно это побудило замещавшего меня господина во время моего отпуска выступить в своих докладах с пикантными и несколько преувеличенными обвинениями в адрес сэра Роберта. Бумаги были отправлены нашему послу в Лондоне графу Гатцфельду с заданием по секрету сообщить их содержание лорду Солсбери. Естественно, последний не мог откликнуться на сделанный намек и отозвать Морье; он совсем недавно уже пожертвовал нам одного дипломатического агента — консула в Занзибаре — и лишь с трудом смог отбиться от обрушившихся на него в результате обвинений. Однако от моего коллеги не укрылось, что доклады германского посольства в Петербурге стремятся выбить у него почву из-под ног.

Примерно полтора года назад я получил инструкцию, в которой говорилось: наш военный атташе в Мадриде докладывает, что, по рассказам маршала Базена, в августе 1870 года он получил первое известие о нашем наступлении к Мозелю от господина Морье, который служил тогда посланником в Дармштадте и был дружен с маршалом с мексиканских времен. Мне было поручено при наличии благоприятной возможности использовать эту информацию; однако я оставил ее без внимания уже по той причине, что Морье никогда не был в Мексике. Моя надежда на то, что я никогда больше не услышу об этом деле, оказалась жестоко разбита, когда однажды вечером, сидя в кресле, я взял в руки «Кёльнскую газету» и увидел статью, где слишком хорошо известным мне слогом делались невозможные утверждения о «предательстве» сэра Морье. В мгновение ока перед моими глазами пронеслась череда безрадостных и жалких ситуаций, в которых я окажусь в ближайшем будущем; я не сомневался в том, что российское общество, двор, пресса, даже коллеги, ненавидевшие Морье, встанут на его сторону, и его официальное и общественное положение из неблагоприятного

станет превосходным. Так и случилось, и сегодняшний бал, из-за которого я и обратился к этой теме, довершил картину.

24 февраля. Взяв за завтраком газету, я увидел две телеграммы, заставившие меня от всего сердца рассмеяться. В первой говорится о помолвке принца Баттенбергского с опереточной певичкой, а вторая сообщает, что французский адмирал Олри обстрелял у Согалло русских, отправившихся в Абиссинию под началом Ашинова⁹.

25 февраля. Гирс весьма разумно говорил об инциденте с Ашиновым, который отчасти пришелся ему кстати, поскольку позволит немного охладить страсть к французам. Министр делает все, чтобы уладить вопрос и облегчить парижскому кабинету трудную задачу. Он всегда выступал против экспедиции Ашинова, но не смог ее предотвратить, и жалкий конец предприятия доставил ему известное удовлетворение. В нормальных условиях он не смог бы остаться на своем посту, поскольку в роли министра иностранных дел должен был либо сорвать этот пиратский поход, либо обеспечить защиту миссионерской и колонизаторской экспедиции и потребовать извинений за пролитую кровь паломников, женщин и детей.

Смерть отняла у нас старую верную подругу: скончалась госпожа Баратынская, урожденная княгиня Абаме-

⁹ Николай Иванович Ашинов (1856–1902) — российский путешественник, в 1880-е годы неоднократно посещавший Эфиопию и пытавшийся установить там российское влияние на почве общности христианской веры. В ходе экспедиции 1889 года он вместе с отрядом колонистов обосновался в заброшенном египетском форте Сагалла на побережье залива Таджура (на территории современного государства Джибути). Он провозгласил территорию владением России, назвал Новой Москвой и планировал использовать как плацдарм для продвижения в Эфиопию. Однако французы, претендовавшие на эти территории, разрушили форт и арестовали Ашинова с колонистами.

лик¹⁰. Армянка, редкая красавица в молодости, она в зрелом возрасте блистала своим образованием, была добра и любезна со всеми, кто щадил ее маленькие слабости. Суть последних заключалась в несколько преувеличенном культе придворной жизни, к сожалению, вышедшем из моды. Насмешники говорили, что она «без ума от двора» и ее, вероятно, когда-то укусил сумасшедший принц. Однако госпожа Баратынская была в полной мере достойна дружеских чувств, которые питали к ней многие высокие дамы, в особенности императрица Аугуста. Она обладала множеством качеств, облагораживавших общение с ней, и безупречной вежливостью; помимо этого, у нее была прекрасная память и необычайные способности к языкам. Она переводила стихи Пушкина на английский, а немецкую поэзию на русский — великолепно по форме, с тончайшим пониманием смысла иностранных слов. Мне будет очень не хватать вдохновляющих бесед с ней, ее знания придворной жизни и милой привычки говорить каждому что-нибудь приятное и лестное.

28 февраля. Ранним утром моей егерь Шмидт доложил, что ночью от сердечного приступа скончался генерал Асташев¹¹. Меня это сильно расстроило, я обязан генералу множеством счастливых охотничьих дней, подстрелил у него в гостях много волков. Он был хорошим человеком, имел немецкое образование и, несмотря на врожденную грубость и склонность кичиться богатством, простительную для сына сибирского горнозаводчика, обладал рядом хороших качеств. Я знал Асташева 24 года и был у него еще вчера. Мы с Анной отправились на похороны госпожи Баратынской; затем мы поехали к княгине Долгорукой — последней старой подруге, оставшейся у нас. Ее самочувствие

¹⁰ Анна Давыдовна Баратынская (1814–1889) — придворная дама, фрейлина, поэтесса и переводчица.

¹¹ Вениамин Иванович Асташев (1836–1889) — российский военный деятель, генерал-лейтенант, меценат.

тоже оставляет желать лучшего. Бал в Концертном зале Зимнего дворца; император шутил на тему помолвки Баттенберга; за ужином я, как всегда, сидел рядом с императрицей и прекрасно с ней пообщался.

7 марта. Король Милан отказался от своей жалкой короны; мы знали, что он это сделает, но публика ошарашена. В России будет по этому поводу большая радость. Ко мне пришел граф Волькенштейн, а также сербский посланник господин Симич, с которым я немного прогулялся.

22 марта. Скончался граф Петр Шувалов. В минувшие годы, в особенности после начала болезни, он сильно отдалился от меня. В последний раз мы общались как встарь прошлым летом в Карлсбаде. Не возьмусь утверждать, что Петр Андреевич стал избегать меня потому, что при дворе не любят, когда кто-то слишком близок с немцами. Однако в России вполне естественно, что все следуют данному свыше примеру. Кроме того, по своему характеру Шувалов не мог испытывать особого удовольствия от общения со мной, разве что речь шла об охоте или политике. Для меня было наслаждением слушать его, восхищаясь обаянием и умом, с которыми он вел как серьезные, так и легкие разговоры. Граф был одарен всеми лучшими качествами славянской нации — хотя в большей степени польской, чем русской. Воспитанный наполовину во французском, наполовину в немецком стиле, он не слишком усердствовал в учебе, зато рос в самых благородных кругах российского общества. При дворе Наполеона ему привили парижский тон, он еще в юности достиг высоких должностей и в сорок лет стал самым влиятельным человеком в государстве. Впервые я увидел его весной 1865 года; я нес службу при короле и находился в адъютантском помещении, когда граф вошел и попросил доложить о нем. Он был в то время генерал-губернатором остзейских провинций, генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, хотя ему исполнилось всего 39 лет. Его возраст всегда называли на год меньше, чем в действительности, причем по довольно

забавной причине: его отец Андрей женился на вдове графа Платона Зубова, последнего любовника императрицы Екатерины. Этот осыпанный богатствами и должностями муж пережил свою благодетельницу почти на тридцать лет и в поздние годы обвенчался с прекрасной дочерью мелкого польского дворянина, которая после его скорой смерти получила значительную часть зубовских богатств. На ее руку претендовали многие, но она отдала предпочтение графу Андрею Шувалову; тем не менее, при предстоящей коронации императора Николая она хотела сохранить статус вдовы Зубова, поскольку он обеспечивал ей первое место среди всех дам при дворе. Поэтому венчание было тайным, и рождение маленького Петра официально записали более поздней датой, чем оно случилось в действительности.

В 1866 году, после покушения Каракозова, граф Шувалов встал во главе «Третьего отделения канцелярии Его Императорского Величества». Это исполнительный орган самодержавия, вмешивавшийся в работу всех ветвей государственного управления. Его задачей было защищать благоденствие государства, то есть безопасность монарха, но также оберегать подданных от чиновничьего произвола и крестьян — от бесчеловечности их владельцев. Шеф Третьего отделения получал от своих подчиненных донесения из всех концов империи, доводил их содержание до сведения царя и благодаря этому приобретал возможность говорить с императором обо всем. При этом Александр II строго держался принципа обсуждать с каждым министром лишь дела его ведомства. В итоге государственный муж с острым умом, очаровывающим и убедительным слогом графа Шувалова не мог не приобрести большого влияния на царя. Однако те, кто считал его всемогущим и называл Петром IV, безбожно преувеличивали. Александр II был слишком ревнив и полон сознания своей власти для того, чтобы разделять последнюю с фаворитом или человеком, к которому испытывал полное доверие.

В особенности в военных и международных делах он не терпел никакого вмешательства. Граф Адлерберг, оставшийся на протяжении всей жизни самым верным другом и слугой императора, хорошо знал это и действовал соответствующим образом; иногда слишком осторожный, заботящийся о сохранении своего положения, он неизменно держался в рамках задач министра двора, хотя мог бы удержать своего венценосного друга от некоторых политических ошибок. Шувалов был менее эгоистичен, более энергичен и верен убеждениям, поэтому не скрывал своего мнения, когда речь шла о важных вопросах. Он считал систему Милютина губительной для армии и опасной для династии, поэтому боролся с ней. По его мнению, Милютин был злым гением второй половины правления Александра II, в то время как ранее в этой же роли выступал великий князь Константин. Последнего Шувалов смог успешно устранить; «как хореk кролика», преследовал он его по всем его тайным ходам. Однако с генералом, занимавшим в течение 17 лет пост военного министра, он справиться не смог.

Когда в Петербурге и Берлине стали слишком много говорить о мнимом всевластии Шувалова, когда граф выступил против окружения княгини Екатерины Долгорукой в связи с железнодорожной спекуляцией, император почувствовал себя оскорбленным в чувствах самодержца. Подстрекаемый фавориткой, он однажды заявил графу, что тот, вероятно, хочет стать послом в Лондоне и служить опорой герцогине Эдинбургской. Я не буду оценивать дипломатическую деятельность Шувалова; хочу только сказать, что император и канцлер, поручавшие ему самые сложные задачи, с которыми он искусно и успешно справлялся, затем оклеветали его самым ужасным и вероломным образом. Когда был заключен Сан-Стефанский мир, грозивший вылиться в новую войну, император Александр II в Царском Селе приказал в присутствии Милютина отправлявшемуся на конгресс в Берлин графу Шувалову любой це-

ной предотвратить столкновение с Англией и Австрией. Когда это было достигнуто без ущерба для российских интересов, когда граф с нашей помощью сделал для России большие приобретения (Батум, Бессарабия и так далее), князь Горчаков приказал прессе заклеить его как предателя, а император отвернулся от него.

Граф Шувалов замолчал; он сильно страдал от немилости двора и обвинений земляков. Еще десять лет он жил в стороне от дел, оказывая влияние на политику только как член Государственного совета; там у него имелись друзья и почитатели, охотно прислушивавшиеся к его совету. Свою частную жизнь он мог бы устроить иначе; его огромное состояние позволяло ему занять в обществе позицию, которая имела бы политический вес. Вместо этого он жил уединенно и экономно, толком не имел домашнего хозяйства, пил и говорил порой больше, чем следовало бы. Кроме того, он нанес ущерб своей репутации открытой связью с одной прекрасной княгиней, что не удерживало его от других интрижек; в промежутках он склонялся под игом супруги, принадлежавшей к членам набожной секты Пашкова. От природы добродушный, он никому не причинил намеренного зла, но покарал сотни молодых русских за незначительные проступки, ложно оценив начала нигилизма. Но скольким тысячам он спас жизни, предотвратив надвигающуюся войну? За эту заслугу император и народ проклинали его, в то время как в истинных ошибках его никто не упрекнул. Он заблуждался, но с лучшими намерениями. Трагедия насыщенной жизни этого одаренного деятеля заключается в том, что он принес себя в жертву тщетному стремлению обезвредить поспешные реформы Александра II и исправить допущенные во внешней политике ошибки.

26 марта. В Цюрихе несколько русских студентов проводили эксперименты с новыми бомбами, что закончилось несчастным случаем: один погиб, второй тяжело ранен. Эта новость произвела глубокое впечатление на здешнее

общество. После «чуда в Борках» здесь верили, что никто больше не рискнет покушаться на жизнь царя, которого явно хранило Провидение.

3 апреля. У меня состоялась беседа с господином Гирсом по поводу швейцарских дел. Произошедшее дало нам хорошую возможность оказать России услугу, за которую царь был бы лично благодарен нам. К сожалению, к делу подошли неумело.

8 апреля. Господин Гирс пришел ко мне по швейцарскому вопросу; я считаю вполне возможным побудить Россию к совместным действиям, которые обострят ее отношения с Францией.

29 апреля. Написал в Кассель по поводу покупки дома.

1 мая. У Гирса; мы говорили о совместных действиях в отношении Швейцарии. Министр формулировал мысли очень осторожно, считал, что пока нет однозначной причины для предъявления претензий, хочет принять с благодарностью наше предложение — при условии, что оно не будет выглядеть так, словно все делается только в интересах России, а не Германии.

2 мая. Утром подстрелил глухаря. В три часа у Гирса по поводу Швейцарии.

3 мая. Господин Гирс пришел ко мне обсудить швейцарский вопрос, затем я воспользовался прекрасной погодой и поехал в охотничий домик к Науму. Там я провел в покое день и две ночи, подстрелил трех глухарей.

6 и 7 мая у меня вновь состоялись беседы с Гирсом и Влангали по поводу Швейцарии. Князь Бисмарк хочет вести дальнейшие переговоры с графом Шуваловым; этот сюжет мог бы быть нам очень полезен, если бы мы выступили с позиции защиты жизни царя и монархического интереса, но уже испорчен резким языком, которым наша официозная пресса сообщает о деле Вольгемута¹². Вместо

¹² Немецкий полицейский чиновник, арестованный и высланный из Швейцарии.

того чтобы защищать Россию, мы, похоже, уже просим российской поддержки.

15 мая во второй половине дня я вместе с семьей отправился на виллу Мятлева. Дети наслаждаются лесными прогулками и поездками в раздобытом мной экипаже, запряженном маленьким шведским пони. Губерт и Генрих начинают скакать на буланой лошади Изабель, причем вполне успешно. Третья лошадка, сибирской породы, также внесла свой вклад в удовольствие от катания. Вскоре добавился красивый, хотя и немолодой гнедой жеребец для меня. Я немного позанимался с Элеонорой и Марией, познакомив их с греческой историей и литературой и почитав с ними «Одиссею».

1 июня. Принцесса Милица Черногорская помолвлена с великим князем Петром Николаевичем; на торжественном обеде в Петергофе царь произнес тост, который относится к столь богато проиллюстрированной журналом «Панч» категории «вещей, которые лучше бы остались невысказанными». Александр III выпил за здоровье «единственного искреннего друга России» — князя черногорского¹³.

14 июня. Оттенберг прибыл с телеграммой; князь Бисмарк требует, чтобы мы опубликовали ноты, отправленные швейцарскому правительству. Я поспешил в город; Гирс никого не хотел принимать; я добился того, чтобы меня впустили, и представил дело как совершенно срочное. «Определенно нет!» — был ответ министра, и он остался таким, несмотря на энергичные уговоры. Князю я сообщил об отказе со стороны российского кабинета в как можно более мягкой форме.

Прекрасные долгие дни русского лета прошли, практически ничем не омраченные. Внешняя политика мало

¹³ «Черногорский тост» Александра III вызвал в Европе большую тревогу, поскольку обычно такого рода заявления свидетельствуют о приближении серьезного кризиса или конфликта.

занимала меня, однако внутреннее положение России давало много материала для наблюдений и докладов. Русификация балтийских провинций и преследование лютеранских пасторов продолжались самым жестоким образом. С Победоносцевым у меня состоялось несколько интересных разговоров; он не стал скрывать, что вполне хладнокровно и без религиозного фанатизма стремится к единству веры во всей империи. Он заявил: «Кто отпадает от православной веры, перестает быть русским — не только в мыслях и действиях, но даже в одежде и образе жизни».

Примерно в середине июля мой покой был нарушен поручением императора, который путешествовал морем к норвежским берегам и в пути телеграфировал мне, что я должен передать царю картину, изображавшую прибытие нашего монарха в Кронштадт, в годовщину этого события. Их Величества приняли меня **19-го**, как всегда, очень дружелюбно и похвалили довольно симпатичную картину; однако они без особой теплоты вспоминали визит нашего императора и не выражали желания нанести ответный. Хотя именно последнее и должно было бы стать главным результатом, я ушел в хорошем настроении, поскольку только цепочка счастливых случайностей позволила мне выполнить приказ монарха точно в назначенный день.

Задержка с российским ответным визитом и в значительно большей степени недостойное обсуждение этого вопроса, которое ведет наша официозная пресса, привели к довольно неприятному положению дел, которое совершенно не соответствует реальной расстановке сил и искажает общую политическую картину. Я на протяжении последнего года постоянно и отчетливо писал в своих донесениях, что любой наш шаг навстречу лишь усиливает недоверие и высокомерие русских. Эти мои слова не понравились канцлеру, а император не обратил на них внимания.

30 июля пастор Локенберг окрестил нашего Ганса Фридриха Виктора.

23 августа. Я договорился с Гирсом, что встречу его по возвращении с доклада императору в Сергиевской; отсюда я сопровождал его до самого Петербурга. У нас состоялась весьма удовлетворительная беседа; удалось окончательно согласовать все касающееся императорского визита и тем самым устранить серьезную опасность, вызванную ленью царя и недостойным поведением нашей прессы. Я прилежно писал и телеграфировал, очень довольный тем, что вновь успешно заштопал раскрывшуюся прореху. [...]

11 октября в 10 часов утра царь прибыл в Берлин; на Лертском вокзале его встречали император, Бисмарк, принцы и генералы. Все прошло хорошо, бесконечный парадный марш следовал мимо русского посольства. Затем монархи расстались, и я позавтракал вместе с царем у Шувалова. Позднее я отправился к Герберту, чтобы обсудить с ним тост, который наш император произнесет на торжественном обеде; предложенный текст показался мне удачным — теплым, но без преувеличений. Ответ царя, произнесенный нечетко и с некоторыми колебаниями, оказался вполне уместным по форме, хотя и бессодержательным по существу. Я в целом был доволен: в общении монархов присутствовало не слишком много и не слишком мало теплоты. Особенно меня порадовало то, что император Александр еще до обеда имел долгую беседу с канцлером, итогом которой остались довольны обе стороны.

13 октября оба императора завтракали в Александровском полку. Похоже, что еще накануне, во время почти безуспешной охоты в Хубертусштоке они достаточно откровенно поговорили друг с другом. В результате за завтраком как минимум с нашей стороны на смену желанной теплоте пришла сердечность, заставляющая меня опасаться разочарований. Для канцлера свидание монархов стало большим политическим и личным успехом. После отъезда царя

император пригласил его в свой экипаж¹⁴. Позднее я обедал у князя. [...]

23 ноября я был в Берлине, читал документы и обедал у Герберта Бисмарка. На следующий день меня позвали на обед в Новый дворец. После трапезы император пригласил меня в свой кабинет, угостил сигаретой и показал огромную фотографию, на которой был запечатлен парадный марш перед российским посольством; мне поручалось передать ее царю на особой аудиенции. Я не стал скрывать, что это не доставит особой радости ни императору Александру, ни мне. Далее я предостерег Его Величество от того, чтобы видеть какие-то политические мотивы в действиях царя, когда он ради удобства попытается отменить визит в Красное Село.

25 ноября в половине девятого утра я отправился во Фридрихсру. В моем купе оказался еще один господин, выглядевший не очень элегантно, но значительно; мы не обменялись ни единым словом. Когда мы прибыли во Фридрихсру, князь представил его мне как господина фон Хелльдорфа¹⁵, и я очень пожалел о том, что не воспользовался возможностью побеседовать с лидером консерваторов. После завтрака мы вместе с князем и господином фон Хелльдорфом долго катались по лесу, и я с большим интересом слушал их разговор о главной из текущих проблем — законе против социалистов. Партийный лидер прибыл, чтобы уговорить канцлера отказаться от параграфа о высылке, за который национал-либералы

¹⁴ В ходе беседы с Бисмарком Александр III подчеркнул свое доверие к нему и выразил беспокойство по поводу растущего влияния военных и слухов о том, что «железный канцлер» может скоро отправиться в отставку. Бисмарк постарался рассеять эти опасения.

¹⁵ Отто фон Хелльдорф (1833–1908) — немецкий консервативный политик, один из основателей Германской консервативной партии и ее председатель в 1876–1892 годах, а также глава парламентской фракции в 1879–1881 и 1884–1892 годах.

не хотят голосовать и который не нравится даже консерваторам. Князь категорически отказался, заявил, что он не терпит «поджимания хвоста» и «дезертирства», что наступает время «железа и крови» и так далее. Господин фон Хелльдорф очень спокойно разъяснил, что речь идет о сохранении «Картеля»; князь ответил, что он тоже этого хочет, но не согласился ни на одну из необходимых мер. Даже слабо разбираясь в чужих для меня вопросах, я понял, что мы движемся в тупик; я утешал себя мыслью, что князь в итоге всегда оказывался прав и, возможно, даже к лучшему, если проблема социалистов будет вскоре решена силой¹⁶.

Позднее у меня состоялся короткий политический разговор с канцлером, в ходе которого я сказал, что наш договор с Россией истекает через полгода, и я сомневаюсь в том, что его стоит продлевать. В действительно критические моменты он не оказывал никакого существенного влияния, о нем почти что забывали. Поэтому я бы со своей стороны не проявлял инициативы, а если это сделает господин Гирс, то принял бы его слова к сведению. Князь согласился с этим. Кроме того, я констатировал, что идея визита императора Вильгельма в Красное Село исходила от него самого, а не от царя. За обедом и после него беседа оказалась очень веселой и местами интересной. Позднее я поговорил с советником Брауэром и Хелльдорфом, и у меня появились некоторые опасения. Я узнал, что князь хочет поехать в Берлин и выступить с большой речью, но его семья, а еще больше министры и консерваторы хотят как можно дольше удерживать его вдали от парламента. Господин фон Хелльдорф очень переживал по поводу невозможности получить от канцлера определенный

¹⁶ Осенью 1889 года Бисмарк, поняв ослабление своей позиции, сделал ставку на провоцирование внутривнутриполитического кризиса, который продемонстрировал бы Вильгельму II его незаменимость.

ответ на вопрос о том, какую позицию следует занять относительно закона против социалистов.

Санкт-Петербург. Только **18 декабря** я смог попасть к царю для передачи ему вышеупомянутой фотографии. Беседа наша прошла удовлетворительно. Никаких сомнений, что визит в Берлин оставил прекрасные впечатления и что царь действительно свободен от опасений по поводу немецкого нападения. Это большой выигрыш, поскольку страх, который постоянно подпитывали наши противники и усиливали приписываемые графу Вальдерзее интриги¹⁷, влиял на действия императора Александра и заставлял его принимать все более масштабные меры по подготовке к войне.

¹⁷ Альфред фон Вальдерзее (1832–1904) — германский военный и политический деятель, с 1882 года генерал-квартирмейстер Большого генерального штаба, в 1888–1891 годах шеф Большого генерального штаба. Сторонник превентивной войны против России. Близкий друг императора Вильгельма II, принимал активное участие в отстранении Бисмарка от власти. По мнению многих современников и историков, активно интриговал с целью занять пост имперского канцлера.

1890 ГОД

8 января. У меня возникла потребность подвести итог 1889 года, необычайно богатого событиями, наблюдение за которыми входит в мои обязанности. Здесь я лишь кратко отмечу отдельные вещи, проливающие свет на все остальное. В России сильнее, чем где бы то ни было, нужно бороться с искушением обобщать, потому что здесь эта склонность особенно часто приводит к ложным заключениям, тем более если критик находится в самом углу империи — в Санкт-Петербурге. 7 мая 1889 года скончался граф Толстой; на протяжении семи лет он руководил министерством, куда его назначил Александр III, когда увидел, что граф Игнатьев ведет его по нежеланному пути. После того как граф Толстой устранил возбуждение и беспорядок, созданные его предшественником, он начал борьбу с губительными последствиями слишком поспешных реформ Александра II. Поддерживаемый и зачастую направляемый Катковым, он достиг определенных результатов — например, дисциплинировал университеты, — но свой большой проект, административную реформу, смог осуществить только на смертном одре. Несмотря на сопротивление большинства членов Государственного совета, закон был одобрен императором; однако его исполнение граф вынужден был оставить другим. Этой реформой он собирался вернуть дворянству часть влияния, отнятого указом от 19 февраля 1861 года; одновременно он стремился позволить дворянам, материально пострадавшим

от освобождения крестьян, сохранить оставшиеся земли. Император последовательно поддерживал своего министра и после его смерти продолжил действовать в том же ключе. Несколько месяцев назад он передал основанному графом Толстым Дворянскому банку еще сотню миллионов рублей. Деньги, которые задолжавшие помещики смогут получить в этом банке, вероятно, уйдут туда же, куда и средства, полученные ими от выкупа крестьян. Что касается участия дворянства в самоуправлении, то уже сейчас, когда реформа Толстого проводится в шести губерниях, становится очевидным отсутствие подходящих кандидатов дворян на должности предводителей.

Характерное для правления Александра III стремление усилить русское дворянство я хочу противопоставить той войне на уничтожение, которая ведется против дворян, муниципалитетов и пасторов — короче говоря, против образованных сословий — в балтийских провинциях. Хорошо известны все злодеяния, совершенные там против церкви, школы, языка, зарекомендовавших себя учреждений суда и самоуправления. Однако составить представление о хаосе, созданном этими мерами, может только тот, кто послушает людей, вернувшихся со свежими впечатлениями из балтийских провинций. Школы, где учителя и ученики не понимают друг друга, собрания городских советов, где следует говорить и писать по-русски несмотря на то, что лишь немногие их члены на это способны, судебные заседания, где судьи не могут объясняться ни с обвиняемыми, ни со свидетелями, общины без священников, некрещеные дети, наплыв дурных личностей на должности, которые умелые управленцы покидают из-за незнания русского языка, и еще много подобного. «Это волна, которую мы должны перетерпеть», — сказал мне граф Константин Пален, который, устав от происходящего, последние два года живет в своем имении. Я спросил, не окажется ли слишком многое безвозвратно смыто этой волной. Граф ответил: «Песок исчезнет, скала устоит».

Эта теория «проносящейся волны» встречается мне в различных местах не только по поводу русификации балтийских земель, но и касательно всего режима в целом. Я склонен поддержать ее в том смысле, что не верю в большую продолжительность нынешних религиозно-национальных эксцессов. Когда старое и могущественное учреждение — неважно, духовное или светское — видит угрозу своей жизненной основе, оно собирает все оставшиеся силы, чтобы нанести удар теснящим его молодым движениям. Такую атаку языческий мир предпринял против христианства при Юлиане; с более серьезным успехом подобное устроила католическая церковь при Фердинанде II и после него. Итог провозглашения Пием IX непорочного зачатия и папской непогрешимости еще неизвестен. Распространившееся по всей Европе раздувание национальных чувств есть подобного рода атака против уравнительного воздействия пара и электричества, угрожающего государственному индивидуализму. Возможно, решительная борьба господина Победоносцева есть не более чем последняя отчаянная атака на религиозные, интеллектуальные и материальные силы, которые изнутри и извне грозят ослабить все православно-русское.

Во время недавно состоявшейся беседы господин Победоносцев среди прочего сказал мне: «Невероятные вещи приписывают мне, с которыми я не имею ничего общего; но в молодости я читал Сенеку и Эпиктета и равнодушен к мнению людей». Я ответил: «Вас обвиняют, поскольку считают всемогущим, да Вы и вправду являетесь человеком, придавшим характер нынешнему правлению». Я напомнил ему о нескольких его решающих действиях, и это вернуло наш разговор к началу царствования. «Вы правы, — заявил господин Победоносцев, — говоря о том, что я один, поддержанный лишь старым графом Строгановым, не допустил, чтобы император сразу после вступления на престол подписал уже одобренные его отцом уступки». Тогда я спросил, почему же ни один человек, ни одна

корпорация, ни одна газета не озвучивает пожелания конституционных реформ. Этот действительно примечательный успех прокурор Синода объясняет решительностью, с которой в составленном им манифесте 29 апреля 1881 года был провозглашен принцип самодержавия, и твердостью, с которой Его Величество придерживается этого принципа. В частности, император призвал графа Толстого, чей общеизвестно непоколебимый характер устранил любые сомнения в крепости царской воли и любые надежды на уступки. Однако огромное влияние, которое господин Победоносцев оказывал на жизнь нынешней России, начинает уменьшаться. Его власть пока не испытала существенного потрясения, но вера в нее слабеет, а это уже немало. Один чиновник железнодорожного ведомства сказал мне недавно: «Раньше при обсуждении каждого предложения мы спрашивали себя: что скажет Константин Петрович? Теперь этого больше не нужно делать».

12 марта. Я пришел к господину Гирсу, чтобы поговорить о Болгарии и неприятном вопросе нового консульства в Вильне. Без каких-либо поводов он начал заверять меня в том, что его император теперь так доверяет моему, что даже отставка князя Бисмарка не вызовет изменений.

17 марта. Кризис в Берлине. У Гирса, сообщившего мне, что, согласно донесению Шувалова, князь Бисмарк сказал послу: император Вильгельм выгоняет его не из-за внутривластных разногласий, а из-за его пророссийской политики¹; императору сообщили, что канцлер скрывает от него донесения о новых российских военных мероприятиях. Министр сказал также, что продление нашего тайного договора практически согласовано в Берлине.

¹ Разногласия между Вильгельмом II и Бисмарком по вопросу внешней политики действительно существовали, но не играли при отставке канцлера решающей роли. В дальнейшем Бисмарк будет позиционировать себя как поборника добрых отношений с Россией, испорченных его преемниками.

18 марта. Газеты сообщают о падении Бисмарка. В четыре часа ко мне прибыл господин Гирс — он был очень возбужден и рад застать меня дома. Он только что докладывал императору в Аничковом дворце; Шувалов ночью отправил телеграмму об отставке обоих Бисмарков, отца и сына. И царь, и Гирс, похоже, понимают, кого они теряют в лице Бисмарка; чего только ни смогли бы они достичь при его помощи или как минимум согласии! Император Александр через Гирса передал мне просьбу прийти к нему в 11 часов утра.

19 марта. В 11 часов в Аничковом дворце; царь беседовал со мной сорок минут. Серьезным тоном он повторил мне утверждение Бисмарка о том, что отставка вызвана не внутренними причинами, а русофильской политикой. Царь полагает, что победило влияние Вальдерзее, который хочет войны и, вероятно, станет преемником Бисмарка. Я поставил это под сомнение и сказал: Вальдерзее должен понимать, что не справится с задачами ни в парламенте, ни в управлении, ни во внешней политике. Император Александр все время возвращался к фигуре Вальдерзее, и я среди прочего сказал: мой молодой господин мог допустить некоторые ошибки, но у него есть прекрасное качество — он умеет выбирать людей и по сей день назначал на высокие должности только умелых и праведных кандидатов; мы можем надеяться, что и теперь Господь не даст ему ошибиться. Царь поручил мне сообщить императору о своей уверенности в том, что отставка Бисмарка не повлечет за собой никаких изменений ни в политических, ни в личных отношениях. [...]

У меня было неприятное ощущение; я знал, что в ближайшем окружении канцлера присутствовали люди, не одобрявшие его дружественной к России политики; вместе с теми, кто рассказывает императору всякие байки, они оказывали влияние на нашего монарха и внушали ему недоверие. Если князь действительно отправлен в отставку из-за отношений с Россией, положение становится

серьезным. Готовый ко всему, я прибыл в Берлин в пятницу **21 марта** в шесть часов утра.

На вокзале меня встретил майор Вильом и сообщил, что канцлером назначен генерал Каприви², а граф Вальдерзее едет в отпуск на Ривьеру после того, как император резко раскритиковал его публично. Около часа дня я пришел к графу Шувалову. «Добрый ангел привел Вас ко мне», — заявил посол, а затем с радостным возбуждением рассказал следующую историю. Поздним вечером 19-го (вернее, 20-го), когда он уже спал, в посольство пришел жандарм с письмом от дежурного флигель-адъютанта, пригласившего графа к императору; явиться следовало утром, без четверти девять, в униформе. Весь дом был поставлен на уши, в первую очередь сам граф, который, разбуженный от крепкого сна, уже полагал, что в Петербурге случилось нечто ужасное. Поэтому он был очень рад услышать от императора о причине несколько необычного вызова: граф Бисмарк накануне вечером написал, что посол, узнав об отставке канцлера и сына, заявил, что при таких обстоятельствах не будет продолжать переговоры о продлении тайного договора. Не знаю, было ли это правдой; точно известно, что граф Шувалов и граф Герберт вели беседу за стаканчиком пива, и посол много говорил о том, как сложно вести с новыми людьми переговоры по такому важному и секретному вопросу. Император, очень взволнованный письмом графа Герберта, немедленно начал действовать, вызвав к себе посла и самым откровенным образом заявив, что готов подписать договор немедленно. Кроме того, он сказал еще много всякого, и кое-что граф пересказал мне при условии соблюдения строжайшей секретности: «Можно быть послом и при этом оставаться благород-

² Лео фон Каприви (1831–1899) — германский военный и политический деятель. В 1883–1888 годах возглавлял германское Адмиралтейство, затем командовал 10-м армейским корпусом. В 1890–1894 годах являлся имперским канцлером.

ным человеком», — сказал граф и взял с меня честное слово никому ни о чем не говорить.

Поскольку встреча с графом Гербертом должна была состояться позднее, я отправился к графу Берхему, где очень кстати встретил господина фон Радовица. Я побеседовал сначала с ними обоими, потом с каждым поодиночке, а потом пошел к графу Герберту. Он только что вернулся с завтрака в родительском доме, был несколько возбужден и держал в руках бумагу. «Прошу меня извинить, — сказал он после приветствия, — я должен сказать еще словечко одному чиновнику». Он позвонил и приказал вошедшему слуге: «Позовите тайного советника Якоби! Это наше доверенное лицо для изготовления важных копий, — добавил граф, повернувшись ко мне. — Он должен переписать мое прошение об отставке». При этом граф кивнул на бумагу, которую держал в немного дрожавшей руке. Я попытался отговорить статс-секретаря от его намерения, но безуспешно; слуга вернулся и сказал, что тайный советник Якоби уже ушел со службы. «Считайте это велением судьбы, — сказал я, — не подавайте в отставку». Граф ответил отрицательно, позвал другого чиновника и приказал ему подготовить документ: без четверти четыре бумага должна лежать на подписи. «Подождите хотя бы до обеда, на котором Вы увидите императора!» — попросил я. Но Герберт остался тверд.

Обещание, данное графу Шувалову, не позволило мне рассказать Герберту Бисмарку, что случилось между императором и послом. Однако я сообщил ему то, что сказал мне царь 19-го, и попросил его задать отцу вопрос: не хочет ли он еще до того, как я увижу императора Вильгельма, рассказать мне, насколько обоснованными являются донесения Шувалова, из-за которых император Александр опасается изменений в наших отношениях с Россией? Не успел я вернуться в гостиницу, как прибежал гонец и позвал меня к князю. Тот плохо чувствовал себя, но сохранял внешнее спокойствие; мои сообщения были ему

неприятны. Он долго говорил о донесениях Раффауфа³ и так четко объяснил мне, почему упрек в их сокрытии от императора совершенно несправедлив, что я начал опять сомневаться в своей картине произошедшего. Собственно-ручные пометки, сделанные императором на донесениях, показывают, что он был ими сильно взволнован. Кто же использовал столь мелкий повод, чтобы разозлить монарха до такой степени, что он приказал принять «контрмеры» против России и написать в Вену, а на князя обрушиться с упреками? «Кого здесь обманывают?» — спрашивал я себя, когда глубоко взволнованный покинул князя, чтобы идти во дворец на парадный обед в честь принца Уэльского и кавалеров ордена Черного орла.

После обеда у меня был долгий разговор с графом Гербертом, по поручению отца выразившим мне благодарность за мою службу, в особенности за то, что я сделал в 1866 году в Петербурге. Мне было приятно слышать, что великий государственный муж в эти тяжелые часы с благодарностью вспомнил обо мне и метко назвал тот самый момент, ставший, вероятно, важнейшим в моей дипломатической карьере⁴. Затем граф Эйленбург вывел меня вперед, и со мной побеседовали сперва императрица, затем монарх. В разгар приема он удостоил меня почти пятнадцатиминутной беседы, описав причины, побудившие его расстаться с князем. «Я много страдал в эти дни, — сказал он, — у меня были бессонные ночи, появились седые волосы; дальше так действительно не могло продолжаться». Император упомянул донесение из Петербурга, якобы от-

³ Германский консул в Киеве, сообщавший о концентрации русских войск на австро-венгерской границе; именно в сокрытии его донесения Вильгельм II обвинил Бисмарка перед тем, как отправить последнего в отставку.

⁴ Находясь на посту прусского военного уполномоченного при российском императоре, Швейниц в 1866 году активно удерживал Александра II от вмешательства в Немецкую войну. См. *Швейниц Л. фон*. Указ. соч.

правленное (хотя и не подписанное) мной; в нем утверждалось, что при российском дворе о нем говорят с пренебрежением, считают безумным и тому подобное. Я ответил, что подобный документ не проходил через мои руки, однако я займусь выяснением того, каким образом подобные вещи оказываются представлены Его Величеству как исходящие от меня. Позднее я узнал, что донесение исходило от подчиненного агента; однако я не понимаю, с какой целью князь Бисмарк в критический момент представил столь жалкую поделку императору, который так чувствителен ко всему, что о нем говорят⁵.

25 марта вечером я встретил в гостинице нескольких господ, только что вернувшихся с придворного концерта, в том числе графа Августа Дёнхоффа и графа Альвенслебен-Гаттерслебен. От них я узнал, что преемником Герберта назначен граф Альвенслебен-Эркслебен⁶, который уже прибыл. В 10 часов утра **26 марта** я отправился во дворец покойного императора Вильгельма, чтобы повидать великого герцога и великую герцогиню Баденских. Я провел здесь довольно много времени; к нам присоединилась вдова императора Фридриха; великий герцог рассказывал интересные вещи о военных делах. С двух до четырех я был у графа Бисмарка; на протяжении трех четвертей часа мы пытались убедить графа Альвенслебена принять пост статс-секретаря. Несмотря на все призывы Герберта к его патриотизму и долгу прусского дворянина, Альвенслебен остался непоколебим и заявил, что у него нет ни физических сил, ни необходимых способностей. К восьми часам вечера я был приглашен на чай к императорской чете

5 Упомянутый эпизод произошел в последние дни перед отставкой Бисмарка; возможно, «железный канцлер» пытался продемонстрировать молодому императору, что тот заблуждается относительно своих дипломатических успехов.

6 Фридрих Иоганн, граф фон Альвенслебен (1836–1913) — германский дипломат. В 1888–1901 годах занимал пост посланника в Бельгии, в 1901–1905 годах — посла в России.

вместе с генералом Каприви и наместником принцем Гогенлоэ. Отпуская нас, император попрощался со мной, но я ответил, что прошу еще ответа на сообщение, которое я передал по поручению императора Александра. Монарх в связи с этим вызвал нас с канцлером на без четверти час следующего дня.

27 марта в половине одиннадцатого утра я был у Каприви. Он прилежно стремится войти в курс дела, вероятно, прочитав в том числе множество моих старых донесений. Скромно, честно и серьезно генерал сказал мне, что самая большая из его нынешних проблем — вопрос о продлении договора с Россией, поскольку он неспособен подобно князю Бисмарку, как говорил про одного император Вильгельм I, выступать в роли жонглера с пятью стеклянными шарами; ему под силу удержать лишь два одновременно. Сказав это, он показал мне тайный договор с Румынией; я знал о его существовании, но содержание было мне неизвестно. Я не мог не видеть, что обязательства, которые мы взяли на себя по отношению к королю Карлу, несовместимы с положениями русского договора. Я понял, что в изменившихся условиях весьма опасно продолжать столь нестабильную политику, как та, при помощи которой Бисмарк устранял все мины в отношениях с Россией. Я уже давно придерживался мнения, что договор выгоднее русским, чем нам, и что в особенности дополнительный протокол (так называемое «двойное дно») плохо продуман и сформулирован, и его следует удалить, поскольку он без всяких взаимных уступок передает России ценнейший объект переговоров — Проливы. Я сказал, что столь ценные вещи мы должны продавать по частям в зависимости от ситуации. Если бы Бисмарк оставался у руля, я бы выступал за продление договора без протокола. После короткой серьезной беседы, к которой позднее пригласили присоединиться графа Берхема, я заявил канцлеру, что не буду возражать, если он предложит императору не продлевать договор, однако если Его Величество настаивает на

продлении, попрошу отказаться от дополнительного протокола. Я также сказал, что не знаю, давал ли император российскому послу какие-либо обещания (данное графу Шувалову слово не позволяло мне высказаться яснее).

Затем мы оба отправились к императору, сели за зеленый стол, и Каприви сделал короткий и исчерпывающий доклад, в котором объяснил, что не может увязать друг с другом различные тайные соглашения и поэтому предлагает не продлевать договор с Россией — в первую очередь для того, чтобы избежать опасности, которую может создать для нас его публикация. Если он случайно или злонамеренно окажется доведен до сведения венского кабинета, последний отстранится от нас. Император молча выслушал все это и задал вопрос: «Что же скажет по данному поводу посол?» Я ответил, что присоединяюсь к аргументам канцлера, в первую очередь из-за румынского договора, о содержании коего узнал только сегодняшним утром; я готов взять на себя задачу смягчить недоверие, которое может возникнуть в Петербурге из-за неожиданного прекращения переговоров. Я сказал, что царь именно сейчас полностью доверяет императору Вильгельму и, ввиду цельности его характера, нынешний инцидент не подорвет это доверие; я считаю, что все уладится, при условии, что меня будут поддерживать из Берлина; в Петербурге есть люди, которые пытаются разжигать и натравливать («Здесь тоже», — вставил император), и им нельзя давать поводов. В результате вопрос был решен. Я еще попросил полномочия, необходимые для того, чтобы дать царю подходящий ответ на его заверения в полном доверии, переданные со мной.

28 марта я навестил графа Шувалова. Мне было очень неприятно услышать, что он по телеграфу передал информацию о согласии нашего монарха; это вызвало в Петербурге большое удовлетворение, и там охотно согласились на наше предложение вести переговоры через меня. Я мог бы оставить графу его иллюзии и сорвать переговоры уже

в Петербурге, но это показалось мне недостойным. Поэтому я прямо сказал, что у нас во главе правительства стоят новые люди, которые не хотят сразу же после вступления в должность без всякой подготовки принимать столь важное решение. Граф был ошеломлен — по всей видимости, он решил, что здешнее правительство его дезавуировало и заставило опростоволоситься перед его собственным. Я заверил, что дело обстоит совершенно не так, и признал, что он имел все основания называть заключение договора практически свершившимся фактом. «Но Вы забываете, — сказал я, — сколь неизмеримо масштабные события произошли здесь с момента Вашего разговора с Его Величеством. Вы не отдадите себе отчета в том, что здесь произошла не смена министра, а тектоническое потрясение, и мы должны радоваться, что наши отношения неизменны, пусть даже не оформлены желанным образом». Посол был по праву очень возмущен. Он сказал: «Мне телеграфируют с просьбой позаботиться о том, чтобы Вы прибыли в Петербург с полномочиями для заключения договора, а теперь все заканчивается ничем; интересно, не пришло ли время мне выйти из игры?» Я постарался успокоить его и посоветовал мягко сообщить господину Гирсу, что новые государственные мужи колеблются.

После того как граф Шувалов освободил меня от обещания сохранять в тайне его разговор с императором Вильгельмом, я пошел прямо к генералу Каприви. Канцлер быстро принял решение просить об аудиенции, чтобы сообщить мне вердикт Его Величества еще до моего отъезда. **29 марта** у меня состоялся плодотворный разговор с графом Берхемом. Затем я узнал от Каприви мнение императора: оставить все так, как мы порешили. Канцлер поблагодарил меня за поддержку, и мы расстались друзьями. Затем я еще раз отправился к графу Шувалову, который уже несколько успокоился. Я убедил его воспринимать положение как удовлетворительное ввиду больших потрясений и не возвращаться к истории с договором.

После короткого визита к новому статс-секретарю господин фон Маршаллу⁷ я отправился на Вильгельмштрассе, где собралась толпа народу, провожавшая князя Бисмарка и его семейство⁸.

3 апреля царь принял меня на частной аудиенции. Он был очень любезен, без всякого недоверия, и ни единым словом не упомянул столь внезапно опочивший договор. Он откровенно говорил о происходившем в Берлине и среди прочего рассказал о приеме у графа Шувалова, на котором император Вильгельм сообщил послу, что совершенно неверно называть пророссийскую линию политикой Бисмарка; это политика его деда и его собственная. Монарх весьма пренебрежительно говорил о нашем Тройственном союзе, который наверняка скоро распадется, поскольку возлагает на наших союзников, в особенности Италию, слишком тяжкие для них обязательства. Но это, по его словам, не имеет никакого значения: если Россия и Германия будут твердо держаться вместе, всем другим останется лишь спокойно наблюдать. Император продолжил: «Австрия продолжает делать свои мелкие пакости, но и это ничего не значит, если мы будем едины». Он спросил о генерале Каприви — не является ли тот сторонником

⁷ Адольф Маршалл фон Биберштейн (1842–1912) — германский политик и государственный деятель. В 1883–1890 годах возглавлял представительство великого герцога Баденского в Берлине. В 1890–1897 годах являлся статс-секретарем германского внешнеполитического ведомства. Лишенный всякого дипломатического опыта, Маршалл был явно неспособен полноценно выполнять свои обязанности, и фактическое руководство внешней политикой осуществлял «серый кардинал» Фридрих фон Гольштейн.

⁸ В последних числах марта Швейниц вернулся в Петербург. 1 апреля он сообщил Гирсу об отказе германской стороны от продления «Договора перестраховки», что вызвало у российского министра весьма негативную реакцию. Александр III, которому Гирс в тот же день сделал доклад, воспринял новость спокойно.

войны, как граф Вальдерзее? Я ответил, что Каприви — превосходный генерал, который в любой войне сыграет выдающуюся роль, однако посоветует взяться за оружие только по необходимости, но не из-за склонности к боям или предвзятости к кому-либо. «Ну, — сказал царь, — если он сперва четырежды подумает, все будет хорошо». Монарх также заговорил о социальной политике императора Вильгельма и выразил опасения, что она может вызвать у рабочих большие и неисполнимые ожидания. Однако, добавил он, «то, что вы делаете у себя, нас не касается». Аудиенция длилась полчаса и прошла очень хорошо. Во второй половине дня ко мне пришел господин Гирс, и у нас состоялся долгий дружеский разговор, на чем, как я надеюсь, очень деликатная и сложная история отказа от договора будет завершена.

28 апреля, охотничий домик в Борках, после охоты. Впечатление, произведенное новостью о падении князя Бисмарка, оказалось на периферии сильнее, чем в центре. В Нью-Йорке, Париже, Вене и Петербурге удивились больше, чем в Берлине. Как молния, на мгновение ярко освещающая то, что она уничтожает, отставка Бисмарка внезапно продемонстрировала российским политикам, чего они смогли бы достичь с его помощью и при его участии. Не только в правительственных кругах, но и в обществе было известно, что князь совершенно не станет возражать, если Россия протянет руку к «ключу от своего дома». Однако ему не доверяли, не хватало твердой воли и мужества для смелого рывка. Теперь они в один миг поняли: момент для присоединения Проливов упущен, а власть уже не находится в руках человека, который никогда бы не допустил без веской причины начала агрессивной войны против России. Современная историческая наука — от Буша и Пошингера до Зибеля — породила настолько обширные и подробные труды, что и русские узнали всю карьеру нашего великого государственного мужа в ее связи с Россией, причем с самого начала: общение господина Бисмарка

с русским посланником бароном Будбергом перед Ольмюцем, его деятельность во Франкфурте во время Крымской войны, его гениальное и рискованное вмешательство в дела польского восстания, и так далее, вплоть до безоглядных, почти жестких действий против принца Александра Баттенберга. Рассудительные русские сделали из этого очевидный вывод: князь Бисмарк, который мог осуществить великие национальные свершения 1864, 1866 и 1870 годов, только опираясь на спокойствие России, оставался убежден, что дружба с царем столь же благотворна для дальнейшего существования его детища, сколь она была для его появления на свет.

У новой Германской империи много противников. Некоторые из них могут вступить в союз с Россией против нас с известными, губительными для них самих последствиями. У Германии есть и опасные недоброжелатели, которые являются одновременно непримиримыми врагами России; эти общие противники живут в Ватикане и на тысячекилометровой российско-прусской границе. При помощи никогда не воплотившейся в жизнь и тем не менее весьма успешной конвенции Альвенслебена 1863 года⁹ господин Бисмарк в самом начале своего правления продемонстрировал, что он думает об отношениях двух католических держав, разделивших Польшу, и до самого конца оставался верен своей концепции. Об этом свидетельствует предпринятая в последние годы массовая высылка российских и галицийских поляков из наших восточных провинций, произведенная, к сожалению, с большой жестокостью. Эти и некоторые другие предоставленные князем доказательства решительного отвращения к германо-русской войне привели к тому, что в последнее время здесь пребывали в блаженном ощущении безопасности,

⁹ Российско-прусское соглашение, заключенное во время восстания 1863 года в Царстве Польском о совместной борьбе с восставшими.

от которого теперь пришлось довольно резко пробудиться. Здесь видят себя внезапно изолированными в Европе лицом к лицу с новой, не менее мощной, зато менее предсказуемой и полностью боеготовой силой. Это пробуждает целительный страх, который может быть полезным, пока к нему не добавляется недоверие. Страх может сочетаться с доверием, без последнего он приведет к тому, что рано или поздно безопасность начнут искать у других¹⁰.

Чтобы понять впечатление, произведенное известием о падении князя Бисмарка в Аничковом дворце в середине марта 1890 года, нужно задаться вопросом о том, какое воздействие эта новость произвела бы в России весной 1888 года, если бы канцлеру пришлось уйти в отставку из-за Баттенберга. На основании собственных впечатлений могу заверить, что при дворе, в обществе и широкой публике радость от отставки князя Бисмарка была бы столь велика, что на свадьбу Баттенберга не обратили бы внимание. Почему же теперь оплакивают событие, которое вызвало бы ликование два года назад? Мой ответ: поскольку тогда отставка канцлера ослабила бы Германию, а сегодня в Петербурге видят прямо противоположное. Когда царь вскоре после получения новостей вызвал меня к себе, он отдал должное великому государственному мужу, заявив, что князь Бисмарк иногда причинял России ощутимую боль, однако теперь здесь правильно понимают суть его деятельности на Берлинском конгрессе. Император сказал, что во время последней беседы в Берлине он полностью уверился в том, что у князя нет никаких враждебных намерений. По желанию царя руководству прессой было дано указание позаботиться о том, чтобы газеты не слишком рьяно поддерживали князя Бисмарка. Князь доставил русским некоторые неприятности: он создал про-

¹⁰ В действительности уже вскоре после отказа германской стороны от «Договора перестраховки» Александр III взял курс на сближение с Францией.

тив них Тройственный союз, пытался обрушить курс их бумаг и рубля, сильно задел их своими раздражающими мерами, например, во время мнимой чумы в Ветлянке¹¹. Однако они предпочли бы, чтобы он остался на своем посту; они знали, что он не хочет войны и по политическим соображениям останется глух к жалобам балтийских немцев, лютеран и колонистов. Многие, вероятно, были благодарны ему еще и за то, что своей «лигой мира» он защищал их от собственных панславистских и шовинистических соблазнительей.

В заключение мне остается только ответить на вопрос, с которого, вероятно, начиналось бы донесение из любой другой столицы, а именно: какое впечатление произвела смена канцлера на российского министра иностранных дел, усилится или ослабнет в результате его положение? Первую реакцию господина Гирса, когда он узнал большую новость, лучше всего описать как то самое «уф!», которое, как однажды сказал Наполеон I своим маршалам, должно вырваться у них, если он умрет на вершине своего могущества. Российский министр был готов многое вытерпеть от князя, но граф временами обижал его. Когда в 1888 году ожидали отставки канцлера, господин Гирс сказал: «Я надеюсь, что ничего не изменится, кроме тональности». Это и теперь является его надеждой; однако вскоре он уже не мог избавиться от ощущения, что изменился не только тон. Министр несколько раз сказал мне: «Император все же сожалеет об отставке князя Бисмарка». Однако как у него самого, так и у его повелителя есть искреннее желание сохранять хорошие отношения и по

¹¹ В начале 1879 года по личному указанию Бисмарка был введен карантинный запрет на импорт скота из России под предлогом эпидемии. Эта мера была направлена на временное ухудшение двусторонних отношений в преддверии заключения австро-германского союза. См. *Швейниц Л. фон*. Указ. соч.

возможности даже улучшить их¹²; присутствует и понимание, что в результате последних событий укрепилась власть монарха. Тем не менее князь Бисмарк был надежной опорой господина Гирса как за рубежом, в особенности в Вене, так и в России; пока что позиция российского министра не пострадает, поскольку она зависит исключительно и только от императора, и это должны учитывать иностранные дипломаты, для которых альфой и омегой должно являться правильное обращение с царем.

14 июня. Берлин. В первой половине дня я навестил графа Шувалова. В три часа меня принял генерал Каприви.

15 июня. В 11 часов меня принял статс-секретарь господин фон Маршалл. Наша беседа была деловой, вежливой и холодной. В полдень я отправился в Новый дворец. Вечером пришел граф Берхем, с которым я долго беседовал; он обижен назначением Маршалла и в плохих отношениях с господами Гольштейном и Кидерленом¹³, которых называет и моими злейшими врагами.

17 июня. Визит к графу Шувалову; у нас состоялся довольно дружеский, но очень неприятный разговор. Посол среди прочего сказал: «В Петербурге дело воспринимают легко, но я не могу забыть, что мне сказали одно, а сделали другое». Господин Гирс написал ему, что он может еще

¹² В мае Гирс предпринял еще одну попытку возобновить соглашение с Германией, отказавшись от ряда выгодных России положений. Швейниц в своих донесениях рекомендовал не отталкивать протянутую руку и заключить «что-нибудь письменное» о нейтралитете, что не противоречило бы другим обязательствам Германии. В противном случае, утверждал посол, Россия пойдет на сближение с Францией. В Берлине, однако, был дан отрицательный ответ.

¹³ Альфред фон Кидерлен-Вехтер (1852–1912) — германский дипломат, в 1888–1894 годах работал руководителем отдела в центральном аппарате внешнеполитического ведомства. В дальнейшем, в 1908–1912 годах, возглавлял это ведомство.

раз поднять вопрос обмена письменными гарантиями, но у него нет никакого желания делать это, и я посоветовал ему ничего не предпринимать. Он проводил меня до гостиницы; в час дня я отправился в Потсдам. Мы сели вместе с канцлером и статс-секретарем в отдельном купе и подробно обсудили Болгарию и Проливы.

В середине июля я вернулся в Петербург. Мне предстояло обсудить с господином Гирсом подробности предстоящего императорского визита; о политике речи не шло. Министр не возвращался к прерванным переговорам, и главная тема дня — назначение указом султана двух болгарских епископов в Македонии — была затронута лишь вскользь. Она имеет определенное значение, поскольку означает триумф Стамбулова¹⁴, и нет сомнений, что мы косвенно способствовали этому успеху, то есть впервые отошли от курса, который был предначертан нам князем Бисмарком в вопросе российско-болгарских отношений. В конце июля я провел два дня в Финляндии у господина Гирса. В этой ситуации избежать бесед о политике было невозможно. Министр сказал мне, что, согласно воле своего монарха, должен поговорить с генералом Каприви о Болгарии и Проливах; о нашем отказе от продления договора не упоминалось ни единым словом. Я отметил, что новый канцлер, несомненно, останется верен разделявшейся нами российской позиции, согласно которой ситуация в Болгарии ненормальна, а в вопросе Проливов поддерживает признанную нами интерпретацию соглашений 1856 и 1871 годов, представленную графом Шуваловым на Берлинском конгрессе. Вопрос болгарских епископов был снят с повестки дня; господин Гирс намекнул, что прекрасно знает о нашей поддержке болгарских пожеланий в Порте.

¹⁴ Стефан Стамбулов (1854–1895) — болгарский политик либеральных взглядов, в 1888–1894 годах возглавлял правительство Болгарии.

Начались спокойные и монотонные дни в опустевшем городе. Два дня в Красном Селе привнесли некоторое разнообразие. Я отправился туда **8 августа**. Согласно многолетней традиции, мы объехали лагерь, пили чай в палатке императора и присутствовали на торжественной церемонии. **9-го** состоялся большой парад; великий герцог Гессенский стоял справа от императора, я слева. На завтраке в императорской палатке мы общались за хорошо известным маленьким столом, где собрались императорская чета, великий князь Владимир с супругой, великий герцог Гессенский с дочерью, оба великих князя в ранге фельдмаршалов и я. Беседа была очень веселой, царь много шутил и смеялся, в особенности общаясь с моей прекрасной соседкой Марией Павловной. Я отлично развлекался, но сразу же после завтрака вернулся в Петербург, несмотря на то, что планировал провести в лагере ночь и следующий день, когда должны были состояться скачки, на которые меня пригласили. Холодный прием, встреченный мной если не у императорской четы, то в придворных и военных кругах, убедил меня в необходимости изменить мой план — тем более что я заметил особые знаки внимания, оказанные неожиданно прибывшему французскому генералу Буадефру. Этот офицер, знакомый мне в прошлом, когда он несколько лет провел в Петербурге в роли друга и атташе генерала Шанзи, является теперь заместителем начальника генерального штаба под командованием генерала Мирибея. Его пригласили, похоже, по инициативе генерала Обручева, телеграммой вызвали из Южной Франции, где он находился в отпуске, и француз в величайшей спешке прибыл в лагерь за несколько минут до торжественной церемонии¹⁵.

¹⁵ Визит генерала Рауля де Буадефра (1839–1919) действительно имел большое политическое значение, став первым шагом на пути к сближению Петербурга и Парижа. Сам Буадефр являлся ревностным сторонником русско-французского сою-

20 августа я дал большой обед в честь графа Каприви¹⁶. Когда гости разошлись, я спросил господина Гирса, все ли в порядке? Имелось в виду, принято ли главное решение о пожаловании генералу Каприви ордена Святого Андрея. Выяснилось, что ничего пока не решено; у министра не было никаких сведений от царя. Я сказал, что нужно немедленно написать в Петергоф. Он последовал этому совету, отправил телеграмму, позвонил по телефону и следующим утром в 9:45 написал мне, что канцлер получит орден. В десять я отправился в Петергоф и беседовал сначала с генералом Каприви, а затем с императором Вильгельмом. Вторая беседа состоялась незадолго до шести часов вечера. Я напомнил монарху, что он еще до обеда, который начнется в половине седьмого, должен принять министра иностранных дел. «Ах, — ответил император, — от Гирса уже ничего не зависит, царь же все делает сам». Я возразил, что от Гирса, может быть, мало что зависит, но мы должны стремиться к тому, чтобы он сохранил свой пост, иначе его может занять другой. Ведь даже если царь считает, что все делает сам, это совершенно не исключает, что искусный министр незаметно для него создаст ситуацию, из которой он, несмотря на все свое миролюбие, не сможет выпутаться без войны. Господин Гирс был очень рад, что его аудиенция состоялась за четверть часа до обеда и ему не пришлось дважды надевать униформу. При таких обстоятельствах вполне естественно, что короткая встреча не имела никакого значения. Зато поведение нашего молодого монарха после трапезы, его долгие беседы с министром финансов Вышнеградским и другими министрами произвели заметное положительное впечатление на присутствующих. Незадолго до десяти часов вечера мы

за. Именно он в 1892 году подписал с французской стороны военную конвенцию с Российской империей.

¹⁶ 17 августа император Вильгельм II прибыл с визитом в Россию.

отправились через ярко освещенный парк в гавань, где император распрощался с нами.

22 августа, на следующий день, я подробно обсудил с господином Гирсом успешный визит. Мы сравнили наши мысли и впечатления, констатировали их полное совпадение и были довольны результатом, заключавшимся в том, что личные отношения двух монархов стали еще лучше, их взаимное доверие укрепилось и они придерживаются одинаковых взглядов на общие династические интересы. Однако выраженное царем желание видеть реставрацию Орлеанской династии во Франции осталось без возражений с нашей стороны. Господин Гирс сказал, что сообщит поверенному в делах в Берлине содержание переговоров, чтобы зафиксировать результат бесед с канцлером. Я написал об этом своему правительству, чтобы подготовить его к тому, что здесь таким образом попытаются заполучить от нас какой-нибудь письменный документ. Соответствующие требования графа Муравьева были затем подчеркнута дезавуированы министром. [...]

28 ноября я отпраздновал свой пятидесятилетний юбилей¹⁷. За этим последовало спокойное, весьма приятное время. Наша общественная жизнь была скромной, мы мало выходили в свет, дали несколько обедов. [...]

¹⁷ Имеется в виду юбилей службы.

1891 ГОД

27 января, в день рождения императора Вильгельма II, я уже в десять часов утра готовился при полном параде и в окружении секретарей и всей прислуги встречать высоких гостей. Последних пришло не так много, как раньше; ни один из великих князей не появился. В час дня я отправился в Аничков дворец; меня провели не в салон, где собралась маленькая компания гостей, а в кабинет царя, который довольно дружелюбно поздравил моего повелителя и попросил меня сесть напротив за письменным столом. Началась беседа, в которой я вскоре нашел возможность упомянуть, что мой император с удовольствием вспоминает о своем визите в Нарву и Петергоф и о беседах с царем. Я сказал, что вопрос солидарности монархических интересов, относительно коего оба императора находились в полном согласии, за прошедшее с тех пор время приобрел еще большее значение благодаря событиям, в которых следует видеть серьезное предостережение всем, кто призван хранить существующий порядок. Строго придерживаясь данных мне инструкций, я указал на положение дел у латинских наций Западной Европы и подробно рассказал о позиции, которую занимает римская церковь в отношении республиканских движений. Следуя заданному царем направлению беседы, я остановился и на других опасностях, грозящих в некоторых государствах монархическим институтам, причем не только в результате дерзости республиканцев, но и по причине трусости и лени среднего

класса. Из всего сказанного я сделал вывод, что монархии должны сплотиться еще теснее; в ответ царь спросил, какое практическое воплощение это может иметь. Готовый к такому очевидному вопросу, я ответил, что не хочу делать точные предложения по конкретным случаям, однако считаю весьма целесообразным в интересах общего дела, если главы старых династий, доверяя друг другу и сознавая общую угрозу, будут делать все для борьбы с последней и избегать всего, что вызовет раздоры среди монархий и пойдет на пользу врагу.

После вопроса о том, как на практике могла бы выглядеть солидарность монархов, Его Величество сначала сделал несколько замечаний касательно Португалии¹, затем заговорил об Испании и Риме. Он хорошо информирован о далеко идущих действиях кардинала Лавижери². Далее царь перешел к Франции и сказал примерно следующее: «Самая большая опасность исходит от французской республики; она представляет огромную мощь, она богата, едина, восхитительным образом реорганизовала и сплотила свою армию. Республика — огромная мощь, ей завидуют другие народы. Князь Бисмарк допустил большую ошибку, не позволив восстановить монархию, когда на то были шансы. Династии в Португалии, Испании и Италии страдают от этого, но кто может им помочь? Англия уже по сути является республикой, королева — президентом. В итоге остаются лишь Россия и Германия, на Австрию рассчитывать не приходится».

Я в определенной степени согласился с критикой политики Бисмарка в эпоху Мак-Магона³, признав, что князь

¹ В Португалии в 1890–1891 годах разразился острый внутриполитический кризис, вызванный колониальным спором с Великобританией.

² Кардинал в 1890 году открыто выступил в пользу установления республики в Италии.

³ В 1870-е годы, когда во Франции существовала реальная возможность монархической реставрации, Бисмарк прила-

заблуждался, думая, что республика во Франции даст народам отрицательный пример, в то время как в реальности она стала примером соблазнительным. Его Величество был впечатлен этим, но не стал говорить о надеждах на реставрацию Орлеанской династии, которые питал еще несколько месяцев назад, до недавних ошибок графа Парижского и успехов республики. Когда царь сказал, что остались только Россия и Германия, я ответил: «Этого достаточно, если они будут держаться вместе». Однако затем я добавил то, что уже неоднократно говорил касательно незаменимости монархии Габсбургов. Император дал мне на это такой же ответ, какой я слышал от него уже часто, с тех пор как граф Кальноки, выступая перед Делегациями, в оскорбительной форме обрушился на мнимую оккупацию Болгарии, которую здесь в реальности никто не планировал. После этого Его Величество утверждает, что с Австрией не о чем договариваться. Когда речь зашла о точках соприкосновения республиканской и католической пропаганды, царь заговорил о больших сложностях, возникающих в России из-за того, что полячество и католицизм объединились. Его Величество выразился настолько ясно, что я не стал еще раз повторять: именно этот фактор нерасторжимо связывает обе некаатолические державы, участвовавшие в разделах Польши. Во время долгой беседы императрица с младшими детьми вошла в кабинет, чтобы позвать на завтрак. Но император попросил дать ему еще немного времени и после ухода Ее Величества продолжил разговор, а затем поручил мне сообщить моему монарху о своем согласии с его идеями.

19 февраля. Я получил ответ на мой отчет о разговоре с царем в день рождения нашего императора — с благодарностью и поручением написать, можно ли каким-либо

гал максимальные усилия, чтобы не допустить такого развития событий. Он считал, что французской монархии будет гораздо проще выйти из изоляции и найти себе союзников в Европе, чем республике.

образом использовать в монархическом ключе понимание императором Александром угрозы республиканской пропаганды, и если да, то каким образом. Я ответил: при попытке сделать нечто подобное наши действия должны определяться личными особенностями Александра III. По сегодняшний день российский император и его окружение заблуждаются, думая, что республиканская пропаганда и социал-демократическая революция угрожают лишь Европе за пределами России. Роль защитника тронов, так нравившаяся Николаю I, не привлекает его внука. Остается лишь наблюдать за дальнейшим развитием и питать ту озабоченность, которую продемонстрировал царь, говоря о процветании республики и зависти к ней других народов. Возможно, удастся использовать это мнение, явно выраженное в ходе беседы 27 января; как почти всякое убеждение Александра III, оно останется неизменным. Было бы хорошо, если бы инициатива действий в защиту монархических интересов исходила от другой державы. Существует лишь один трон, откуда мог бы раздаться подобный призыв к царю, и это единственный престол, потрясение которого вызовет здесь искреннее участие; я имею в виду датский.

21 февраля. Я написал большой доклад о бессмысленности любых попыток добиться в настоящий момент удовлетворительного торгового соглашения с Россией.

28 февраля. Из Парижа пришли плохие новости о неудачной поездке вдовы императора Фридриха⁴. Здесь по этому поводу большая радость.

25 марта. У господина Гирса; бесплодный разговор о прессе; я сказал, что он должен напомнить царю о на-

⁴ Императрица прибыла в Париж инкогнито, однако в германском внешнеполитическом ведомстве ее визит рассматривался как зондаж возможности разрядки в отношениях с Францией. Антигерманская кампания французской прессы показала, что такая возможность отсутствует.

шем недавнем обмене мнениями по поводу солидарности монархических интересов, с которым никак не сочетается поведение российских газет и в особенности называемого придворным журналом «Гражданина», постоянно оскорбляющих императора Вильгельма. Господин Гирс ответил, что уже говорил по этому поводу со своим монархом; тот ответил, что не замечал ничего подобного, и пусть Гирс обратится к министру внутренних дел.

28 марта. Утром я прочел в «Journal de St. Petersbourg», что президент Карно получил орден Святого Андрея. Это событие очень важно как само по себе, так и в силу момента, когда оно произошло. Царь придает ордену большое значение и неохотно жалует его иностранцам, не являющимся членами правящих домов. Последнее награждение этим орденом французского подданного состоялось еще при Александре II, который таким необычным образом отметил посла генерала Ле Фло. Вполне объяснимо, что Александр III хочет дать президенту Карно, в миролюбии которого убежден и которого лично уважает, знак своей благодарности за многочисленные услуги, оказанные французским правительством в вопросе ружей и пороха и во время пребывания юных великих князей во французских колониях. Однако выбор времени неудачен: Франция заносчиво отвергла примирительные жесты Германии. Долг господина Гирса — обратить внимание своего монарха, что французские шовинисты увидят в награждении президента свидетельство позитивного отношения России к проявленной ими неуступчивости. Некоторые даже могут счесть это признаком того, что российско-французские отношения, ставшие после отставки Бисмарка намного более близкими, теперь скреплены договором.

1 апреля. Телеграммой поздравил князя Бисмарка с его днем рождения. У Гирса, разговор о происходящем в Болгарии.

4 апреля. В Берлине планируется международная художественная выставка под патронажем вдовы императора

Фридриха. Высокопоставленная госпожа, чьи необычайные таланты слишком часто приводят к неприятным последствиям, которые люди менее одаренные не могут ни устроить, ни даже вообразить, создала нам серьезные проблемы своими парижскими визитами к тамошним мастерам искусств. Берлинские художники были близки к тому, чтобы организовать нечто подобное, предоставив особое место польской школе. Мне удалось не допустить этого и разумным образом устроить участие России в упомянутой выставке.

17 апреля. Из Берлина прибыл принц Альберт Саксен-Альтенбургский, который привез с собой инструкцию и письмо графа Пурталеса. В обоих текстах сквозят беспокойство, озабоченность и неуверенность. Пожалование ордена Святого Андрея господину Карно доказывает, что царь может сделать на пути сближения с Францией шаги, немыслимые для него год назад. Хотя отвращение Александра III к ужасам и тяготам войны остается прежним, эти события способны привести к далеко идущим последствиям. Распространенные и обоснованные сомнения в том, может ли император решиться на сотрудничество с республиканской Францией, теперь исчезли как там, так и здесь, и в остальной Европе. С последствиями мы часто и напрямую сталкиваемся уже сейчас; еще не ищут поводов для войны, но уже говорят другим языком, и прочие государства приспособливают свою позицию к явному сближению царя с республикой. После событий 19–22 марта прошлого года нас не должно удивлять, что Россия ищет большей близости с Францией, чем раньше. Она не просто имеет на это право, но буквально вынуждена это делать. Однако личное участие царя в демонстративном обмене любезностями вовсе не было необходимым; оно серьезно меняет ситуацию, хотя здесь охотно признают, что только с помощью обращения к отцовским чувствам императора удалось убедить его вручить награду президенту, оказавшему большое внимание его сыновьям.

Я не наблюдаю роста влияния панславизма. Напротив, рискну утверждать, что он отступает под натиском великорусской партии; это плохо для нас, поскольку панслависты смотрят на юг и юго-восток, великорусская партия — на запад. Панслависты жаждут славянских провинций Австро-Венгрии, панрусисты хотят унижить Германию; они верят, что в случае удачи автоматически получают все остальное. Систематическое развертывание российской армии на западе империи, насколько мне известно, не изменилось и не ускорилося. Нет оснований внушать нашему народу опасения скорой войны. Однако в своей военной и дипломатической деятельности важно учитывать, что гарантия, которую мы имели в лице самого царя, стала теперь менее надежной, чем в прошлом.

16 мая. Пришла инструкция, в которой мне сообщают, что из надежного парижского источника стало известно: в то самое время, когда произошел инцидент с вдовой императора Фридриха, французское правительство через господина де Лабуле задало в Петербурге вопрос, может ли оно рассчитывать на поддержку России. На него был получен отрицательный ответ, и это убедило французов в том, что царь не желает войны. Восемь дней назад то же самое рассказал мне граф Коста; однако других подтверждений этой информации я получить не смог. Тем не менее, по различным признакам можно сделать вывод, что господин де Лабуле получил от своего правительства задание еще до отъезда, который ему в связи с этим пришлось отложить. Если это задание заключалось в том, чтобы потребовать от царя взять на себя определенные обязательства, которые заставили бы монарха отказаться от свободы принимать решение о времени начала войны, то отказ не должен был особенно удивить посла. Когда в 1887 году Катков и его консорты предприняли попытку ангажировать царя в Париж, тот отвернулся от могущественного в те дни Каткова, прогнал генерала Богдановича со службы и предупредил Татищева и Сабурова. Хотя с тех пор сближение

с Францией продвигалось вперед большими шагами, а тамошнее правительство стало более стабильным, нелюбовь царя к войне и недоверие ко всему нерусскому остались неизменными. Он вполне доволен имеющейся у него полной свободой рук, как никогда ранее. Если французское правительство все же потребовало обещаний российской поддержки, то оно очень серьезно ошибается в оценке личности Александра III; французы могут рассчитывать на такую поддержку только в том случае, если искусной провокацией вызовут наше нападение.

22 мая. У Победоносцева; мы много говорили о еврейском вопросе. Мой собеседник придерживается верного мнения, что русский народ беспомощен, невежественен, подвержен пьянству и поэтому неспособен противостоять искушениям еврейских трактирщиков и спекулянтов, а значит, его надо защитить от евреев.

24 июня утром мы прибыли в Берлин. Я навестил Шувалова, подробно рассказавшего мне о ходе наших таможенных переговоров, а именно о наступившем в них затишье. Затем у меня состоялись беседы с младшим статс-секретарем Ротенханом, статс-секретарем Маршаллом, а с трех до четырех часов — с канцлером. В 7 часов я отправился в Новый дворец на ужин к Их Величествам.

30 июля. В Берлине — сначала дела, потом читал документы. С трех до четырех у генерала Каприви; он спокоен как всегда, возможно, даже излишне спокоен, поскольку я сомневаюсь, что те бесстрашие и отстраненность, с которыми он ждет кризиса, будут достаточными, чтобы справиться с проблемой. Возможно, все же необходимо временами наносить из занятой нами оборонительной позиции дипломатический контрудар или резкий выпад. Он ясно видит повсеместно сгущающиеся тучи, но всегда говорит: «Это мы не можем изменить, то мы не можем изменить, мы должны спокойно позволить событиям идти своей чередой». Генерал доволен визитом императора в Голландию и Англию; возможно, он несколько преувеличивает достиг-

нутый в Лондоне успех. Позицию итальянского министра маркиза Рудини он по праву считает превосходной. На Вену он тоже не жалуется, а значит, в главном вопросе все в порядке — Тройственный альянс здоров.

Начало августа, Санкт-Петербург. **1 августа** я вернулся и обнаружил, что все мои знакомые — как русские, так и дипломаты — находятся под сильным впечатлением от воодушевления, продемонстрированного народными массами во время парада французских кораблей на Неве и приема французских офицеров в городской ратуше. Спокойные и опытные послы заверяли меня, что ни в какой другой стране не видели столь страстного и одновременно наивно-сердечного массового выражения чувств⁵. Российское правительство поступило не слишком мудро, позволив и даже спровоцировав в угоду своему недовольству Тройственным союзом демонстрации, на которых массы учатся использовать свой вес. Хотя в данный момент от этого не стоит ожидать дурных последствий, не следует заблуждаться в том, что сегодня царь уже менее свободен в своих решениях касательно войны и мира, чем две недели назад. пожалование ордена Святого Андрея президенту Карно стало первым шагом, «Марсельеза» на придворном приеме в Петергофе — вторым, разжигание страстей толпы — третьим. Чем сильнее неистовствовали массы, тем яснее было видно, что им чуждо желание воевать. Газетам действительно удалось добиться того, что российский народ поверил в немецкую угрозу и считает, что дружба с французами обеспечивает ему безопасность. На внутреннее положение в России французский визит может оказать большее воздействие, чем на международные связи, если не принимать во внимание его непредсказуемое влияние

⁵ Французская эскадра нанесла визит в Петербург в конце июля 1891 года. По словам командовавшего ею адмирала Жерве, «выражение симпатий к Франции превзошло самые оптимистичные ожидания».

на «партию реванша». Этот визит не продемонстрировал миру ничего нового, а лишь добавил к множеству шумных свидетельств взаимной симпатии еще одно, самое громкое. Однако он позволил осознать свою силу народной массе и ее вожакам, толкающим страну к войне, чтобы свергнуть самодержавие. Эти впечатления французские гости увезут с собой на родину, где расскажут, что на решения царя можно при благоприятных для Франции обстоятельствах оказать сильное давление.

Только когда все завершилось, я увиделся с господином Гирсом. Министр чувствовал себя очень плохо и был изможден, но с большой откровенностью говорил об актуальных делах, в особенности о французском визите. В высказываниях министра я обнаружил подтверждение впечатлений, которые приобрел, общаясь с людьми из всех слоев петербургского общества. Здесь чувствовали себя не просто в изоляции, а в опасности, и ощущали необходимость противопоставить сенсационным событиям, включая продление Тройственного союза, не менее сенсационную манифестацию. В ходе дальнейшей беседы господин Гирс рассказал мне кое-что о своих беседах с адмиралом Жерве. Французский моряк сразу же заверил его, что перед ним не стоит политических задач и он лишь должен засвидетельствовать симпатии Франции к России и ее правителю. Позднее он выразил радость по поводу успеха состоявшегося визита и благодарность за оказанный прием; господин Гирс поддержал его, сказав: «Хорошо продемонстрировать, что у нас есть друзья»⁶.

11 августа вечером я отправился в Красное Село. Царь с императрицей, королева Греции и весь двор с молодыми великими княгинями и их детьми прибыли туда из Петергофа. У вокзала мы сели на лошадей. Путь через лаге-

⁶ Переговоры о военной конвенции начались непосредственно после визита французской эскадры.

ря занял у нас больше времени, чем обычно, поскольку мы ехали почти шагом. Когда я добрался до императорской палатки, меня попросили войти и занять место между императрицей и королевой эллинов. Царь был особенно приветлив, как и императрица, оба осведомились о здоровье нашей императорской четы, чего никогда не делали раньше. Остальные высокие особы также уделяли мне больше внимания, чем обычно. Из мелких, но в то же время характерных деталей оказанного мне приема я понял, что после республиканского эпизода здесь хотели продемонстрировать особое расположение к старому представителю идеи династической солидарности. Еще более явно я ощутил это во время парада на следующий день. Внешний вид войск был безупречен.

12 августа, письмо супруге. Полки с музыкой маршируют под моим окном на парадный плац, погода прекрасная. Сегодня я в шестнадцатый раз присутствую на этом военном спектакле, но теперь с совершенно новыми чувствами. Хотя «французское безумие» последних недель не стало для меня новостью, ко мне пришло болезненное осознание, что династическая политика — сплоченность монархов в борьбе с революцией — похоронена окончательно. Уже тридцать лет, с тех пор как я был военным атташе в Вене и вместо Турина направил кронпринца в Хофбург, я работал над союзом трех императоров; а теперь я скачу на парад с орденами Черного орла, Святого Штефана и Святого Андрея на груди и выгляжу живым анахронизмом. Моя тридцатилетняя политическая деятельность завершается крушением всех принципов, ради которых я работал. Я не раскаиваюсь в сделанном и не считаю, что старался зря, но в любом случае довольно печально заканчивать полным фиаско...

20 августа. У господина Гирса, который сообщил мне план своей поездки: он хочет обойти Вену стороной, побыть в Верхней Италии, затем в Висбадене и вернуться через Берлин.

22 августа. Господин Гирс рассказал мне, что происходило на министерском совещании, состоявшемся в Петергофе перед принятием царем решения о запрете вывоза ржи⁷. Министр внутренних дел Дурново зачитал донесения губернаторов провинций, затронутых неурожаем; Вышнеградский признал необходимость запрета; министр иностранных дел сказал, что эта мера ему очень неприятна, но против голода все средства хороши. «Я открою Вам тайну, — доверительно добавил Гирс, — люди начинают роптать».

28 августа, в Вене. В первой половине дня я отправился к принцу Рейссу и позавтракал с ним. С графом Кальноки у нас состоялся секретный и весьма откровенный часовой разговор. Позднее он забрал меня из гостиницы и повез в своем экипаже в Шёнбрунн. После трапезы мы долго беседовали, затем граф Кальноки отвез меня обратно в Вену. Мы обсудили целый ряд вопросов и в целом оказались согласны друг с другом. Он уговорил меня не уходить в отставку. [...]

11 октября я позавтракал с Их Величествами в Новом дворце. Вечером ужин у Шувалова; после трапезы долгая беседа с послом, во время которой вновь всплыли старые обиды марта 1890 года. К сожалению, его горечь вполне оправданная, потому что тогда с графом поступили дурно. Однако я все яснее вижу, что поступил правильно, облегчив графу Каприви вступление в должность. Если бы я встал на сторону Шувалова и настоял на соблюдении императорского обещания, Каприви не смог бы остаться на своем посту.

28 октября в Петербурге я принял Хусни-пашу и заговорил с ним о Памире; затем я поднялся в свои покои

⁷ В 1891 году Среднее Поволжье и Черноземье поразил сильный неурожай, который привел к голоду в 17 губерниях. В результате голода и сопровождавших его эпидемий избыточная смертность составила до 400 тысяч человек.

и не выходил до **7 декабря**. [...] Пока я лежал больной, меня навещали Победоносцев, Гирс и Шванебах. Граф Волькенштейн тоже часто приходил, а затем я принял и всех остальных дипломатов. Новый французский посол, граф Монтебелло, тоже навестил меня еще во время болезни. Часто приходил барон Марочетти; русские знакомые демонстрировали меньше участия. Я был изумлен нескрываемым опасением предстоящего нападения, о котором мне первым сказал господин Победоносцев, а Гирс заявил, что подобные страхи присутствуют если не у него, то почти у всех российских государственных мужей. [...]

1892 ГОД

Начинающийся год станет последним в моей карьере. Я хочу уйти в отставку не из-за недавней болезни, не из опасений за свое здоровье, за которым в здешнем комфорте богатого дома могу следить лучше, чем где бы то ни было. Настоящей причиной является долг по отношению к моей семье. О патриотическом же долге, заставлявшем меня оставаться здесь, к сожалению, больше не может быть и речи. 27 лет назад я приехал сюда с заданием и намерением развивать традиционное сотрудничество династий. Мне удавалось достичь этого в тяжелейших условиях — во время нашей войны против немецких домов, состоявших в близком родстве с российским двором¹. И позднее, даже при нынешнем царе, я был способен сохранять хотя бы видимость монархической солидарности и дружественных отношений — до того момента, когда мою политику, то есть работу с умонастроением Александра III, перечеркнули в Берлине. Жестокость с российской и неосторожность с германской стороны, политические ошибки обоих кабинетов в конце концов привели к тому, что в Кронштадте играли «Марсельезу», а прусское правительство заигрывает с поляками.

При обоих дворах поменялось столь многое, что их отношения уже не могут продолжаться в старом стиле — единственном возможном для меня. По большому счету,

¹ Имеется в виду Немецкая война 1866 года.

несмотря на все повороты в судьбах Европы и моем положении за последние 25 лет, я остаюсь прусским флигель-адъютантом образца 1866 года, который мог дать понять могущественному союзнику своего короля: если Ты поднимешь против нас Европу, мы призовем национальные силы Германии и лишим твоих шуринов, кузенов и кузин их суверенных прав. Именно в таком ключе я высказывался в те памятные дни в Красносельском лагере, когда Александр II заявил мне: европейский порядок, основанный Александром I, не может быть изменен без его участия, и поэтому он предлагает созвать конгресс. Еще в 1884 году, когда Гирсу недоставало мужества сказать Александру III о намерении Бисмарка устроить встречу трех императоров, я мог разъяснить царю необходимость этого свидания монархов, которое затем действительно состоялось в Скерневице. И позднее мне время от времени удавалось своим личным влиянием смягчить отчуждение династий, ускорившееся благодаря датской ненависти. Пока был жив наш великий император, еще можно было что-то сделать, опираясь на те традиции взаимного почтения, представителем которых я являлся. Однако затем любой дипломатии флигель- или генерал-адъютантов пришел конец. Когда теперь провокационным поведением при возобновлении Тройственного союза Россию толкают в объятия Франции, я начинаю казаться себе Дон Кихотом легитимизма, скачущим в Красносельский лагерь после визита французского флота в Кронштадт.

Так оказался изменен или скорее уничтожен личностный характер моей деятельности, опиравшийся на династические традиции. Моя чисто деловая, дипломатическая задача была сильно осложнена Бисмарком, жестоко высылавшим российских подданных. В западных провинциях бесшумно поселилось множество искусных немцев — процесс выгодный как для них самих, так и для владельцев земель, которые они купили или арендовали.

С другой стороны, тысячи неимущих индивидов мигрировали в наши восточные провинции из Русской Польши; их оказалось так много, что местами конфессиональный и национальный баланс изменился не в пользу немцев-протестантов. С этим злом нужно было что-то делать, но совершенно отсутствовала необходимость делать так, как поступил Бисмарк. Когда я оповестил российское правительство о планируемых мерах и по заданию канцлера сказал, что мы действуем в интересах обеих держав, удаляя с нашей территории беспокойные и частью опасные элементы, агитирующие против России под защитой прусских конституционных свобод, граф Дмитрий Толстой и господин Гирс ответили мне, что это отчасти справедливо, но наши массовые высылки одновременно очень опасны, поскольку они станут питать русскую агитацию против немецких колонистов и в конце концов вынудят Россию подражать нашему примеру. Гирс сказал — и я записал это, — что взаимные высылки настолько обостряют национальные противоречия, что их сложно будет смягчить. Все мои предупреждения в Берлине остались безуспешными; высылка началась и наделала много шума, порождавшего в России все более громкое эхо. Быстрой чередой российское правительство стало издавать законы, запрещавшие или как минимум осложнявшие иностранцам приобретение, наследование и использование земли. Высылка тоже не заставила себя ждать, причем у меня не осталось средств защитить земляков.

Таким образом политическая и общественная ситуация постепенно дошла до такой стадии, на которой я с чистой совестью могу сказать, что моя отставка нимало не повредит. Как дипломата меня легко заменить, мое личное влияние при дворе упало до нуля. Со смертью обергофмейстерши Кочубей я потерял свою последнюю опору, другие друзья умерли или были удалены еще раньше, а новых я не нашел. Как и во многих других делах этого мира, конец моей служебной деятельности оказался печальным.

In magnis voluisse sat est² — слабое утешение. Да, я многое сделал, чтобы не допустить войны; но если она все же разразится, велика ли заслуга просто отсрочить ее? Я по-прежнему верю, что войны можно избежать, что она не есть необходимость, вызванная вопросами власти, географическими или любыми другими причинами, которые нельзя устранить мирным путем. В конце концов, даже в случае победоносного исхода она не даст нам больших выгод, тем более длительного мира на востоке. Я всегда считал своей задачей сохранять наши отношения такими, чтобы в любой момент оставалась возможность сближения. До недавних пор мне это удавалось; так будет и впредь, если мы станем держаться в болгарских делах предначертанной Бисмарком линии, а прусское правительство не вступит на ложный путь, жертвуя своими интересами ради польских. Не сомневаюсь, что мой преемник, как и я, будет убежден: состояние Австро-Венгрии не дает достаточной гарантии, позволяющей положиться исключительно на союз с этой державой. Католические славяне во главе с чехами могут стать для нас опаснее православных.

20 января у меня состоялся доверительный разговор с господином Гирсом, в ходе которого он сообщил, что австрийцы выступили в Белграде с угрозами из-за болгарских эмигрантов; он надеется, что они не станут натравливать болгар на сербов, как когда-то натравливали сербов на болгар. **23-го** я рассказал об этой беседе навестившему меня графу Волькенштейну; он был очень взволнован и искренне возмущен тем, что Гирс мог приписать императору Францу Иосифу такие намерения. Он направил в Вену соответствующую телеграмму; последовала серия дипломатических переговоров, местами весьма оживленных, между графом Кальноки и князем Лобановым, графом Шуваловым и генералом Каприви, Волькенштейном и Гирсом.

² «В великих делах желание — уже достаточная заслуга» (лат.). Крылатая фраза из «Элегий» Проперция.

В общем и целом эти беседы привели к благоприятному результату.

27 января. Поздравляющих оказалось немного. За завтраком в Аничковом дворце царь был особенно весел и разговорчив. Императрица спросила меня: «Как поживает Бисмарк?» Услышав это, император громко засмеялся и сказал: «Какое дело Швейницу до того, как поживает Бисмарк!» Я ответил: «Простите, сир, я от всего сердца желаю, чтобы Господь продлил отведенные князю дни». Перед завтраком император удостоил меня долгой беседы в своем кабинете, но не касался политики.

3 февраля. У господина Гирса; мы беседовали о большой политике, Австрии и Сербии, Кальноки и Лобанове, Каприви и Шувалове. На докладе последнего о разговоре с канцлером царь сделал пометку: «Каприви всегда можно верить».

10 февраля. Из Берлина я получил два вопроса: как обстоят дела с русской «военной партией» и являются ли высказанные российскими государственными деятелями опасения касательно германских и австрийских наступательных планов искренними или фиктивными? Задача российского министра иностранных дел осложняется генералами, которые не устают раздувать недоверие царя к Австрии и к нам. Но я не верю в то, что эти генералы хотят сейчас войны. Даже если некоторые выдающиеся представители армии, рассчитывая на Францию, при нынешних неблагоприятных экономических условиях и до завершения перевооружения подталкивают страну к войне, речь идет лишь об отдельных людях. Если под «партией» понимать большое число лиц, сообща работающих над достижением общей цели, то следует констатировать, что в России нет «военной партии» и никогда не было в течение всего моего срока пребывания. Ввиду наращивания армии, превзошедшего всякую разумную меру, языка газет и всевозможных враждебных демонстраций я должен подробнее обосновать свою точку зрения.

Сперва нужно повторить то, о чем уже много раз говорилось раньше: многие образованные русские жаждут войны, поскольку уверены, что она приведет к падению правящего режима. Число недовольных, разделяющих эту точку зрения, велико. Многие из них сейчас надеются, что недостатки, обострившиеся в результате неурожая, будут иметь тот же эффект, что и военные неудачи. В низших слоях общества и массе крестьян нет никакой воинственности, даже если непрерывное подзуживание прессы пробудило во всей стране желание видеть немцев и австрийков крепко побитыми. С этой же мыслью охотно играют в высших кругах, однако без всякого желания рисковать ради ее воплощения в жизнь. Ни при дворе, ни в высшей бюрократии, ни в Государственном совете, а менее всего в министерстве иностранных дел я не смогу назвать человека, о котором можно было бы сказать, что он сознательно ведет дело к войне.

Более подробного описания заслуживает настрой армии. Чтобы оценить его, я должен вернуться в те времена, когда нынешняя армия — творение Дмитрия Милютина — была создана из старого войска с 25-летним сроком службы. После Крымской войны в течение шести лет рекрутов не набирали. Кавказ умиротворили в 1859 году, Шамиля взяли в плен, а начальника штаба победоносного князя Барятинского — генерала Милютина — назначили военным министром. В 1861 году были освобождены крестьяне, в 1863 году восстали поляки. Вся Европа, кроме Пруссии, приняла сторону поляков, однако помогла им только бурей дипломатических нот. Именно в тот момент Катков будто волшебством превратил революционное в европейском смысле настроение российского общества, кумиром которого являлся Александр Герцен, в столь развитое сегодня национально-русское. В условиях этого мощного движения проводились поспешные александровские реформы. Военный министр Милютин тогда же основал хорошо продуманную систему, которую мог в течение двадцати лет

проводить в жизнь с железной последовательностью. Я не буду подробно описывать удивительный метод, с помощью которого происходил переход от старого к совершенно новому. Милютин приступил к своему величайшему делу, с результатами коего мы имеем дело сейчас: он основал две военные школы, множество юнкерских училищ и военных гимназий и поощрял стремление к учебе. На первый план выдвинулись современные взгляды, любовь к точным и естественным наукам; о национальных помыслах заботились больше, чем о благородных и монархических. Большая часть находящихся на действительной службе офицеров вплоть до командиров полков и молодых генералов вышла из милютинских школ, однако наиболее явственный отпечаток этого направления мысли несут на себе офицеры генерального штаба. Фельдмаршал князь Барятинский слишком поздно распознал цели, к которым стремился его бывший начальник штаба, хотя мог бы предвидеть, что тот будет следовать тем же демократическим или, правильнее сказать, враждебным всему благородному тенденциям, что и его одаренный брат Николай Милютин³, с которым приходилось считаться в Варшаве другому фельдмаршалу — графу Бергу. Тогда в российской армии еще оставались благородные господа, настоящие гранд-сеньоры, среди которых нужно назвать обоих вышеупомянутых маршалов, братьев Строгановых, князя Семена Воронцова. Князь Барятинский при поддержке графа Берга и с помощью юного, избалованного царем и престолонаследником графа Воронцова-Дашкова предпринял тщетную попытку свалить военного министра. При этом он воспользовался пером ловкого, но бессовест-

3 Николай Алексеевич Милютин (1816–1872) — российский государственный деятель, один из авторов реформ Александра II. С 1861 года сенатор, с 1865 года член Государственного совета. После восстания в царстве Польском разрабатывал комплекс мер, предназначенных для умиротворения Польши, включая крестьянскую реформу.

ного генерала Фадеева⁴. Этот позабытый ныне человек является настоящим творцом или по меньшей мере кодификатором русского штабного шовинизма; именно Фадееву принадлежит знаменитая фраза «Путь в Константинополь ведет через Вену». Одновременно на сцену выступили Обручев в роли военного писателя и Драгомиров⁵ в роли тактика; они были самыми значительными фигурами среди профессоров академии генерального штаба — настоящего рассадника милютинских идей.

Крымская война и еще в большей степени польское восстание, положившее конец недолгой начавшейся в Штутгарте дружбе с Францией, стали доказательством того, что коалиция всех европейских держав против России вполне возможна. Генерал Милютин поставил себе задачу спасти Отечество от этой угрозы. Он сам говорил мне, и все сделанное им подтверждает эти слова: поскольку в результате Богемской войны Пруссия стала могущественной и независимой от России, он направил свои меры предосторожности в первую очередь в нашу сторону. Когда после войны с Францией Северогерманский Союз превратился в Германскую империю, Милютин удвоил свои усилия и ускорил программу сосредоточения войск в западных районах. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 году, сокращение срока службы, увеличение численности кавалерии и артиллерии, создание 24 резервных дивизий, закладка масштабных укреплений — все это входило в программу Милютина, исполнение и дальнейшее развитие которой мы имеем сейчас перед глазами. Война с Турцией, которой

⁴ Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1882) — российский военный деятель, историк и писатель, генерал-майор. В 1860-е годы получил широкую известность благодаря своей публицистической деятельности, направленной против проводимых Д. А. Милютиным военных преобразований.

⁵ Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905) — российский военный и государственный деятель, крупный военный теоретик.

не желал ни царь, ни военный министр, прервала систематическую работу Милютина, однако сразу после заключения мира министр взялся за дело с еще большей энергией. Почти вся кавалерия была переведена из богатых фуражом регионов на негостеприимные квартиры поблизости от прусской границы. Скопление конницы и конной артиллерии в приграничных районах не раз становилось предметом моих разговоров с покойным царем, причем Его Величество очень раздражался и заявлял, что больше не хочет об этом говорить. И все же в своих тогдашних донесениях я высказывал убеждение, что необузданное увеличение армии объясняется не воинственными намерениями ключевых фигур и что такие намерения не найдут поддержки в российском народе, а встретят пассивное сопротивление. Однако я и тогда добавлял, и сейчас повторяю: в массе офицеров и в заносчивом генеральном штабе не могли не появиться шовинистические идеи под влиянием националистической прессы.

Две ключевые фигуры, которые я тогда принимал во внимание, сошли со сцены. Я точно знал характер Александра II и могу предположить, что он из уважения к памяти своей матери начал бы войну против нас, только будучи вынужденным к этому. Однако генерал Милютин видел в армии не столько инструмент внешней мощи, сколько институт народного образования в духе свободы мысли. Третий из основателей стратегической системы находится в зените своей деятельности; речь идет о ее духовном отце, генерале Обручеве. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть его склонность к войне, но считаю, что он слишком рассудителен для того, чтобы стремиться к столкновению в данный момент. Еще один важный фактор, который следует принимать во внимание — военный министр, который помимо прочего является одним из руководителей центральноазиатской политики. Генерал Ванновский достоин уважения, он солдат в полном смысле этого слова и потому не страшится войны. Однако, будучи

военным министром, он не может желать ее в данный момент, когда армия еще не готова. Что касается среднеазиатских вопросов, то здесь у него своя концепция: центральное руководство российской дипломатии должно усилить позиции в Закаспийском крае, Туркестане и на Амуре, чтобы придать вес своей политике в целом и против Великобритании в частности. Военный министр должен в первую очередь думать о том, чтобы сохранять позиции в названных весьма удаленных районах, заботиться о безопасности находящихся там войск и поддерживать для этого престиж, абсолютно необходимый в Азии. Поэтому генерал Ванновский и его азиатский штаб в некоторых случаях не могут быть столь уступчивы, как того желает господин Гирс, стремящийся избежать трений с Англией. Когда речь заходит о сложностях, создаваемых генералами министру иностранных дел, то, как правило, речь идет о военачальниках в Азии.

Теперь обращусь ко второму вопросу. Несмотря на все уважение к императору Францу Иосифу, у императора Александра III присутствует глубоко укоренившееся недоверие к австро-венгерской политике и невысокое мнение о способности венского кабинета сопротивляться венгерскому и польскому влиянию. Военный министр, а также генералы Драгомиров и Гурко знают этот образ мыслей монарха и поддерживают его; требования дополнительного финансирования для увеличения армии, перегруппировки, укреплений, строительства железных и шоссейных дорог мотивируются ставшим почти аксиомой утверждением, что Австро-Венгрия уверена в германской поддержке и хочет атаковать Россию. Неоднократные и только с большой неохотой прекращенные в итоге попытки господина Гирса «получить какой-нибудь письменный документ, хотя бы пару строк», которые гарантировали бы Россию от подобного нападения, объясняются наличием именно таких воззрений. Наш отказ от этого предложения только усилил указанное заблуждение и подтолкнул русских

к Франции. Господин Гирс заходит в своем недоверии не так далеко, как царь, а в своей обеспокоенности — не так далеко, как генералы; однако он недостаточно силен, чтобы поставить предел их подозрениям в адрес венской политики, и именно поэтому столь настоятельно нуждался в «паре строк». Думаю, что обеспокоенность российских государственных мужей вполне искренняя, и должен добавить, что если не в министерстве иностранных дел, то при дворе, в обществе и в политических кругах нам доверяют еще меньше, чем австрийцам. Я сперва не хотел верить сказанному господином Победоносцевым, который навестил меня в ноябре, вернувшись из Крыма; он ясно дал понять, что нашего императора считают способным на все, в том числе на нападение без объявления войны. Вскоре после этого господин Гирс вернулся из своей поездки в Милан, Париж и Берлин и привез самые благоприятные впечатления от бесед с итальянскими, французскими и немецкими политиками. Он был удивлен, обнаружив здесь воззрения, выраженные господином Победоносцевым. С тех пор я получил еще множество доказательств того, что в высших сферах подозревают наличие у нас агрессивных планов. Чем больше я стремился выяснить причину и происхождение этих опасений, тем яснее понимал, что дело не в низких сферах пустой болтовни и ежедневных газет; такая точка зрения идет сверху. Многие наши газеты, особенно те, в которых работают балтийские эмигранты, говорят о России с такой ненавистью, что это может пробудить здесь опасения касательно воинственных намерений, но на этом основании невозможно делать выводы о планах правительства. Вероятно, в высших сферах были предъявлены другие аргументы, вероятно, появившиеся на самой скользкой для жизненно важных вопросов Пруссии и России почве — польской. Это русское недоверие к нам и австрийцам может быть сколь угодно необоснованным, однако оно является не фиктивным, а вполне искренним. Тон, которым австро-венгерская и часть немецкой прессы

говорит о нынешнем бедствии, способен превратить недоверие в серьезное беспокойство, а это вредно, поскольку приводит к возросшей военной активности (чему уже есть свидетельства) и ревностной заботе о несколько остывшей французской дружбе.

20 февраля. Генеральный консул Бартельс написал из Москвы, что там все ожидают немецкого нападения; необходимо срочно опровергнуть слухи. Я отправил соответствующее донесение в Берлин, добавив, что не разделяю мнения консула, поскольку невозможно серьезно заявлять, что не собираешься делать глупости; большое и растущее распространение упомянутых страхов я не отрицал. Пользуясь случаем, я также еще раз упомянул взгляды, господствующие в высших кругах, и польские интриги. Пруско-российские отношения на протяжении последних ста лет определялись в первую очередь последствиями раздела Польши, создавшего общность интересов обеих некаатолических держав. Среди многих доказательств этой фундаментальной истины наиболее ярким является история восстания 1863 года, расчистившего поле для нашей национальной политики 1864 и 1866 годов. Любое изменение в польском вопросе сразу же становится ощутимо не только на нашей неестественной границе протяженностью в тысячу километров, но и в политике в целом. Здесь считают, что такие изменения стоят на повестке дня; указывающим на них симптомам придается преувеличенное значение из-за польской и еврейской лжи, а также донесений военных и гражданских инстанций из пограничных районов. Согласно этим донесениям, поляки убеждены, что император Вильгельм восстановит их государство; мне об этом сообщил господин Гирс, сославшись на сангвинический темперамент упомянутой нации. Когда я спросил министра о том, каково мнение его повелителя по поводу донесений из Польши, он ответил: «У императора не нервы, а канаты». Царь спокойно относится к подобным новостям; услышав о тех шагах, которые делаются навстречу

прусским полякам, он заявил: «Нам это не повредит, немцы сами будут за это расплачиваться».

23 марта. Ко мне пришел князь Лобанов, посол в Вене. В доверительной беседе он совершенно открыто сказал, что Польша ждет своего возрождения от императора Вильгельма II.

30 марта. Михаил Гирс пришел ко мне, чтобы поблагодарить за вопрос о самочувствии его тяжело больного отца, заданный мной по поручению императора. Позднее зашел граф Шувалов, который возвращается в Берлин, не сумев сдвинуть с места наши предварительные переговоры по вопросу таможенных льгот. [...]

15 мая. Наша старая подруга княгиня Мария Долгорукая, урожденная графиня Апраксина, скончалась вчера. Мы отправились на панихиду.

Ноябрь 1892 года, Петербург. **16 июня** в 10 часов утра мы покинули наш дом; с благодарностью к Господу я увез свое семейство из города, в который приехал 16 лет назад с двумя больными детьми. Сегодня меня окружают восемь, радостных и здоровых.

12 октября в четыре часа я отправился к генералу Каприви и оставался у него на протяжении часа с четвертью. Канцлер, как всегда, был благожелательно настроен ко мне и говорил предельно ясно, но чувствовалась некоторая отстраненность, отсутствие воли к борьбе. Он предпринял слабую попытку убедить меня остаться на посту хотя бы до весны, но вскоре признал, что мое решение уйти в отставку до Рождества хорошо обосновано. Затем он заговорил о выборе моего преемника. Я поставил три условия, с которыми граф согласился. Во-первых, новый посол должен быть настоящим пруссаком — не ганноверцем и не южанином, — поскольку все, что еще связывает нас с Россией, основано на прусской традиции, которую человек со стороны не поймет. Во-вторых, спокойным, заслуживающим и вызывающим доверие человеком. В-третьих, по возможности профессиональным дипломатом. Этим условиям отвечал граф

Альвенслебен; канцлер о нем невысокого мнения, считая слабым и лишенным мужества с того времени, когда безуспешно хотел назначить его статс-секретарем. Я тоже не могу простить Альвенслебену его тогдашний отказ. Если я теперь все же предлагаю его, то только потому, что знаю: у царя нет к нему недоверия, более того, монарх с давних времен благоволит ему. Кроме того, я хочу не допустить решения императора назначить графа Веделя, который значительнее Альвенслебена, но является ганноверцем и другом юности герцога Камберлендского, что может поставить его в неверное положение при российском дворе.

Генерал Каприви заговорил о реформе армии. При всем уважении к нашим союзникам, он не ждет от австрийцев многого, а от итальянцев — практически ничего. Одновременно он не скрывает, что русские и французы добились большого прогресса, и превосходство, которым мы располагали в 1870 году не только в численном и организационном, но и в нематериальном отношении, теперь исчезло. Соотношение сил стало неблагоприятным; картину дипломатической ситуации канцлер нарисовал темными красками, хотя он и не ждет войны в ближайшем будущем и не сомневается в верности наших союзников. Еще более мрачной под впечатлением от рассказов генерала показалась мне внутренняя ситуация, хотя сам он делал иной, более оптимистичный вывод. Воспользовавшись поводом, я в мягкой форме сказал, что способ ведения дел внешнеполитическим ведомством вызывает некоторую озабоченность; одна не вполне психически здоровая личность оказывает слишком большое влияние. Граф ответил, что очень хорошо знает большой недостаток господина Гольштейна, позволяющего личным предвзятостям руководить собой, но не может справиться с делами без него. На этом он стоял твердо; я не смог изменить его позиции. Канцлер весьма скромнен и потому понимает, что не владеет техникой дипломатии, равно как статс-секретарь Маршалл и младший статс-секретарь Ротенхан, однако у него нет ни власти,

ни воли для того, чтобы заменить этих людей более способными. И в результате руководство нашей политикой попадает в руки единственного чиновника, прекрасно знающего традиции ведомства и особенности своего ремесла, поскольку он тридцать лет служил под началом Бисмарка, некоторое время испытывавшего к нему большое доверие и использовавшего для секретных, не всегда чистых дел, особенно связанных с прессой. Барон Гольштейн был секретарем петербургского посольства, когда посланником там являлся Бисмарк, и оставался слепо предан своему начальнику почти до его падения, что было ярко продемонстрировано во время расправы над Гарри Арнимом⁶. Господин Гольштейн никогда не хотел блистать, не требовал чего бы то ни было для себя (ни наград, ни высоких должностей), обладает множеством превосходных дарований ума и сердца, но очень большое влияние на его действия оказывает личная неприязнь, причем не только ко мне.

На следующий день, **13 октября**, у меня состоялась беседа со статс-секретарем бароном Маршаллом. Меня порадовало его прямое заявление о том, что теперь он понимает: единственная разумная политика для нас — стремление к хорошим отношениям с Россией. Я затронул вопрос назначения моего преемника и заявил: хотя статс-секретарь

⁶ Гарри фон Арним (1824–1881) — германский дипломат, политический противник Бисмарка. В 1872–1874 годах являлся германским послом в Париже, в этот период его конфликт с канцлером достиг максимальной остроты. Гольштейн, служивший в посольстве, по заданию Бисмарка шпионил за Арнимом, добывая доказательства его нелояльного поведения. В 1874 году Арним был отозван, но продолжил борьбу против Бисмарка, развернув кампанию в прессе и используя для этой цели служебные документы. Это позволило канцлеру обвинить его в государственной измене. Чтобы избежать тюремного заключения, Арним был вынужден эмигрировать и умер в изгнании в Ницце. «Дело Арнима» считается классическим примером жестокости и неразборчивости в средствах, с которой Бисмарк уничтожал своих противников.

является баденцем, на петербургский пост следует назначать только настоящих пруссаков. Он полностью согласился со мной.

20 ноября. Хотя из Берлина мне несколько раз сообщали, что моим преемником точно назначат графа Альвенслебена, я не спешил этому верить. Поэтому меня не слишком удивила поступившая вчера телеграмма от барона Маршалла. В соответствии с ней, граф Шувалов сообщил о переданном по телеграфу желании императора Александра видеть послом в Петербурге генерала Вердера; царь ожидает от этого назначения укрепления дружбы двух монархов. Канцлер поддержал, император одобрил, генерал Вердер согласился. С Вердером мы дружим уже полвека, в юности я почти обожествлял его, он благороднейший человек с добрым и большим сердцем и здравым рассудком. Однако он почти так же стар, как и я, страдает от подагры и мало учился. Царь очень любит его, императрица и все великие князья и княгини относятся к нему с симпатией и доверием, его позиция при дворе окажется великолепной. Но ни здесь, ни в Берлине не проводится политика, которая соответствовала бы этому положению нашего представителя. У Вердера много такта — чистого и искреннего такта настоящего патриота, — и это позволит ему преодолеть множество сложностей, с которыми бы не справился настоящий дипломат. Но легкой его задача не станет, особенно если через него попытаются добиться вещей, в которых мы не сможем пойти навстречу, как это было в 1876 году в Крыму. Тем не менее, в нынешней ситуации я согласен с этим назначением — при условии, что наше внешнеполитическое ведомство будет действовать в том же духе и предоставит генералу работать с психологией царя. В России, почти как во времена императора Павла, от царя зависит все. Все европейские державы стремятся снискать его расположение, в том числе и оба наших союзника. Внутри Тройственного союза ведущую роль будет играть тот, у кого лучше отношения с Россией. Мы не можем расстаться с Австрией,

и легче всего удержать ее в том случае, если в Вене будут знать, что мы в любой момент способны восстановить прежние отношения с Россией ценой отказа от Тройственного союза. Именно сейчас важно напомнить об этом господам в Вене и в Риме. Во Франции тоже не могут не понимать большую роль назначения Вердера — его послали не мы, царь сам попросил об этом, чтобы укрепить существующую дружбу монархов.

7 декабря. Прощальный праздник в немецкой колонии. Пестрое общество из представителей всех классов, атмосфера веселая и непринужденная. Я очень доволен, что смог создать такое единство немецкой колонии, несмотря на многочисленные попытки расколоть ее, предпринимаемые в последние годы.

8 декабря. Фельдъегерь прибыл с документом о моей отставке.

12 декабря в половине одиннадцатого утра я с князем Салтыковым и двумя церемониймейстерами отправился в Гатчину. Золотая карета с упряжкой из шести лошадей доставила меня от вокзала в огромный дворец, своим сегодняшним мрачным уединением напоминающий Эскориал. После короткого пребывания в назначенных мне прекрасных покоях меня провели к царю, который встретил меня в своем кабинете. Его Величество сел напротив и заговорил искренне и с благодарностью, не касаясь политических вопросов. Речь шла почти только обо мне и о моих личных делах. Тем не менее, вопреки обыкновению, царь сказал несколько слов и передал приветы моему императору. Затем он спросил, верю ли я в принятие военного закона⁷; перспективы здесь кажутся неблагоприятными. Я ответил, что с уверенностью жду его принятия, поскольку его необходимость очевидна, и большинство в итоге

⁷ Речь идет о военном законопроекте, принятом рейхстагом в 1893 году ценой определенных уступок со стороны правительства.

проголосует за меры, нужные для обеспечения безопасности. Затем царь заговорил о моем преемнике и отметил, что тот столкнется с большими трудностями. Я ответил, что мы рассчитываем на Его Величество, который сможет облегчить его задачу. Когда мы уже встали и я собрался уходить, мне представилась возможность повторить старый принцип, которому почти только я один придаю огромное значение. Я сказал: «Важнее так называемой высокой политики, интереснее Болгарии и всего подобного мне были текущие дела; наша общая граница простирается на тысячу километров, и на этом длинном отрезке живут люди, чуждые и враждебные нам обоим. Для наших отношений очень важно, чтобы наши пограничные власти действовали единодушно». Эту простую истину следует повторять так часто, как только возможно, причем как в Пруссии, так и в России. Царь спросил меня, располагаю ли я еще одним свободным днем, чтобы присутствовать на обеде; он предложил четверг. Затем он с искренней сердечностью простился со мной, и я отправился к императрице, которая была настроена серьезно и почти мрачно. Предположительно ее беспокоили дела великого князя Георга.

Когда принцесса Дагмара Гольштейн-Глюксбургская прибыла в ноябре 1866 года в Царское Село в качестве невесты, я вместе с императором Александром II скакал рядом с ее экипажем. После этого я еще три года был при русском дворе, и за все это время она не сказала мне ни слова, хотя я, будучи членом императорской свиты, много раз целовал ей руку на различных торжествах. Только когда я распрощался в ноябре 1869 года, чтобы отправиться в Вену, она произнесла несколько ничего не значивших слов. Впечатления ранней юности, когда ее отец вступил на престол и утратил герцогства⁸, оказались настолько глубокими и болезненными, что время не смогло их устранить или заставить поблекнуть. Это проявилось бесчисленное

⁸ Речь идет о Датской войне 1864 года.

множество раз, в особенности в личном общении с людьми, чьи имена или должности напоминали ей о Датской войне. Естественно, что такая последовательность изящной молодой супруги укрепляла ее мужа в его инстинктивной нелюбви к Пруссии и постепенно привела к полному отчуждению, пришедшему на смену прежним тесным связям с немецкими дворами. К этому добавлялась сильно развитая семейственность, отличающая осчастливленное судьбой потомство датского короля и приведшая к тесной связи его российских, английских, греческих и ганноверских представителей. Образовалась настоящая антипрусская фаланга под руководством датской королевы с ее твердой волей и упорной ненавистью. Нелюбовь императрицы к пруссакам стала с течением времени почти незаметной в ее общении со мной, а еще больше с генералом Вердером. Лишь время от времени старая ярость вспыхивала, не задевая ни одного из нас. На протяжении двенадцати лет я как дуайен регулярно занимал место рядом с ней за торжественным столом, и за это время у нас сформировалась традиция весьма приятного общения. Поэтому я простился с императрицей с искренней почтительностью и симпатией, не без восхищения силой ее характера и счастливым равновесием души, позволившим ей пережить времена, в которые человеку с более богатым воображением, развитым умом и холодным сердцем грозило бы безумие.

15 декабря. После завтрака я принял дипломатов, преподнесших мне в дар два канделябра; с речью выступил граф Волькенштейн. Затем я попрощался с семьей верного и надежного шефа канцелярии тайного советника Кельхнера и со многими другими. В половине шестого ко мне пришел гофмейстер граф Воронцов-Дашков и принес орден Святого Андрея с бриллиантами; я не мог с уверенностью рассчитывать на такую награду, поэтому очень обрадовался. В четверть седьмого я вместе с приглашенными гостями на специальном поезде поехал в Гатчине на прощальный ужин, прошедший в очень хорошей и друже-

ственной атмосфере. Их Величества были очень любезны, царь выпил за здоровье моих жены и детей, императрица весела и дружелюбна. Общее впечатление оказалось весьма благоприятным.

16 декабря. Мой последний день в Петербурге; без четверти семь я отправился в путь. На вокзале собрались почти все дипломаты, а также несколько русских дам и представители немецкой колонии. Прощание было сердечным, мне продемонстрировали множество знаков дружбы и благодарности. Я добился малого, не допустил некоторых бедствий, однако «чуть уцелевший челнок к пристани правит старик»⁹. Мне и моему слуге Антону предоставили целый вагон, и поездка прошла весьма приятно. Мне хватило и времени, и покоя для того, чтобы подумать об отрезке жизни, оставшемся за спиной. С большим удовольствием я вспоминаю последние два месяца, в течение которых получил множество доказательств искреннего признания моих заслуг. Мне были нужны эти ободряющие впечатления, поскольку на мои плечи тяжким грузом легли суровые бои предшествующего периода отречения и осознания неудачи. И для меня стало большим утешением видеть столь недвусмысленным образом, что не только лучшие, но и все, с кем я имел дело, одобряли мою деятельность и относились ко мне с уважением, а порой с искренней симпатией. Это было настоящей милостью Господа, что я смог завершить свою семнадцатилетнюю деятельность в России столь почетным образом.

⁹ Швейниц цитирует знаменитое стихотворение Фридриха Шиллера «Ожидание и исполнение»: «С тысячью гордых судов пускается юноша в море; / Чуть уцелевший челнок к пристани правит старик» (перевод М. Л. Михайлова).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие переводчика	5
1881 год	10
1882 год	39
1883 год	90
1884 год	135
1885 год	179
1886 год	202
1887 год	227
1888 год	252
1889 год	271
1890 год	295
1891 год	317
1892 год	330

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Les mémoires»

Швейниц Лотар фон

ПРИ ДВОРЕ АЛЕКСАНДРА III

Дневник германского посла

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка макета *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 24.06.25

Формат 12,5×19,5 см

Гарнитура PetersburgC

ООО «Издательство «Евразия»

197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Тел.: (812) 602-08-24

Сайт: <https://eurasiabooks.com/>

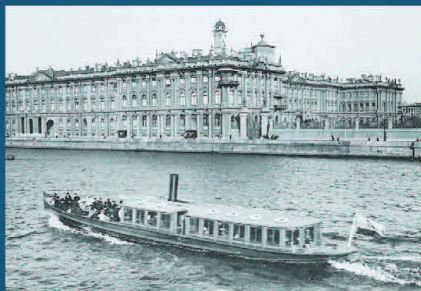
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»

Сайт: <https://www.intermediator.ru>

Телефон: (495) 587-74-81

Эл. почта: info@intermediator.ru

Эпоха Александра III ставит как перед исследователями, так и перед любителями истории два больших комплекса вопросов: один касается внутренней, второй — внешней политики России. Был ли верным консервативный курс, взятый новым императором после убийства отца, собиравшегося двигаться по пути реформ? И являлся ли неизбежным отказ от традиционного сотрудничества с Берлином и поворот в сторону союза с Францией? Автор представленного вниманию читателя дневника, Ганс Лотар фон Швейниц, тоже искал ответ на эти вопросы. Им двигало отнюдь не только любопытство — на протяжении более чем шестнадцати лет, с 1876 по 1892 год, Швейниц являлся германским послом в Российской империи. Он постоянно взаимодействовал с ключевыми государственными деятелями и самим императором, внимательно изучал происходящее в стране, а также непосредственно играл немалую роль в развитии российско-германских отношений. Поэтому дневник Швейница — важный и ценный источник по истории эпохи Александра III, без которого трудно обойтись при ответе на многие ключевые вопросы.

е в р а з и я